



Н. Жуковский

Полномочный
представитель

Николай Жуковский

Полномочный представитель СССР



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1968

Эта книга о трудном, исключительно богатом событиями жизненном пути революционера, одного из видных советских дипломатов — Петра Лазаревича Войкова. Книга написана Н. П. Жуковским, дипломатическим работником, автором рассказов о встречах В. И. Ленина с А. М. Горьким в Италии, на основе документальных данных, воспоминаний родных и друзей П. Л. Войкова.

Большую помощь оказали автору сестры П. Л. Войкова — В. Л. Гавронская, М. Л. Войкова, жена — А. А. Войкова; С. И. Аралов, В. И. Вавилов, И. Г. Голуб, Ф. П. Доля, А. В. Иванцов, Е. С. Кириаш, М. А. Костылев, А. А. Маслаков, М. А. Попов, О. П. Селянинов, П. Ф. Струнников, А. П. Яковлева.

Автор сердечно благодарит их за это.

Глубокую благодарность за помощь он выражает сотрудникам Главного архивного управления СССР, Крымского областного партийного архива, Крымского областного государственного архива, Историко-дипломатического управления МИД СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Предисловие — одного из старейших советских дипломатов — Семена Ивановича Аралова.

Более сорока лет прошло с того времени, когда жил и работал Петр Лазаревич Войков. Его дипломатическая деятельность началась в 1921 году на посту председателя делегации РСФСР и УССР в советско-польской реэвакуационной комиссии. Она помогла найти и возвратить польскому народу эвакуированные из Польши во время первой мировой войны исторические и культурные ценности, оборудование заводов и фабрик. Это была очень ответственная и сложная работа, в которой проявились огромные организационные способности П. Л. Войкова. Его деятельность была высоко оценена и польской стороной.

Последующие мои встречи с П. Л. Войковым были на дипломатической службе. Мы работали по соседству: Войков — полномочным представителем СССР в Польше, я — в Латвии. Необходимо было помогать друг другу, быть в курсе нашей работы, обмениваться информацией о внутренней и внешней политике стран, в которых мы представляли свою родину. Встречи были не частые.

Происходили они в Наркоминделе, где я по возвращении в Москву работал членом коллегии. Петр Лазаревич рассказывал о настроении рабочих, интеллигенции, буржуазных кругов Польши. В личных беседах он был экспансивен, откровенен, много говорил о стремлениях своих буржуазных оппонентов: мечтают и хлопочут о деньгах, богатстве, дела народа их не интересуют.

Высокий, стройный, со слегка вьющимися светлыми волосами, живыми пронизательными голубыми глазами, открытым, приветливым лицом, П. Л. Войков и внешне производил на окружающих приятное впечатление. Около Петра Лазаревича на приемах всегда было много людей, с интересом прислушивавшихся к его беседам с дипломатами и журналистами.

П. Л. Войков был назначен полпредом СССР в Варшаве в 1924 г. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин, сообщая о назначении Войкова, писал в сентябре 1924 года министру иностранных дел Польши А. Сквиныскому, что правительство Советского Союза считает П. Л. Войкова вполне подходящим лицом для установления и развития добрососедских отношений. «Не могу не упомянуть, — отмечал Чичерин, — при этом с удовлетворением о том, что часть вопросов, разделявших наши Правительства, уже урегулирована соглашением, подписанным со стороны Советского Правительства Петром Лазаревичем Войковым 25 августа». Г. В. Чичерин дал яркую характеристику общей борьбы русской и польской

общественности с царским самодержавием. Это письмо Г. В. Чичерина произвело глубокое впечатление. Петр Лазаревич рассказывал мне и другим товарищам, что оно нелегально ходило по рукам радикально настроенной польской молодежи, особенно среди рабочих.

Дипломатическая деятельность П. Л. Войкова проходила в острое и напряженное время. Был возобновлен польско-румынский договор 1921 года, имевший целью совместное выступление против Советской России. 16—17 января 1925 года, т. е. спустя два месяца после приезда Петра Лазаревича в Варшаву, когда он еще не имел ни времени, чтобы развернуть свою работу, ни связей с широкими кругами польской общественности, в Гельсингфорсе состоялась конференция министров иностранных дел Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. Литва отказалась от участия в этой конференции и была представлена на ней лишь неофициальным наблюдателем.

Под влиянием империалистических кругов Великобритании, Франции и Германии польское буржуазное правительство ставило вопрос о создании прибалтийского блока. По мысли империалистов, этот блок, в котором руководящее место отводилось польской реакционной буржуазии, должен был быть направлен против СССР. Министр иностранных дел Польши Сквинынский в интервью газете «Речь Посполита» заявил, что солидаризируется с антикоммунистической и антисоветской политикой Чемберлена и что це-

лью его поездки в Гельсингфорс является создание прибалтийского союза. П. Л. Войков знал, что некоторые Прибалтийские страны (в особенности Латвия и Литва) относились прохладно к идее организации блока во главе с Польшей. На него легла нелегкая задача вести дело так, чтобы не дать возможности реакционным буржуазным деятелям Польши создать прибалтийский союз. П. Л. Войков проявил тогда большую энергию, находчивость, действовал решительно и стойко в польских правительственных и общественных кругах, проводил постоянные консультации с полпредами СССР в Прибалтийских странах.

Благодаря последовательной миролюбивой политике СССР план создания антисоветского прибалтийского союза не был осуществлен.

В противовес антисоветским империалистическим планам по инициативе Советского Союза велись с соседними странами переговоры о заключении соглашений о ненападении и нейтралитете. П. Л. Войков настойчиво добивался подписания Советско-польского договора о ненападении и нейтралитете с взаимным обязательством не вступать ни в какие союзы, враждебные одной из сторон. В ответ польское буржуазное правительство выдвинуло проект общего договора со всеми Прибалтийскими странами. П. Л. Войкову удалось выиграть время для выяснения позиции правительств Литвы и Латвии. В сентябре 1926 года Литва подписала договор о дружбе и нейтралитете

с СССР. Вскоре были подписаны договоры о нейтралитете и о торговле между Латвией и СССР.

Таким образом, империалистические планы, направленные на срыв договоров СССР с соседними государствами и создание антисоветского блока, провалились.

Петр Лазаревич хорошо понимал обстановку, в которой ему приходилось работать за границей. Она с самого начала была трудной, напряженной, требовала большого мужества. Едва он прибыл в страну, как от польского министерства иностранных дел поступило предупреждение о том, что в Варшаве находятся элементы, представляющие угрозу для советского представителя. Войков потребовал создания нормальных условий для своей дипломатической деятельности.

П. Л. Войков давал отпор враждебным вылазкам.

Живой, энергичный, находчивый в дипломатических спорах, он умел быстро разгадать хитрые замыслы своих противников, парировать их, остроумно разоблачить и потом посмеяться с друзьями над неудавшейся попыткой обойти советского дипломата...

Основательно помогало П. Л. Войкову в борьбе с буржуазными дипломатами прекрасное знание ленинских работ. Петр Лазаревич изучал каждое ленинское выступление по международным вопросам: отчеты на партийных съездах, на коминтерновских конгрессах, выступления в ВЦИК, где В. И. Ленин часто подвергал глубокому анализу наши международные дела, взаимоотно-

ношения с другими странами. Это настоящая наука, говорил в одной из наших бесед Петр Лазаревич, дающая мне огромные преимущества в спорах, беседах с буржуазными дипломатами, защищающими не Польшу, а денежные мешки Англии, Франции... Нам, продолжал он, всем советским дипломатам, с таким необычайно талантливым, образованным практиком, как Чичерин, ясно видно будущее. Какая разница между нами и буржуазными дипломатами? Скшиньские и К⁰ боятся народа и действуют против него, а мы идем с народом, с партией рабочего класса. Поэтому победа всегда была и будет на нашей стороне. Скшиньские не видят будущее своей родины, а видят Чемберлена, Бриана с компанией и магнатов монополий. Мы выполняем волю народа. А они осуществляют волю своих хозяев, видят только настоящее и, не зная диалектики, учения Маркса — Энгельса, садятся в лужу.

Однажды, приехав в Москву, Петр Лазаревич после выполнения ряда больших и неотложных дел, бесед с Георгием Васильевичем Чичериным и с другими работниками Наркоминдела зашел ко мне в кабинет. Вид у Войкова был утомленный. Я предложил ему стакан чая. Петр Лазаревич засмеялся и, вынув из портфеля коробку, сказал, что согласен, давайте обменяемся этими приятными любезностями: вы меня чаем угощаете, а я вас польским шоколадом... И затем рассказал мне, какими любезностями обменялся он с министром иностранных дел

Польши Скшиньским. По поручению Советского правительства он прибыл к нему с предложением заключить договор о дружбе и нейтралитете. Скшиньский иронически посоветовал советским деятелям сначала освободиться от той идеологии, которую они исповедуют, а тогда, мол, вопрос о таком договоре прошел бы с успехом. Я же ему предложил поговорить с Чичериным и другими нашими работниками об идеологии Чемберлена, которую министр так прекрасно знает... Ну, Скшиньский и примолк...

П. Л. Войков прилагал много усилий для установления добрососедских отношений с Польшей. Он был инициатором обмена политическими, экономическими и культурными делегациями, расширения взаимовыгодных деловых связей, нового проекта водного пути Днепр — Висла. Петр Лазаревич хорошо знал трудящуюся Польшу, стремящуюся к миру и дружбе с советским народом. Он верил, что работает для будущего, что наступит время, когда польский народ, а не Скшиньские и К⁰, будет определять политику своей страны.

П. Л. Войков показал себя настоящим ленинцем, стойким защитником молодого Советского государства, талантливым дипломатом. И вражеская рука белогвардейца-монархиста произвела выстрел не в случайного человека, а в опасного для империалистических заправил крупного волевого борца, разоблачавшего их коварные замыслы.

Убийство Войкова в июне 1927 года было совершено преднамеренно. Вся обстановка, создававшаяся империалистическими силами в некоторых капиталистических странах, способствовала подготовке и осуществлению террористических актов не только по отношению к отдельным советским дипломатам (убийство В. В. Воровского в Швейцарии, нападение на советских дипломатических курьеров Нетте и Махмасталя в Латвии), но и против официальных представительств СССР за рубежом (разгром советского торгпредства в Лондоне, полпредства СССР в Пекине), а также организации провокаций на границе с Советским Союзом. Одновременно в ряде стран шла травля хозяйственных учреждений СССР. Наконец, все эти антисоветские акты были увенчаны разрывом дипломатических и экономических отношений Англии с СССР.

...И вот последняя моя встреча с П. Л. Войковым на польско-советской границе. Мы прибыли сюда по поручению правительства СССР и Народного комиссариата иностранных дел. Медленно приближался к нам паровоз, украшенный флагами и цветами. Несмотря на светлый летний день, горели фары паровоза, и продолжительными гудками машинист извещал нас о горестном событии. Паровоз, продолжая подавать тревожные гудки, остановился. Мы обнажили головы, вошли в вагон, положили цветы.

П. Л. Войков в гробу... Трудно этому поверить, трудно понять, что его нет в живых.

Его лицо, всегда такое оживленное, приветливое, теперь неподвижно.

Мы, его товарищи, близкие, друзья, стоим рядом с покойным, потрясенные тяжелой утратой. Так, рядом с Войковым, мы прибыли в Москву. Площади и прилегающие улицы запружены тысячами москвичей с траурными знаменами... Москва пришла отдать последний долг погибшему на посту славному сыну Советской страны Петру Лазаревичу Войкову.

О Петре Лазаревиче Войкове написано очень мало. Архивные материалы, доклады, письма, дневники, телеграммы П. Л. Войкова не были изучены. Некоторые стороны его жизни и деятельности долгое время тенденциозно освещались в буржуазной печати.

Книга Н. Жуковского — интересный и правдивый биографический рассказ о революционере, борце, политическом деятеле, талантливом дипломате.

С. И. Аралов

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Петр Лазаревич Войков родился 1 августа 1888 года в Керчи. Его отец, Лазарь Петрович, украинский крестьянин, сумел получить среднее образование и поступить в Петербургский горный институт. За участие в студенческих беспорядках был исключен. Из Петербурга переехал в Тифлис. После окончания Тифлисской учительской семинарии он получил место учителя математики в ремесленном училище в Керчи.

Мать Петра Лазаревича — Александра Филипповна — была образованной женщиной. Она окончила Керченский институт благородных девиц, много читала, любила музыку.

Войковы жили дружно. У них было четверо детей: белокурый и голубоглазый Петр, или, как его называли в семье, Петрусь, Павел, Валентина и Милица. С детских лет Петрусь любил природу: Целые дни он проводил в саду, помогал отцу сажать деревья и ухаживать за ними. Часто убегал в лес, раскинувшийся по склонам холмов, и возвращался домой с полевыми цветами и па-

хучими травами. Спустившись к морю, собирал камушки, помогал рыбакам тянуть сети и развешивать их на берегу для просушки.

В 1898 году Петрусь поступил во второй класс Керченской Александровской гимназии. Учился он отлично. Любил историю, математику, литературу, географию. Был очень любознателен. Однажды он рассказал отцу, что вместе со своим товарищем Колей Кириашем сидит за партой, за которой когда-то учился революционер-народоволец А. И. Желябов.

— Правду говорят, что сам царь приказал казнить его? — спросил Петрусь отца.

Лазарь Петрович приподнял голову, пристально посмотрел на сына, но ничего ему не ответил. Петрусь, не заметив отцовского взгляда, продолжал:

— А ты читал об этом?

Лазарь Петрович чуть заметно кивнул головой.

— И я читал. Смелый был человек...

— Отец, а письмо Желябова царю ты читал?

И Петрусь, вынув из кармана клочок бумаги, развернул его.

Лазарь Петрович начал читать: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении царубийц старой системы... было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глу-

пой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению».

Ничего не сказав, он свернул листок бумаги и положил его перед собой. Бросив суровый взгляд на сына, Лазарь Петрович спросил:

— Ты где был вчера целый день?

— В гимназии...

— А сегодня?

— В гимназии...

— Сожги. Сейчас же. Доведешь ты нас, Петрусь, до лиха...

В 1896 году на одной из окраин Керчи началось строительство металлургического завода. На постройку железнодорожной ветки Владиславовка — Керчь пришло много крестьян из голодающих деревень Центральной России. Они работали и в зной и в холод по 13—14 часов в сутки.

В городе появилось много рабочих, прибывших из Петербурга, Москвы, Екатеринослава. Передовые, революционно настроенные рабочие вели большую агитационную работу, создавались нелегальные кружки.

«До VI класса гимназии,— вспоминает школьный товарищ П. А. Войкова Н. З. Кириац,— мы читали Жюль Верна, Майна Рида, Фенимора Купера, Марка Твена, Вальтера Скотта, Бичер-Стоу. С VI класса мы перешли к чтению Добролюбова, Писарева, Чернышевского, Герцена, Войнич, Степняка-Кравчинского. Это был период зарождения нашего революционного мировоззрения. В

гимназии были созданы нелегальные кружки, в которых мы впервые познакомились с учением Карла Маркса». Молодежные кружки помогали керченской социал-демократической организации распространять революционную литературу, укрывать представителей РСДРП, нелегально приезжавших в Керчь. По заранее условленному сигналу, услышав бой часов на каланче или колокольный звон, Войков отправлялся в подпольную типографию, получал там листовки, прокламации и шел распространять их по городу.

Возвратившись однажды домой из гимназии, Петрусь застал дома двух полицейских, рассматривавших письма и альбом с семейными фотографиями.

— Господа, что вы ищете? — спросил он.

Полицейские презрительно посмотрели на юношу, ничего не ответив ему. Порывшись еще в комод и в книжном шкафу, они ушли. Мать перекрестилась и с испугом спросила сына:

— Что ты натворил там, Петрусь? Подумать только: полиция! Никогда ее не было в нашем доме. Что люди скажут? Отца ведь могут уволить.— И, не сдержавшись, заплакала.

Петрусь как мог успокоил мать, сказал, что теперь полиция часто бывает и в других домах. Был обыск на квартире и у Қоли Кириаца, но там полиция тоже ничего не нашла.

Недалеко от города, в катакомбах, жили и работали каменоломы, добывавшие строи-

тельный камень. Петрусь знал, что в подземных галереях и пещерах, куда никогда не проникали лучи солнца, часто происходили тайные встречи и собрания керченской организации РСДРП. При свете керосиновой лампы или коптилки читали марксистские брошюры, обсуждали различные политические вопросы. В катакомбах находили убежище революционеры, осужденные на смерть или каторгу.

Петрусь часто бывал на металлургическом заводе, где работал его отец после увольнения из ремесленного училища. В литейном цехе молодой Войков встречался со своими товарищами по подпольной работе и получал от них разные задания.

В августе 1903 года керченский комитет РСДРП провел в городе несколько массовых митингов солидарности с бастовавшими рабочими юга России. На одном из митингов выступил и Петрусь. Рассказав о тяжелых условиях работы на каменоломнях, он воскликнул:

— Товарищи! Надо объявить забастовку, довольно терпеть.

В ноябре 1903 года 15-летний П. Л. Войков вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию; тогда он входил в ее меньшевистскую организацию.

В Александровской гимназии Петрусь создал кружок учащихся, который «выпускал свой нелегальный журнал, держал связь с учащейся молодежью Мариуполя, Бердичева, Ростова, Таганрога... Под его руководством в апреле 1904 года была организована

забастовка учащихся, продолжавшаяся несколько дней» *.

Полиция, установившая за ним негласное наблюдение, произвела обыск в доме Войковых. О выступлениях «высокого белокурого гимназиста» на митингах рабочих полицейские сообщили и директору гимназии. Директор тотчас же послал Лазарю Петровичу Войкову записку с требованием явиться в гимназию. Но пришлось пойти матери.

— Мой муж болен. Что случилось? — спросила Александра Филипповна, стараясь быть спокойной.

Директор держался сухо и официально.

— Я должен сообщить вам, госпожа Войкова, — сказал он, — что ваш сын исключен из гимназии. Исключен за пропуски занятий...

— Но это недоразумение, господин директор. Петр учится хорошо.

— Ваш сын, госпожа Войкова, чрезмерно увлекается политикой, а такое увлечение к добру не приведет. Советую вам подумать над этим.

Петр стойко перенес неожиданный удар. Через два дня он сказал отцу, что решил сдать экстерном экзамены за седьмой класс гимназии. Свое слово сдержал: 5 мая 1905 года Петрусь успешно сдал экзамены и получил свидетельство об окончании семи классов гимназии.

* «Керченский рабочий» № 188 (11273), 21 сентября 1963 г.

А обыски продолжались. Они свидетельствовали о том, что семья Войковых находится под подозрением. Лазарь Петрович, зная, что за его сыном установлен надзор полиции, решил уехать из Керчи в Кекенеиз*. Здесь он получил место дорожного мастера в имении Алчевского и поселился в каменном доме на Верхнем шоссе.

Александра Филипповна начала хлопотать о зачислении Петра в Ялтинскую Александровскую гимназию. С большим трудом ей удалось добиться, чтобы сын был принят в VIII класс гимназии «в качестве своекоштного пансионера».

Семья Войковых разбрелась по Крыму. Лазарь Петрович с женой жили в Кекенеизе, дочери Валентина, Милица и сын Павел учились в Керчи, Петрусь переехал в Ялту, где он, как вспоминает его сестра В. А. Войкова-Гавронская, «со всем пылом окунулся в новую жизнь. Политические кружки среди рабочих, политические кружки среди учащейся молодежи. Распространение запретной литературы, поездки по заданию партии».

В годы первой русской революции Ялта была одним из центров политической жизни на Южном берегу Крыма. Большую работу по объединению революционных сил вела созданная здесь в 1900 году социал-демократическая организация. Она распространяла газету «Искра», печатала на гектографе ли-

* Ныне Оползневое.

стовки и прокламации. Петр Войков активно участвовал в этой работе.

В октябре и ноябре 1905 года в Ялте происходили массовые забастовки. События были настолько бурными, что временами прекращалась связь с другими городами, не работал телеграф. Демонстранты шли с красными флагами, пели революционные песни. Среди них был и гимназист Петр Войков.

В ноябре 1905 года в Севастополе произошло вооруженное восстание моряков Черноморского флота, жестоко подавленное царским правительством. По всему Крыму поднялась волна протестов. От имени учащихся мужской и женской гимназий Петр Войков явился к директору гимназии и потребовал от него разрешения учащимся почтить память севастопольских моряков и рабочих. Директор пришел в ярость. Он заявил, что не позволит учащимся заниматься политикой и пригрозил строго наказать «зачинщиков». Получил об этом строгое предупреждение и отец Петруся.

После поражения революции 1905 года началось наступление реакции. Царское правительство, опасаясь революционных выступлений, объявило Ялту на чрезвычайном положении. Однако во многих городах Таврической губернии продолжались демонстрации и митинги. Демонстранты выпустили из тюрьмы политических заключенных, сожгли ее, разгромили полицейский участок.

В доме Войковых снова был обыск. Петруся исключили из Ялтинской гимназии. Над его головой сгустились тучи.

После бурного разговора с отцом Петрусь с одним небольшим узелком белья был вынужден покинуть родительский дом. Денег у него не было. Он долго скитался по Ялте в поисках угла, недоедал, бедствовал. Наконец ему удалось найти работу в порту. Вечерами он учился, готовился к экзаменам.

В семье Войковых случилось несчастье. 2 марта 1906 года младший сын Павел покончил с собой выстрелом из пистолета на берегу моря. Позже, во время торжественной церемонии в актовом зале Керченской гимназии директор, снимая полотно с большого портрета Николая II, с ужасом увидел, что он от бороды до сапог разрезан ножом. В углу золоченой рамы торчала записка: «Никого не вините. Это сделал я, Павел Войков».

В мае 1906 года Петр Войков сдал экстерном экзамены и получил аттестат зрелости. Учитель математики тепло поздравил Петра, посоветовал ему ехать в Петербург и поступить там в университет. Однако директор гимназии был настроен по-другому. Пользуясь своими правами, он поставил в аттестате зрелости Петра Войкова четверку за поведение, чтобы помешать свободомыслящему сыну дорожного мастера попасть в высшее учебное заведение.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

В начале июня 1906 года отряд боевой дружины, созданный Ялтинским комитетом РСДРП, получил задание тайно вывезти из города и обезвредить самодельные бомбы, изготовленные для самообороны.

Вечером 20 июля пять дружинников — Васюков, Войков, Корень, Нашанбургский и Рутенко встретились на окраине Ялты, во дворе старого дома, огороженного деревянным забором. Поговорив немного между собой, они разделились на две группы. Васюков и Рутенко вышли на улицу, чтобы остановить извозчика. Войков, Корень и Нашанбургский, разобрав кучу хвороста, спустились в погреб и вскоре вынесли оттуда мешок с тяжелым грузом — двумя бомбами. Васюков и Рутенко уложили мешок на мягкое сиденье фаэтона и приказали извозчику медленно ехать по улице. Их товарищи, как было условлено, отправились за город пешком. Разговорившись с извозчиком, Васюков и Рутенко узнали от него, что по Пушкинскому бульвару в это время должен проезжать полицмейстер Гвоздевич. Нарушив

приказ, они решили совершить покушение. Это был необдуманный шаг. Бомба была брошена неудачно. Ялтинские газеты писали об этом покушении: «Тотчас же прибыли чины полиции и оцепили место взрыва, у которого собралась уже тысячная толпа. Обоих раненых положили на два экипажа и в сопровождении полиции отправили в больницу. К 12 час. ночи оба скончались. На место происшествия к 10³/₄ час. ночи прибыла рота стрелков под начальством полковн. Думбадзе и полуэскадрон крымского дивизиона. Так как, несмотря на приглашение офицера, публика не желала очистить место взрыва, то раздалась команда: «в приклад», и под быстрым натиском солдат, взявших ружье наперевес, толпа разбежалась в разные стороны» *.

Войков, Корень, Нашанбургский услышали взрыв, находясь уже за городом, в овраге, где дружинники должны были встретиться и обезвредить бомбы. Узнав о неудачном покушении, они решили в ту же ночь покинуть Ялту.

Петрусь добрался до Кекенеиза на рассвете. Он остановился у дома на Верхнем шоссе и тихо постучал в окно. Вышел Лазарь Петрович.

— Отец, в Ялте бросили бомбу в полицмейстера. Ты все узнаешь завтра. Я должен бежать. Помогите. Думаю в Севастополь, а от туда в Петербург...

Лазарь Петрович, зная, что начальник почтовой станции в Кекенеизе И. К. Паронов собирается в Севастополь, уговорил его взять Петруся с собой.

21 июля около 8 часов утра, когда все дороги, ведущие из Ялты в Севастополь, Феодосию и на Балаклаву, были перекрыты, почтовая карета проскочила Байдарские ворота.

В Петербурге Петрусь остановился на квартире, где жил его друг — студент университета Николай Кириаш. Он рассказал ему об исключении из гимназии и о взрыве на Пушкинском бульваре. Сам Войков не был причастен к взрыву, но знал, что угроза военного суда нависла и над ним. В первые дни он редко появлялся в городе. Потом снял угол на Петербургской стороне. Осенью Войков выдержал экзамены и был принят на физико-математический факультет Петербургского университета.

Долгие вечера друзья проводили вместе. Вспоминали родные места, юношеские годы, Керченскую гимназию, широкие каменные ступени ее лестницы, по которой они столько раз поднимались, доброго старика Кузьму Фомича, звонившего на переменах, путешествия по Крыму, свои первые шаги в революционной деятельности.

О взрыве в Ялте власти не забыли. Правительство поручило министру юстиции передать дело на рассмотрение военного суда. Началось следствие. Были допрошены многие рабочие, студенты, учащиеся гимназии,

* «Крымский вестник» № 162, 25 июля 1906 г.

матросы, местные извозчики. Полиция арестовала Кореня и Нашанбургского. Извозчик опознал их при очной ставке. Продолжались поиски пятого участника перевозки бомб. Арестованные члены боевой дружины не выдали своих товарищей. Однако по донесению жандармского управления Ялтинского уезда петербургская полиция напала на след Петра Войкова. Петр ушел в подполье.

Николай Кириаш получил в министерстве иностранных дел заграничный паспорт на свое имя и передал его Петру, посоветовав срочно выехать в Париж.

Когда в Петербурге был выдан ордер на арест Войкова, он уже находился в Харькове. Доктор А. А. Николаев, у которого летом 1907 года скрывался Войков, впоследствии писал: «Петрусь... сразу пришел ко мне. Я был давно знаком с этим чудесным и многосторонне развитым человеком. Войков знал, что у меня часто останавливались политические нелегалы, и рассказал мне о своем бегстве из Петербурга. «Установили за мной слежку, боюсь, что схватят», — говорил он. Мы обсудили положение. У меня скрываться было невозможно: за моей квартирой также следили. Было решено, что Петрусь поселится на Москалевке. Впрочем, это не мешало ему бывать у нас чуть ли не каждый день. Жили мы тогда на Пушкинской, и двор наш выходил, кроме того, и на Садовую. Это давало возможность ускользать от шпикиов. Петрусь не имел никаких средств и жил на деньги, получаемые им за уроки.

Так продолжалось несколько месяцев. Как-то Войков прибежал ко мне и сказал: «Снова слежка, заметил шпикиов, что делать?»

Зная, какая опасность грозит Войкову, я посоветовал ему уехать за границу» *.

И П. Л. Войков уезжает из России.

* «Известия» № 130 (3064), 10 июня 1927 г.

ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ ВОЙКОВА

В 1907 году в некоторых городах России были совершены террористические акты против высших чинов царской администрации. Партия эсеров создала «боевые отряды» для подготовки заговоров и покушений. Эти отряды имели свои кадры и мастерские по изготовлению бомб и оружия.

Активно действовали «боевые отряды» в Таврической губернии. 21 февраля 1907 года в Севастополе они бросили бомбу в карету генерала Неплюева, а 15 июня — в охранное отделение. Но особенно нашумело дело о покушении 26 февраля на исполняющего обязанности градоначальника Ялты, известного своей жестокостью полковника Думбадзе. Жандармское управление Ялтинского уезда в секретном донесении департаменту полиции сообщило, что в экипаж Думбадзе была брошена бомба и что в результате взрыва он был легко ранен. «По приказанию полковника Думбадзе, — говорилось в донесении, — два дома Новикова были окружены солдатами стрелкового полка и полицией,

и тот, из которого была брошена бомба, предан огню вместе со всею обстановкой дома, а в другом, того же владельца, из которого, по словам полковника Думбадзе, перед падением бомбы произведен был сигнальный выстрел из револьвера, выбиты все стекла, рамы и перебита вся обстановка» *.

Репрессии в Ялте вызвали массовые протесты во многих городах России. Был сделан запрос и в Государственной думе.

Покушение на Думбадзе ускорило рассмотрение дела о взрыве бомбы на Пушкинском бульваре. Военный суд вынес приговор: главным обвиняемым — каторга. Но следствие по делу продолжалось. Разыскивался Петр Войков, он же Петрусь, Интеллигент, Белокурый. Полиция приписывала ему и участие в подготовке покушения на ялтинского царька. Долгое время между севастопольским жандармским управлением и департаментом полиции в Петербурге велась секретная переписка о продолжении поисков Петра Войкова. Его разыскивали чуть ли не по всей России. Запросили и директора гимназии Готлиба. По его поручению управляющий гимназией направил преподавателям письмо от 22 декабря 1907 года, в котором говорилось: «Покорнейше прошу г-на преподавателя Ялтинской Александровской гимназии С. А. Пивоварова, как классного наставника VIII класса в 1905/6 учебном году, и гг. помощников классных наставников

* Крымский областной государственный архив (КОГА), ф. 706, д. 218, л. 6.

С. И. Скульского и А. С. Петрова, по ознакомлении с препровождаемым при сем отношении г. судебного следователя симферопольского окружного суда по Ялтинскому уезду, расписаться на оном, а 24 текущего декабря к часу дня пожаловать в камеру названного судебного следователя (Татарская ул., дом Адаманова) для допроса в качестве свидетелей по делу бывшего ученика Ялтинской Александровской гимназии Петра Войкова»*. Однако преподаватели к следователю не явились. Это был молчаливый протест против преследования их бывшего ученика.

Помощник начальника сева­стопольского жандармского управления ротмистр Попов, получив через свою агентуру сведения о местонахождении П. Л. Войкова, 14 июня 1908 года направил департаменту полиции секретное письмо: «Ввиду состоявшегося нового закона в Швейцарии о выдаче иностранным правительствам всех преступников, изобличенных в злоупотреблениях взрывчатыми веществами и снарядами, доношу на распоряжение, что привлеченные мною по делу группы анархистов-коммунистов, образовавшейся в Ялте в 1906 году и хранившие разрывные снаряды и затем бежавшие из сева­стопольской тюрьмы в 1907 году посредством взрыва стены разрывным снарядом: мещанин Александр Андрианов Мудров, крестьянин Тит Леповский, а также привлеченный судебным следователем по особо важ-

* Крымский областной партийный архив (КОПА), ф. 150, д. 772, л. 57.

ным делам бывший студент С.-Петербургского университета Петр Лазаревич Войков по делу о взрыве бомбы на Пушкинском бульваре в г. Ялте 20 июля 1906 года, по самым достоверным сведениям проживают в г. Женеве, в Швейцарии»*.

Это письмо было передано в особый отдел департамента полиции с резолюцией: «Запросить Л. М. Гартинга о правильности сведений ротмистра Попова (для исполнения передать в особый отдел). 19. VI». Особый отдел просил заведующего иностранной агентурой проверить эти сведения. Жандармское управление продолжало розыски. Искали фотографическую карточку Войкова. Поиски оказались успешными. Начальник сева­стопольского жандармского управления в Ялтинском и Евпаторийском уездах полковник Зейдлиц в секретном письме от 23 июля 1908 года, адресованном отделу по особым делам департамента полиции, сообщал: «В дополнение к донесению моему от 30 июня сего года за № 6711 при сем представляю одну фотографическую карточку Петра Лазарева Войкова»**.

Эта карточка, исчезнувшая из семейного альбома Войковых во время одного из обысков, была обнаружена в архивах департамента полиции после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

* Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), ф. 102, д. 12, ч. 59, л. 7 и 7 об.

** ЦГАОР СССР, ф. 102, д. 12, ч. 59, л. 11.

Напав на след Петра Войкова, департамент полиции дал указание своей агентуре за границей выяснить возможность предъявления через дипломатические каналы официального требования о выдаче его царскому правительству. Трудно установить, кто именно сообщил жандармскому управлению местопребывание П. Л. Войкова. Известно, что директор гимназии Готлиб долгое время отказывался выдать Лазарю Петровичу удостоверение об окончании его сыном гимназии. Наконец, он согласился удовлетворить просьбу Войкова, но при условии, что в прошении о выдаче удостоверения будет указано, для какой цели оно требуется. Лазарь Петрович долго не решался это сделать, но потом вынужден был написать директору Ялтинской гимназии: «Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать удостоверение сыну моему Петру Войкову о том, что он действительно выдержал испытание и получил аттестат зрелости. Такое удостоверение необходимо ему для представления в Бернский университет (Швейцария) до представления подлинных документов, находящихся в С.-Петербургском университете.

Удостоверение прошу выслать на мое имя в Кекенеиз: Почтово-телеграфная контора Кекенеиз, Лазарю Войкову. 3-го октября 1907 г. Лазарь Войков» *.

9 октября Лазарь Петрович получил долгожданный документ. В нем говорилось:

* КОПА, ф. 150, д. 772, л. 55.

«Дано сие удостоверение сыну коллежского асессора Петру Лазаревичу Войкову в том, что он весною 1906 г. окончил курс учения в Ялтинской Александровской гимназии, в чем был выдан ему аттестат зрелости 3 июня 1906 г. за № 810.

Настоящее удостоверение выдается выше-названному Войкову для представления начальству Бернского университета (Швейцария) при ходатайстве о зачислении г. Войкова в число слушателей этого университета. Директор А. Готлиб» *.

* КОПА, ф. 150, д. 772, л. 52.

В ЖЕНЕВЕ

С давних времен в Швейцарии, находящейся в центре европейского континента, искали убежища многие эмигранты.

Около семи лет в ней жил Владимир Ильич Ленин.

Особое место в жизни эмигрантов занимала Женева. Раскинувшись на южной стороне Женевского озера, она представляла собой как бы небольшое государство, в котором бурлила политическая жизнь. Эмигранты создавали свои партии, созывали конгрессы, издавали газеты, журналы, манифесты, спорили, ссорились.

П. Л. Войков приехал в Женеву в марте 1908 года. Он снял небольшую комнату на улице де Каруж, где в то время проживала значительная часть русских эмигрантов.

П. Л. Войков по паспорту Н. З. Кириаша получил право на временное проживание в Женеве. Он много бродил по улицам, посещал русскую библиотеку, основанную И. С. Тургеневым.

Жил Войков на скромный заработок, который получал за частные уроки математики.



Керченская гимназия, в которой учился П. Л. Войков

колу российской социал-демократии на две части. Одна часть шла за меньшевиками, считая своим учителем и вождем Г. В. Плеханова, другая — за большевиками, которых возглавлял В. И. Ленин.

Вечером 22 апреля 1908 года Петр Лазаревич, прогуливаясь по Жарден Англэ (английский сад), впервые увидел В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Два человека среднего роста медленно шли по аллее, оживленно о чем-то беседуя. Один из них, помоложе, был в черном костюме, другой — в сером, с тростью в руке. Своих знаменитых соотечественников Войков узнал по фотографиям, которые он видел еще в России.

24 апреля в большом зале кафе «Хандверк» на улице дю Вье Бийяр собрались политические эмигранты из разных стран, чтобы послушать реферат В. И. Ленина «Оценка русской революции и ее вероятное будущее». Получил приглашение на это выступление и Войков. Зал был переполнен. Со всех сторон слышалась русская, болгарская, итальянская, французская, немецкая речь. С большим трудом Войкову удалось протиснуться сквозь толпу. Он сел в левой стороне зала, среди большевиков.

В. И. Ленин подошел к трибуне, положил перед собой карманные часы и начал свое выступление. В. И. Ленин говорил спокойно, иногда чуть подаваясь вперед. Он не пользовался внешне эффектными ораторскими приемами и лишь иногда делал резкие движения рукой, как бы желая подчеркнуть отдельные слова. В. И. Ленин говорил о стра-

тегии и тактике мелкобуржуазной партии эсеров и об организационных вопросах российской социал-демократии. Окончив свое выступление, он поблагодарил слушателей и сошел с трибуны. В зале поднялся шум. В. И. Ленин оказался в кругу товарищей. Его поздравляли, пожимали руки. Поздравил и Г. В. Плеханов.

Выступление В. И. Ленина в зале «Хандверк», где так часто звучал его голос непоколебимой верой в торжество социалистической революции, взволновало Войкова. Он стал чаще посещать лекции и беседы в клубе большевиков, брать там книги. В библиотеке «Société de lecture» * на Гран-рю Войков познакомился с Владимиром Ильичем.

Часто работал Войков и в библиотеке Женевского университета, основанной еще в конце XVI века. Здесь он написал ряд работ по истории Франции: «Одна из загадок истории», «Фаворит Людовика XVI», «Ужасный памятник налогового обложения» и другие. Некоторые из них стали известны в научном мире, были опубликованы в России, во Франции.

Изучив многие труды и архивные материалы, Войков в работе «Ужасный памятник налогового обложения» анализирует борьбу французского народа против королевской власти, установившей непосильный налог

* Общество чтения (фр.).

на соль. История этого налога во Франции, пишет Войков, была неразрывно связана с историей развития абсолютизма. Вначале незначительный, как и сама королевская власть, налог достиг больших масштабов в эпоху утверждения абсолютизма. Каждый подданный должен был ежегодно покупать у короля определенное количество соли. Это явилось одной из форм обязательной государственной повинности. Королевская власть жестоко наказывала подданных, занимавшихся контрабандой соли. Такие же суровые меры наказания применялись к сообщникам и укрывателям. Хозяин корчмы, давший приют и кусок хлеба осужденному на виселицу, платил штраф и отправлялся на галеры. «Гнев правительства обрушивается не только на людей, но и на все, что так или иначе служило соляной контрабанде. Эдиктом Франциска I повелевалось убивать и «рубить в куски» выючный скот, на котором перевозилась контрабанда.

Все эти драконовские наказания и штрафы применялись во всей своей беспощадности по отношению к людям... Тюрьмы были набиты контрабандистами соли, и ужасный тюремный режим развертывался во всей своей неприглядности. Переполненные людьми всех возрастов каменные клетки становились могилами своих пленников»*. Но кнут, галеры, смертная казнь не могли остановить контрабанду.

* «Голос минувшего» № 10. М., 1915, стр. 94.

Во время студенческих каникул Петр Лазаревич часто совершал путешествия по Швейцарии, увлекался альпинизмом. Он мечтал подняться на вершину Монблана, на которую в то время отваживались взбираться только самые смелые альпинисты. Купив ботинки с острыми шипами, шерстяные чулки, тирольскую куртку, палку и веревку, Войков однажды в конце августа приехал в Шамони, небольшой город, раскинувшийся в узкой долине.

Еще солнце не взошло, когда Войков отправился в поход. Шел он вдоль горного ручья. На скалах росли чахлые кустики травы и альпийской ромашки. В ущельях гор лежал талый снег. Подъем занял много часов. Наступали сумерки, но еще были видны легкие золотистые облака. Вершины гор затухали одна за другой, но снежный купол Монблана все еще светился в лучах заходящего солнца. Предательские тени ползли вверх и по нему, не останавливаясь ни на одно мгновение. Переночевав в гостинице на Гран Мюле, Войков на рассвете снова отправился в путь.

Дул сильный ветер. В разреженном воздухе тяжело дышалось.

Наконец, цель похода была достигнута. 4810 метров над уровнем моря! В небольшом белом доме, в котором находилась обсерватория, хранилась толстая книга в переплете с потертым кожаным корешком. В ней были записаны имена людей, покоривших Монблан. Войков расписался в книге. Долго он еще любовался волнистым морем гор,

над которым лениво плыли темные облака. Иногда среди белого безмолвия раздавался грохот снежного обвала.

К вечеру Петр Лазаревич возвратился в Шамони. Традиционного пушечного выстрела в честь человека, достигшего вершины Монблана, не было. Пушечный выстрел был дан только через два дня, когда французские альпинисты совершили восхождение на Монблан и сообщили местным властям имя Пьера Войкова, которое обнаружили в книге покорителей этой горы.

В октябре 1913 года Петр Лазаревич тяжело заболел. Из России к нему приехали мать и младшая сестра — Милица. Старшая сестра — Валентина поселилась в Женеве раньше; она училась в университете на факультете естественных наук.

Весной 1914 года Войков женился на русской эмигрантке А. А. Белинкиной, студентке медицинского института. 24 апреля 1915 года у них родился сын. Назвали его Павлом.

В годы первой мировой войны положение русских эмигрантов ухудшилось. Они испытывали трудности в получении работы, при поступлении в высшие учебные заведения, подвергались преследованиям, ограничениям в передвижении по стране. Полиция часто отказывалась выдать разрешение на жительство в Швейцарии революционерам, бежавшим из России. Некоторые эмигранты принимали решения о вступлении в царскую армию, жертвовали на нее свои сбережения. Замкнувшись в узком кругу своей жизни,

они не разбирались в политических событиях, не понимали сущности империалистической войны и вместе с социал-шовинистами шли по пути оборончества.

Иную дорогу избрали большевики. Открыто выступив против империалистической войны, они призывали рабочие партии к революционной борьбе под лозунгом поражения своих правительств в этой войне и к свержению власти буржуазии.

П. Л. Войков в то время придерживался политических взглядов меньшевиков-интернационалистов, но вместе с большевиками последовательно выступал против оборонцев и политики царского правительства, политики продолжения войны до победного конца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Весть о победе Февральской буржуазно-демократической революции в России мгновенно облетела весь мир. В газетах публиковались экстренные сообщения о свержении династии Романовых и образовании Временного правительства.

Узнав о свержении царизма, многие русские эмигранты, проживавшие в различных странах, обращались к местным властям с просьбами помочь им возвратиться на родину.

Но прошло много времени, прежде чем русские эмигранты, испытав горечь долгих лет жизни в изгнании, получили разрешение на въезд в Россию через Германию. Это было сопряжено с большими трудностями. Попытка склонить правительство Швейцарии к переговорам по этому вопросу с правительством Германии оказалась безуспешной.

В. И. Ленин, находившийся тогда в Цюрихе, рекомендовал начать переговоры с германским посланником в Берне Ромбергом при посредничестве генерального секретаря Швейцарской социал-демократической партии Фридриха Платтена. «То, что Ленин взял

в свои руки инициативу,— писал впоследствии Ф. Платтен,— вполне соответствует его политическому характеру, и необходимость этого показали дальнейшие события.

На первом свидании с Ромбергом был поставлен только один основной вопрос: согласно ли германское правительство пропустить через Германию русских эмигрантов без различия их партийной принадлежности?»*.

Ф. Платтен подписал с посланником Германии соглашение об условиях проезда эмигрантов через германскую территорию. В нем говорилось: «1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) В вагон, в котором следуют эмигранты, никто не имеет права входить без разрешения Платтена. Никакого контроля, ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австрогерманских интернированных»**.

Первая группа русских политических эмигрантов вместе с В. И. Лениным и Н. К. Крупской выехала из Цюриха 27 марта 1917 года и возвратилась на родину 3 апреля. Вторая группа, в которой был П. Л. Войков с женой и сыном, прибыла в Россию 9 мая.

В Петрограде Петр Лазаревич зашел в министерство труда, чтобы выяснить, сможет

* «О Ленине. Воспоминания зарубежных современников». М., 1966, стр. 160.

** Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 276.

ли он получить работу. Министр меньшевик М. И. Скобелев, принимавший политических деятелей, возвратившихся из эмиграции, предложил Войкову должность комиссара министерства по вопросам труда. Министр считал, что Войков, хорошо знакомый с опытом работы политических организаций в Европе, мог бы занять видное место в партии меньшевиков.

П. Л. Войков не сразу дал согласие. Воспользовавшись свободным временем, он поехал в Кекенеиз, чтобы навестить родных.

В Севастополе Петр Лазаревич не стал дожидаться почтового автомобиля на Ялту и нанял извозчика до Кекенеиза. Стояли теплые весенние дни. Остановившись у Байдарских ворот, он вспомнил, как десять лет тому назад, скрываясь от преследования полиции, проскочил их на почтовых лошадях...

Кекенеиз, небольшая деревня, раскинувшаяся по склонам горы, утопала в зелени. Появились дороги, ведущие от Верхнего шоссе к морю. Это Лазарь Петрович проложил их, когда работал дорожным мастером в имении Алчевского.

В саду за столиком, где по арыку протекала вода, отец и сын беседовали до поздней ночи. Лазарь Петрович рассказал о своей работе на Анжеро-Судженских копях, затем на Урале на Богословском заводе, откуда он, получив увечье, вынужден был вернуться в 1916 году в Кекенеиз, о полицейских обысках. Сын говорил о том, что еще не решил окончательно, оставаться ли ему

в Петрограде. Отец советовал поехать на Урал.

— Подумай, Петрусь, — сказал он. — Время теперь такое, что не все сразу поймешь.

Не разобравшись в политической обстановке, которая сложилась в России после Февральской революции 1917 года, Петр Лазаревич принял предложение министра труда. Как видно, тяжелый груз колебаний и сомнений, накопившийся у Войкова за годы его пребывания в партии меньшевиков, еще давил на него.

В министерстве труда он занимался рассмотрением конфликтных дел, возникавших между рабочими и капиталистами. В связи с обострением политического положения в стране владельцы многих предприятий стремились всевозможными путями перевести свои капиталы за границу. Они закрывали фабрики и заводы или сокращали производство. Рабочие выступали с решительными протестами, а в ряде случаев устанавливали над предприятиями свой контроль.

П. Л. Войков внимательно относился к рассмотрению жалоб. Так, 6 июля 1917 года он получил указание министра срочно рассмотреть жалобу братьев Сказиных, владельцев механического завода в Петрограде, обвинявших рабочих в захвате предприятия. После долгих переговоров с представителями рабочих и администрации Войков написал заключение: «Жалобу владельцев завода братьев Сказиных рассмотреть на заседании примирительной камеры с участием представителя Совета рабочих и солдатских депута-

тов». Получив такое заключение комиссара труда, владельцы завода вынуждены были отменить свое распоряжение об увольнении рабочих.

После июльских событий 1917 года в Петрограде, когда по приказу Временного правительства войска открыли огонь по мирной демонстрации, Войков решил уйти из министерства труда. Он заявил о своем желании поехать на постоянную работу на Урал.

В конце июля 1917 года Войков выехал в Екатеринбург в качестве представителя министерства труда.

НА УРАЛЕ

Петр Лазаревич Войков приехал в Екатеринбург с женой и сыном. В зеленой бархатной куртке, в черных ботинках и серых чулках, подвязанных у самых колен, он был похож больше на альпиниста, чем на представителя министерства труда. Такое первое впечатление он произвел в Совете рабочих и солдатских депутатов, когда нанёс свой визит. Встретившись с членами Совета, он заявил, что намерен поддерживать деловые отношения с профессиональными союзами и рассматривать трудовые конфликты вместе с их представителями. Установив тесные связи с Советом и профсоюзами, Войков практически прекратил всякие отношения с министерством труда, перестал отчитываться перед ним о своей работе.

Петр Лазаревич часто бывал на заводах, фабриках, в учебных заведениях, больницах; беседовал с рабочими и служащими, выступал с политическими докладами. Когда владельцы предприятий увольняли рабочих за участие в забастовках, он решительно вставал на защиту интересов трудящихся. Войков выполнял различные поручения Ека-

теринбургского комитета РСДРП(б). Он все более убеждался в том, что именно большевики открыли народу верную дорогу в будущее.

В августе 1917 года Петр Лазаревич Войков вступил в РСДРП(б).

Объясняя мотивы своего вступления в партию большевиков, П. Л. Войков в своем открытом письме, опубликованном в печати, писал: «Последний съезд меньшевиков и объединенцев закончился не разрывом с оборонцами, как ожидали наиболее последовательные товарищи в рядах меньшевиков-интернационалистов, но, напротив, соглашением между двумя крылами меньшевизма. Соглашение это является, по моему мнению, непростительной политической ошибкой и серьезным ударом по интернационалистской работе в России.

Дипломатическое соглашательство по основным вопросам, от которых зависят в данный момент судьбы русской революции, нелепое желание «сохранить единство» там, где его не было, нет и не должно быть, является лишь затушевыванием тех противоречий и мелкобуржуазных утопий, которыми неизлечимо болен наш оборонческий меньшевизм.

В момент, когда каждый день, каждый час требуют величайшего напряжения сил и наиболее ясного выявления классовой пролетарской позиции социал-демократической партии, мне казались жалкими эти безнадежные попытки найти среднюю линию с полуоткровенными оборонцами и совсем

откровенными потреско-плехановцами. Не дождавшись конца съезда, я покинул и съезд и партию, как только увидел, что меньшевики-интернационалисты находят возможным организационное единство с «социал-демократами» от обороны и коалиции.

Но как организованному социал-демократу мне невыносимо политическое одиночество и социал-демократическая работа вне рамок товарищеской среды. Партия большевиков остается единственной, стоящей на классовой пролетарской позиции, и я, не колеблясь, вступил в ее ряды. Я не был первым на этом пути, наиболее последовательные меньшевики-интернационалисты сделали то же самое...» *.

По рекомендации Екатеринбургского комитета РСДРП(б) Войкова направляют на профсоюзную работу.

10 августа 1917 года в Екатеринбурге открылась первая конференция профессиональных союзов. На ней присутствовало около 100 делегатов (большевики, меньшевики-интернационалисты, эсеры, меньшевики и беспартийные). 12 августа Войков выступил на конференции с докладом «Профессиональные союзы и революция». Он заявил, что российское профессиональное движение должно освободиться от всяких иллюзий о возможности перемирия с буржуазией. «Повторяю: мы живем в эпоху революции,— говорил он,— когда классовая борьба в самом разгаре. Всякий, кто серьезно соби-

* «Уральский рабочий» № 16, 11 октября 1917 г.

рается посвятить себя профсоюзной работе, должен подумать, наметить линию своего поведения. Учтите, что с наступающими на нас силами перемирия быть не должно, от буржуазии нам необходимо отмежеваться!»*.

В своем выступлении Войков решительно протестовал против введения Временным правительством смертной казни на фронте.

Большинство делегатов внимательно и с одобрением восприняло доклад, горячо аплодировало. Эсеры и меньшевики бурно выражали свое недовольство.

После продолжительных дебатов конференция приняла основные положения доклада: об установлении 8-часового рабочего дня, об экономической политике, об отмене смертной казни в армии, избрала областной Совет профессиональных союзов. Ответственным секретарем Совета был избран Войков. Он активно выступает в печати, гневно разоблачает политику Временного правительства, которое «одной рукой арестовывало большевиков, а другой поддерживало промышленников».

В те дни Урал охватила волна массовых забастовок, вызванная тяжелыми условиями жизни рабочих и наступлением контрреволюции. Центром революционного движения стал Екатеринбург. Бастовали железнодорожники, рабочие Надеждинского металлургического завода, печатники, служащие

предприятий американской компании «Зингер». Рабочие, принимавшие участие в забастовочном движении, наряду с экономическими выдвигали и политические требования. В резолюциях, которые принимались на митингах и собраниях, говорилось о необходимости свержения Временного правительства, созыва Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, создания Красной гвардии. В резолюции, принятой 9 сентября на общем собрании рабочих депо станции Екатеринбург, на котором присутствовал Войков, отмечалось, что, поскольку «до сих пор не добыта ни земля, ни воля и все время контрреволюционные классы делают попытки силой оружия уничтожить органы революции и устраивают кровавую бойню рабочим,

мы, железнодорожники, стоя на страже революции, находим необходимым немедленное вооружение рабочих.

Надо создать Красную гвардию, которая совместно с революционными солдатами могла бы противопоставить силу революции силе контрреволюции»*.

После разгрома корниловского контрреволюционного мятежа большевики вновь выдвинули ленинский лозунг «Вся власть Советам!». Уральская большевистская партийная организация готовила пролетариат к вооруженному восстанию.

* С. А. Захаров. Комиссар-дипломат. Свердловск, 1962, стр. 34.

* «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», т. II. Свердловск, 1927, стр. 347—348.

Сообщение о победе Великой Октябрьской социалистической революции пришло в Екатеринбург в ночь с 25 на 26 октября 1917 года (по старому стилю). 26 октября рабочие и красногвардейцы заняли государственные учреждения. В тот же день Совет рабочих и солдатских депутатов на своем торжественном заседании провозгласил в городе Советскую власть. Среди сидевших за столом президиума заседания был и молодой белокурый человек — Петр Лазаревич Войков, член Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Трудящиеся столицы Урала встретили Октябрьскую революцию с восторгом. На улицах и площадях толпились люди. Повсюду проходили массовые митинги, на которых выступали Малышев*, Войков, Хохряков** и другие большевики.

* Малышев, Иван Михайлович — старый большевик, председатель Екатеринбургского комитета РСДРП(б), один из первых политических комиссаров Красной Армии на Урале.

** Хохряков, Павел Дмитриевич — матрос Балтийского флота, был направлен ЦК РСДРП(б) на Урал для оказания помощи в работе уральской партийной организации.

Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов в своей деятельности использовал опыт и пример революционной борьбы рабочих Петрограда. Когда стало известно о свержении Временного правительства, Совет объявил себя единственным органом новой власти и принял решение о назначении комиссаров по различным отраслям народного хозяйства и культуры.

27 октября (9 ноября) было принято решение о создании Военно-революционного комитета для временного управления городом. В состав этого комитета вошел и Войков.

5 ноября 1917 года состоялись выборы в городскую думу. На первом месте по числу голосов оказались большевики. 9 280 избирателей из 20 110, принявших участие в голосовании, отдали им свои голоса. Получив в думе 39 из 85 мест, большевики составили в ней самую крупную фракцию. В числе представителей РСДРП(б), избранных в думу, были П. Л. Войков, П. М. Быков*, И. М. Малышев.

19 ноября в городском театре состоялось торжественное открытие заседания думы. По предложению фракции РСДРП(б) председателем думы был избран Войков. Поднявшись на сцену, он занял председательское место за столом президиума. В краткой

* Быков, Павел Михайлович — председатель Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва, автор книги «Последние дни Романовых».

речи Петр Лазаревич поблагодарил депутатов думы за избрание его на высокий пост и заверил их, что будет честно исполнять свой долг. В соответствии с существовавшей тогда традицией он произнес и слова присяги. Затем, бросив взгляд на большую цепь, лежавшую на столе в футляре из красного сафьяна, Войков покачал головой и сказал, что не может надеть ее, как это делали раньше председатели думы. Кадеты и эсеры подняли шум.

«— Я слуга пролетариата,— сказал Войков,— а пролетариат за свою историю имел и так достаточно цепей...» *.

После теплых осенних дней в Екатеринбурге наступили холода. Подул северный ветер, облетели листья с деревьев, выпал снег, и остановился лед на Исети. Это была первая зима, которую Петр Лазаревич встретил на Родине после возвращения из эмиграции.

Время было суровое. Экономическая разруха остро чувствовалась и на Урале. Возникли трудности со снабжением города топливом и продовольствием. Остановились многие предприятия, не отапливались школы, больницы. У магазинов выстроились длинные очереди. Было плохо с хлебом. В местной печати появились сообщения городской продовольственной управы о том, что все хлебные лавки будут закрыты до поступления зерна или муки. Контрреволюционные элементы, пытаясь запугать население, распускали провокационные слухи

* С. А. Захаров. Комиссар-дипломат, стр. 45.

о том, что к городу приближаются карательные отряды Временного правительства.

Кадеты и эсеры активизировали враждебную кампанию против осуществления первых декретов Советского правительства. Используя свое влияние на некоторые слои старой интеллигенции, они подготовили забастовку учителей.

Ожесточенная политическая борьба разгорелась и в думе. 11 декабря 1917 года на заседании думы выступили эсеры и делегаты от учителей, объявивших забастовку. Лицемерно клянясь в своей любви к отечеству, они заявили, что большевики не смогут восстановить страну после военной разрухи, а поэтому, мол, и не должны устанавливать свой контроль над школой. Представители буржуазных партий выкрикивали по адресу большевиков угрозы и оскорбления.

Петр Лазаревич решительно пресекал эти враждебные выходки. Когда председательский колокольчик, которым ему раньше удавалось поддерживать порядок, терял свою силу, Войков поднимался с места и прерывал оратора.

— Здесь,— говорил он,— не должно быть места для враждебных выступлений против Советской власти. Не должно быть и личных оскорблений.

После перерыва, во время которого эсеры провели секретное совещание, заседание возобновилось. Атаки на большевиков, выдвинувших план демократических преобразований в городе, усилились. Около двенадцати часов ночи в зал ворвались трое неизвест-

ных. Один из них, подбежав к столу председателя, закричал, что Екатеринбург окружен войсками Временного правительства, а поэтому надо закрыть заседание и приступить к раздаче оружия населению. В зале поднялся шум, раздались враждебные, антисоветские выкрики. Войков встал из-за стола.

— Это провокация контрреволюционных элементов,— спокойно заявил он.— Будем продолжать работу.

Заседание думы закончилось поздно ночью. Большевики одержали победу. В принятой резолюции забастовка учителей была осуждена.

В январе 1918 года съезд Советов Урала назначил Войкова губернским комиссаром снабжения. В условиях гражданской войны и интервенции этот комиссариат имел важное значение. Он ведал вопросами снабжения промышленным сырьем, топливом, продовольствием, товарами широкого потребления, составлением планов перевозок грузов по железным дорогам и рекам.

К П. Л. Войкову обращались не только представители городских учреждений, заводов, фабрик, школ, больниц. К нему приезжали посетители со всех концов губернии. Петр Лазаревич требовал от работников комиссариата, чтобы они стояли на страже интересов трудящихся, были чуткими, внимательными и помнили, что враги пытаются посеять недоверие к новой власти. Товарищи вспоминают, как однажды к Войкову пришел священник приходской церкви. Его напугали слухами о «грубых, безбожных

комиссарах». Но спокойный и деловой тон разговора с Войковым произвел на священника настолько сильное впечатление, что, уходя, он, некоторое время потоптавшись в дверях, тихо сказал:

— Слышали мы, что нынче в городской больнице не топят, обеды не готовят... Я мог бы завезти дров, но боюсь, не реквизируют ли по дороге.

— Не бойтесь, везите,— ответил Войков.

До глубокой ночи вместе со своими товарищами он засиживался на работе. «Вся разруха, принятая нами в наследство от керенщины: транспортная, производственная, организационная,— вся она находила здесь свое выражение,— писал В. М. Быков, бывший в то время заместителем Войкова.— В дом главного горного начальника, до того тихий и чопорный, непрерывно вливался поток народа с всевозможными делами, требовавшими немедленного решения. Целыми днями, не вылезая из-за стола, приходилось выслушивать одного за другим вереницу людей, разъяснять, делать распоряжения...

Когда вспоминаешь всю тяжесть свалившейся тогда на плечи работы, теперь удивляешься: откуда взялось столько силы и выдержки, чтобы справиться с ней, не согнуться и не пасть под ее тяжестью» *.

Петр Лазаревич выполнял и другие ответственные задания. Используя его знание

* «Рабочая революция на Урале». Уралгосиздат, 1921, стр. 162—163.

иностранных языков, Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов ему часто поручал «вести переговоры с иностранными консулами, находившимися в Екатеринбурге, которые обращались в местные органы по всевозможным вопросам, главным образом в связи с национализацией заводов и банков...» *.

* Г. Губенко. Петр Лазаревич Войков. Крымиздат, 1959, стр. 29.

ВСТРЕЧА С БЫВШИМ ЦАРЕМ

Николай II подписал 2 марта 1917 года акт о своем отречении от престола. Временное правительство оставило бывшего царя на свободе и охраняло его. Только после настойчивых требований Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов оно приняло 30 марта этого года формальное решение о лишении «свободы Николая и его супруги». Незадолго до этого министр иностранных дел П. Н. Милюков вел секретные переговоры с английским послом в Петрограде Джорджем Бьюкененом о возможности выезда бывшего царя и его семьи в Англию.

Король Великобритании Георг V (двоюродный брат Николая II) и его правительство согласились предоставить бывшему царю убежище в Англии и направить за ним крейсер. Керенский писал: «Я сам 7(20) марта в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: «Смерть царю, казните царя», — сказал: «Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство

мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию. Я сам доведу его до Мурманска» *.

Николай II записал в своем дневнике 23 марта 1917 года: «Ясный день после двух час. и оттепель. Утром погулял недолго. Разбирался в своих вещах и в книгах и начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию...» **

Однако решение вопроса об отъезде царя затянулось. Осуществление планов Временного правительства натолкнулось на сопротивление. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, получив сведения о намерении Временного правительства тайно вывезти Романовых в Англию, установил более строгий контроль над Александровским дворцом.

В бывшем царском дворце еще продолжало биться сердце умирающей династии. Главный церемониймейстер Бенкендорф важно наблюдал за порядком. Придворные в ливреях и малиновых куртках с золотыми императорскими орлами неслышно ходили по залам дворца. Одетый в китель лейб-гусарского полка, Николай просматривал бумаги и газеты или стоял у карты военных действий, делая на ней пометки большим красным карандашом.

Министр юстиции Временного правительства Керенский навещал бывшего императора, подолгу беседовал с ним, оставался на

* Февральская революция. Мемуары Родзянко, Миллюкова, Керенского и др. М.—Л., 1925, стр. 336—337.

** «Красный архив», т. 20. М.—Л., 1927, стр. 141.

обед. Покидая дворец, гость любезно благодарил хозяев, спрашивал, не терпят ли они каких-либо стеснений или оскорблений от солдат. Министр рекомендовал своему «узнику» быть осторожным, не подвергать себя опасности, не слишком часто показываться со своей семьей в парке. Об этом бывший царь записал в своем дневнике: «После обеда прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть отдельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия...» *. В одной из записей дневника говорилось, что Керенский «положительно на своем месте в нынешнюю минуту; чем больше у него власти, тем будет лучше» **.

Тем временем от правительства Великобритании было получено официальное заявление о том, что «до окончания войны въезд бывшего монарха и его семьи в пределы Британской империи невозможен».

Революционные события в Петрограде бурно нарастали. Временное правительство приняло решение срочно перевести Романовых в Тобольск — более спокойное место.

19 августа Николай Романов, его семья и челядь прибыли в Тобольск — небольшой губернский город в Западной Сибири. Этот город не был таким глухим местом, как,

* «Красный архив», т. 20. М.—Л., 1927, стр. 141.

** «Красный архив», т. 21. М.—Л., 1927, стр. 91.

например, Туруханский край, куда русские цари ссылали осужденных за участие в революционном движении. Тысячи революционеров погибли в этом краю...

Жизнь в Тобольске бывшего царя и его семьи, окруженной постоянными заботами многочисленной челяди и комиссара Временного правительства, протекала спокойно. Романовы ходили в церковь, устраивали праздничные обеды, вечеринки с игрой в карты и танцами. В средствах недостатка не было. Они оценивались в 14 миллионов рублей. Значительные суммы денег продолжали поступать в дар «царю-изгнаннику» от монастырей и частных лиц. «Из Москвы,— писал 25 марта 1918 года Николай Романов в своем дневнике,— вторично приехал Влад[имир] Ник[олаевич] Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей...»

Вокруг губернаторского дома, в котором поселились Романовы, часто «прогуливались» подозрительные субъекты. Это были различные авантюристы, предлагавшие свои услуги монархистам для освобождения бывшего императора. Николай знал об этом и готовился к побегу. Он стал чаще показываться в саду и во дворе, где старался подольше задержаться под разными предлогами, спрашивал комиссара, скоро ли будет созвано Учредительное собрание, не было ли контрреволюционных волнений в Петрограде и Москве.

Когда в русской и иностранной печати стали появляться слухи о побеге бывшего

царя, рабочие и солдаты по всей стране на своих собраниях потребовали положить конец попыткам династии Романовых вернуться к власти. Учитывая настойчивые требования народа, Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился в ВЦИК с просьбой разрешить перевести Романовых из Тобольска в Екатеринбург, как более надежное и безопасное место. В Тобольск со специальным заданием был направлен П. Д. Хохряков, а в Москву с докладом о политическом положении в Тобольске и о принятии срочных мер по переводу Романовых — член президиума Уральского Совета Ф. И. Голощекин*.

Президиум ВЦИК, заслушав этот доклад, принял решение о проведении открытого судебного процесса над бывшим царем и о переводе его из Тобольска в Екатеринбург.

Для выполнения решения ВЦИК Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов создал комиссию, в состав которой вошел и П. Л. Войков. Ему, как члену Совета и комиссару снабжения, было поручено подыскать подходящее помещение и обеспечить арестованных продовольствием, одеждой. После двухдневных поисков он остановил свой выбор на особняке горного инженера Н. Н. Ипатьева на Вознесенском проспекте.

* Голощекин, Филипп Исаевич — старый большевик. За революционную деятельность подвергался преследованиям со стороны царских властей, был сослан в Туруханский край. Активный участник Октябрьской революции.

Войков осмотрел все комнаты особняка, сад, двор и подъезды к нему.

Монархисты пытались предпринять различные маневры, чтобы увезти Романовых в Уфимскую губернию и затем переправить их за границу. Но эти планы были сорваны. 30 апреля 1918 года в Екатеринбург, в дом особого назначения были доставлены Николай, его жена Александра Федоровна и дочь Мария, а 23 мая — сын и остальные его дочери. В печати было опубликовано официальное сообщение, в котором говорилось: «Согласно решения Совета Народных Комиссаров бывший царь Николай Романов и его семья переведен на жительство из г. Тобольска в Екатеринбург и помещен в отдельном изолированном от внешнего мира помещении» *.

Вскоре в Екатеринбург начали прибывать бывшие офицеры царской армии, монархисты и всякие авантюристы, поклявшиеся освободить Николая. Шныряя по городу, они пытались установить связи с семьей Романовых, распространяли лживые слухи об окружении Петрограда белыми армиями, посылали в Уральский Совет анонимные письма с угрозой жестоко расправиться с большевиками.

Бывшие великие князья и княгини, высланные из Петрограда раньше, жили в городских гостиницах. Они имели свободный доступ в город, посещали дома местной знати, давали обеды, устраивали закрытые ве-

черинки, на которых обсуждались планы организации побега бывшего царя, собирали деньги, поддерживали связи с консулами иностранных государств.

Проверяя, как выполняется решение Уральского Совета, Петр Лазаревич как комиссар снабжения часто посещал дом особого назначения, осматривал комнаты первого этажа, где разместилась прислуга, беседовал с комендантом. Однажды Войков встретил бывшего царя, который спустился на первый этаж в сопровождении Долгорукова. Слегка поклонившись, Николай спросил, не может ли господин комиссар объяснить причины, по которым ему ограничили время прогулок и не разрешили пилить дрова во дворе.

— В Тобольске,— продолжал он,— я пил кругляк во дворе дома вместе с дочерью Марией. Препятствий со стороны новых властей не было. Я позволю себе спросить, разве здесь другие условия?

— Да, в Екатеринбурге другие условия,— ответил Войков,— для арестованных установлен более строгий режим.

— Позвольте, господин комиссар, я не вижу оснований для отказа. Опасения властей напрасны. Я не собираюсь бежать из-под стражи.

— Это было бы невозможно. Здесь охрана из рабочих и крестьян.

— Я с опозданием получаю английские газеты. Не думаю, чтобы их задерживали в Лондоне.

* «Уральский рабочий» № 85 (182), 9 мая 1918 г.

— Прошу передать вашим властям,— сказал с раздражением Николай,— чтобы время наших семейных прогулок по саду не ограничивалось.

— Это относится к компетенции коменданта,— ответил Войков.— Мне известно, что Уральский Совет разрешил непродолжительные прогулки во дворе.

Подошла бывшая царица, бросила на Войкова злобный взгляд, взяла мужа под руку и сказала ему по-французски:

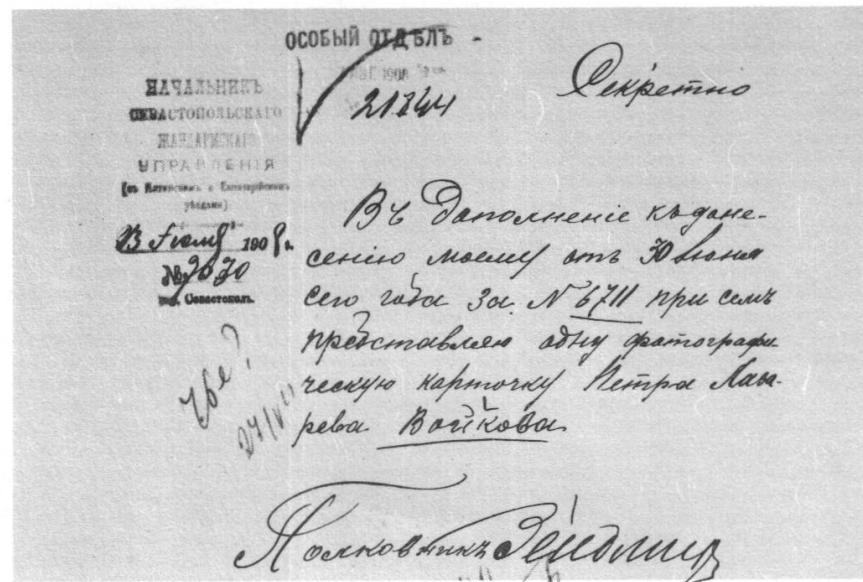
— Partons d'ici Nikki! Ces barbares ne comprennent rien! *

— Madame, sans injures! **— ответил Войков.

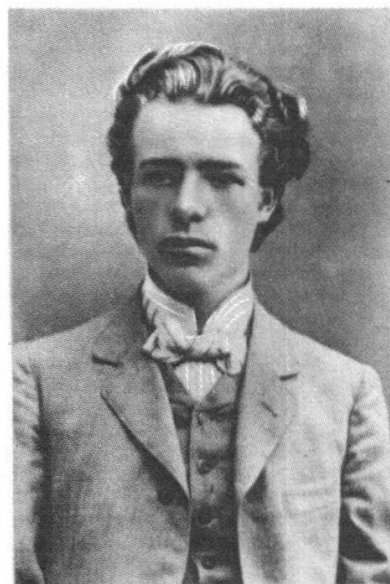
Николай остановился и с удивлением посмотрел на Войкова, но Александра Федоровна решительно повернула, как куклу, своего безвольного супруга и увела с собой.

* Уйдем, Никки. Эти варвары ничего не понимают!

** Мадам, без оскорблений!



Секретное донесение в
Особый отдел департа-
мента полиции по делу
П. Л. Войкова. 1908 г.
П. Л. Войков в Женеве.
1908 г.



П. Л. Войков —
гимназист



П. Л. Войков в Женеве. 1908.

В КОЛЬЦЕ ФРОНТОВ

Занятый многочисленными делами в Совете рабочих и солдатских депутатов, Петр Лазаревич вел и большую политическую работу в массах. По поручению Екатеринбургского комитета РСДРП(б) он часто выступал с докладами на заводах и фабриках. Летом 1918 года Войков, встретившись с рабочими мартеновского цеха Верх-Исетского завода, рассказал им, что империалисты Англии, Америки, Франции, Японии, высадив свои войска в Мурманске, Архангельске и во Владивостоке, начали интервенцию. Вместе с белогвардейскими армиями они ведут вооруженную борьбу против Советской власти. Используя контрреволюционные элементы, интервенты пытаются «освободить» бывшего царя, чтобы объединить вокруг него самые черные силы реакции и задушить завоевания Октябрьской революции. Войков сообщил также, что Советское правительство разрешило Уральскому Совету рабочих и солдатских депутатов обменять на внутреннем рынке часть запасов чугуна и стали на зерно.

З. Н. Жуковский.

Окончив доклад, Войков начал отвечать на записки.

— Скажите,— читал он,— почему бывший царь находится в роскошном особняке, а не в тюрьме?

— Причин много. Главная из них состоит в гуманной стороне Советской власти.

— Куда делись царские бриллианты?

— Отвечаю,— сказал Войков, держа записку в руке,— бриллианты, золотые монеты, золотая посуда изъяты у бывшей царской семьи специальной комиссией Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов по акту, упакованы в ящики, запечатаны и сданы на хранение до особого распоряжения.

— Скажите, что за выстрелы раздавались на этих днях во дворе дома, в котором проживает царская семья?

— Это были два предупредительных выстрела охраны, заметившей подачу сигналов из окна спальни бывшего царя.

Страна Советов в те дни была зажата в огненном кольце фронтов. Главным из них летом 1918 года стал Восточный фронт. С каждым днем он все ближе подходил к Екатеринбургу.

В течение нескольких дней Войков выполнял специальное задание Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вместе с группой рабочих, старых большевиков, он уже под обстрелом противника упаковал находившиеся в Екатеринбурге государственные запасы золота, платины в ящики, отправил их на товарную станцию и погрузил в вагоны. Доставив ценный груз в Пермь, он

возвратился и доложил Уральскому Совету об успешном выполнении задания. Это был поистине подвиг.

«Находчивость и умение быстро организовать любое дело — вот его отличительные черты в работе,— писал бывший председатель исполнительного комитета Уральского Совета А. Г. Белобородов.— Вспоминается, как т. Войков организовал вывоз запасов золота и платины из Уральской золотоплавильни. Чехословаки уже были на подступах к Екатеринбургу и грозили нам отрезать сообщение на запад. Нельзя было медлить ни одного дня. В течение нескольких часов он без шума и осложнений грузит эти запасы в вагоны, и нам удается их вывезти в безопасное место»*.

Вскоре после этого в приемной губернского комиссариата снабжения неожиданно появился высокий иностранец с толстым желтым портфелем. Он подошел к секретарю и спросил по-русски, не может ли господин комиссар принять его по важному делу.

П. А. Войков был очень занят. Ожидалось распоряжение об эвакуации города. В канцелярии уже были приготовлены для упаковки последние книги и папки с документами. Но он решил все же принять незнакомца.

— Как это можно, господин комиссар,— воскликнул иностранец, входя в кабинет.— Вы еще здесь? Такой гром орудий, всюду паника. Все бегут...

* «Огонек» № 22 (221), 1927.

— Простите, с кем имею честь говорить? — спросил Петр Лазаревич.

Иностранец ответил, что он является представителем американской фирмы «Зингер». Имени своего он так и не назвал.

— У вас есть какое-нибудь дело ко мне? — спросил его Войков.

— О да! Я позволю себе напомнить вам, господин комиссар, что моя компания вложила очень большие капиталы в России. Но речь сейчас не об этом. Я мог бы, если угодно, закупить все запасы платины и золота, имеющиеся в вашем распоряжении. Я понимаю, что это очень серьезное и деликатное дело. Но вывозить благородный металл из города, который находится в осаде, опасно. Это большой риск...

П. Л. Войков встал и, посмотрев в упор на незнакомца, ответил, подчеркивая каждое слово, что все запасы платины и золота уже эвакуированы и находятся в безопасном месте. Сделав шаг вперед, он строго спросил, желает ли господин представитель фирмы сказать еще что-нибудь.

Иностранец молча попятился к дверям и поспешно вышел из кабинета.

Наступление чехословацкого корпуса и белых армий продолжалось. На Южном Урале возобновились вооруженные выступления белых казаков. В Екатеринбурге было убито несколько рабочих, принимавших активное участие в революционном движении. Погиб от вражеской пули И. М. Малышев, когда он, после выступления на заводе, возвращался домой. Начались бандитские

налеты на государственные учреждения и общественные организации. Падение города стало вопросом дней. В этих условиях уже не было возможности перевезти семью Романовых в какое-либо другое место или провести открытый судебный процесс. Учитывая чрезвычайное положение, Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о расстреле бывшего царя и его семьи. Суд народа свершился в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

18 июля президиум ВЦИК, рассмотрев вопрос об обстоятельствах, побудивших Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов принять постановление о расстреле Романовых, признал его правильным.

В ночь с 24 на 25 июля 1918 года вместе с последним отрядом Красной Армии Екатеринбург покидали руководители губернских советских и партийных организаций. С этим отрядом должен был уходить и Войков. Так и не дождавшись жены, уехавшей в командировку по делам комиссариата здравоохранения, он взвалил на коня самые необходимые вещи, посадил сверху сына и отправился в путь.

25 июля враг ворвался в Екатеринбург. Временной столицей Урала стала Пермь. Зимой, засыпанная снегом, она казалась тихой, дремлющей, но с весны до глубокой осени становилась оживленной. По Каме ходили пароходы, баржи, тянулись плоты, на пристанях кипела работа.

В городе и на окраинах имелись металлообрабатывающие и лесопильные заводы,

мебельные фабрики, мастерские по обработке драгоценных и цветных камней, мукомольные, кожевенные заводы. Рабочие этих предприятий принимали активное участие в установлении Советской власти в Приуралье. Вступив в ряды Красной Армии, пермские рабочие героически защищали свой город.

ЦК РКП(б) провел массовую мобилизацию коммунистов на Восточный фронт. Вместе с уральцами сражались против белогвардейцев болгарские, венгерские, польские и чехословацкие коммунисты.

Обстановка в Перми была трудной. К городу рвались враги. Запасы хлеба и продовольствия оказались на исходе. Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов поручил Войкову срочно подготовить предложения о необходимых мерах по обеспечению населения и армии продовольствием. 31 августа 1918 года Войков представил свой доклад на рассмотрение исполнительного комитета Уральского Совета. На следующий день, когда доклад был одобрен, он выехал в Москву, чтобы представить его правительству.

4 сентября коллегия Народного комиссариата по продовольствию, рассмотрев на своем заседании доклад П. Л. Войкова, приняла решение немедленно направить в Пермь хлеб и продовольствие из государственных запасов.

В сложной обстановке Войков действует энергично и решительно. Председатель Исполкома Уральского Совета А. Г. Белобородов писал: «В Перми, после нашего отхода

из Екатеринбурга, председатель Кизеловского Совета сообщает, что Совет отдал последние запасы муки проходящим воинским частям. Копям грозит остановка и, стало быть, прекращение снабжения углем железной дороги. Тов. Войков берет маршрут хлеба из пермских запасов и через несколько часов сам доставляет его кизеловским рабочим. Маршрут, который шел бы целую неделю, приходит на место через 12 часов» *.

Колчаковцы продолжали наступление. 25 декабря они захватили Пермь. Но уже весной 1919 года войска Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе нанесли врагу сокрушительный удар. Урал, кузница России, был освобожден.

Петр Лазаревич любил Урал, называл его седым могучим великаном. Он говорил, что это особый мир по природе, климату, характеру людей. В течение многих столетий люди воздвигали здесь города, строили заводы, железные дороги, перебрасывали мосты через бурные реки, добывали руду, драгоценные камни, плавил металл. В этом труде закалялись люди... На Урале закалился в революционной борьбе и Войков.

* «Огонек» № 22 (221), 1927.

В МОСКВЕ

В декабре 1918 года Советское правительство, укрепляя государственный аппарат новыми кадрами, вызвало с Урала группу коммунистов для работы в различных народных комиссариатах и ведомствах. Среди них находился и Войков. Он получил назначение в Народный комиссариат по продовольствию. В июле 1919 года Советское правительство направляет его на работу в Центросоюз в качестве своего представителя.

26 октября 1920 года Совет Народных Комиссаров назначил Войкова членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли. Ему было поручено руководство управлениями: экспортным, транспортным, экспедиционным, таможенно-материальным и пограничной охраны.

В 1921 году Войков неоднократно выступал на заседаниях Совета Народных Комиссаров, на которых председательствовал В. И. Ленин, с сообщениями по различным вопросам внешней торговли. Это было весьма ответственное дело. За пять или шесть минут, которые отводились докладчикам,

надо было четко и ясно сказать о самом главном, ответить на все вопросы, не допустить никакой неточности.

Сохранилась телефонограмма, которая была передана Петру Лазаревичу утром 14 мая из Кремля. «Т. Войкову. Сегодня же сообщите, почему и по чьей вине задерживается отъезд в Норвегию для закупки рыболовного оборудования для Мурмана тт. Казакова и Пивоварова (приложите копии документов). Пред. СТО Ленин» *.

В тот же день Войков подготовил ответ, в котором давалось объяснение причин задержки выдачи виз Народным комиссариатом иностранных дел. Но ответ не послал.

Есть основание думать, что Войков, принимая возможные меры к выполнению задания СТО, решил дожидаться ответа на посланное им в НКВД письмо о выдаче виз Казакову и Пивоварову.

В этом и была его ошибка. 1 июня СТО, считая подобное отношение к официальным запросам недопустимым, поставил Войкову на вид.

24 мая 1921 года Совет Народных Комиссаров, рассматривая вопрос об импортном плане, постановил: «Поручить Комиссии в составе тт. Ленина, Войкова и Альского ** выяснить к 25-му мая, в каких пределах возможно приблизительно удовлетворить имеющиеся заявки и на основании этого составить проект постановления СНК, каковой

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 190.

** А. О. Альский — заместитель народного комиссара финансов РСФСР.

проект провести опросом по телефону»*. На выписке из протокола СНК от 25 мая 1921 года № 424, содержащей это постановление, видна помета рукой Войкова: «...это сделано». На другом заседании, состоявшемся в тот же день, Совет Народных Комиссаров назначил Войкова членом правительственной комиссии, на которую возлагалась обязанность «...следить за быстрейшим исполнением всех мероприятий, связанных с покупкой заграничного фонда для товарообмена с крестьянами и для товарообмена вообще»**.

17 августа 1921 года Совет Труда и Оборона под председательством В. И. Ленина рассмотрел и утвердил проект положения о вновь созданной организации «Северолес». В подготовке этого проекта принимал участие и Петр Лазаревич. 22 сентября Президиум ВСНХ на своем заседании утвердил Войкова членом правления «Северолес» как представителя Народного комиссариата внешней торговли.

Этой работе Петр Лазаревич отдавал много сил. Он часто ездил в леса Архангельской губернии, встречался с лесорубами, лесничими, руководителями местных партийных и советских организаций. Войков говорил о лесе как об одном из богатейших природных сокровищ страны, о том, что лес — это золото, которое нужно молодой Республике Советов, чтобы закупать за границей машины, станки, оборудование.

* Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 413, ед. хр. 439, л. 135.

** Там же, л. 138.

— Мы часто говорим, что любим лес,— сказал он однажды, беседуя с рабочими, лесорубами и железнодорожниками, перевозившими лесоматериалы,— а всегда ли мы ухаживаем за лесом, всегда ли бережно к нему относимся? Вчера мы с Кириллом Афанасьевичем, вашим старым лесничим, нашли по дымку, который курился, костер в лесу. Это ваши товарищи испекли картошку, поели и ушли, а огонь оставили, пусть разносит его ветер. Нельзя так. Надо беречь каждое деревце.

И тут Войков вспомнил, как в Женеве, на улице де Серветт, на которой он когда-то жил, строили дом. Старое наклонившееся дерево мешало рабочим. Но они построили вокруг него в новом доме кирпичную башенку так, что склонившаяся верхушка дерева с ветвями выходила на улицу из специального окошка на втором этаже.

— Конечно,— продолжал Петр Лазаревич,— кто не сидел в лесу у костра? Иван Сергеевич Тургенев, вы знаете, частенько беседовал с крестьянами у костра. Но разве можно себе представить, чтобы он, человек, как любивший лес, забыл потушить огонь?!

Возвратившись в Москву после одной из своих поездок по северным областям, Войков сделал на заседании правления «Северолес» доклад, в котором привел случаи нарушения постановлений правительства об условиях труда рабочих, об эксплуатации лесных богатств, о борьбе с лесными пожарами.

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА С А. М. ГОРЬКИМ

Петр Лазаревич Войков был хорошо знаком с А. М. Горьким. Они вместе работали в Экспортной комиссии при Народном комиссариате внешней торговли. Оба были обеспокоены сохранностью культурных ценностей, ставших достоянием народа.

...Как-то Войков зашел в книжную лавку писателей и увидел Алексея Максимовича Горького, сидевшего за круглым столиком. Они тепло поздоровались. Алексей Максимович, похлопав ладонью по книге, сказал:

— Гоголь! Первое издание Тараса Бульбы! Случайно наткнулся,— и продолжал:

— Скажите, Петр Лазаревич, почему у нас исчезают редкие книги? Говорят, что много контрабандой вывозится за границу. Куда смотрят таможенные власти?

П. Л. Войков, в ведении которого находилось таможенное управление, понял намек.

— Вы, Алексей Максимович, ведь знакомы с проектом постановления об ассигновании средств на покупку книг и антикварных предметов у населения? — ответил Петр Лазаревич. — В ближайшие дни он будет рассмотрен правительством.

Это сообщение заинтересовало Горького. Он поблагодарил за хорошую новость и сказал:

— Если в этом серьезном деле потребуются помощь ученого мира и писателей, пожалуйста, скажите и мне.

За годы войны и интервенции народное хозяйство страны было разрушено. В 1921 году в Поволжье, пораженном засухой, начался голод. «Точно все последствия войны империалистической и той войны, которую нам навязывали капиталисты,— говорил В. И. Ленин,— точно все они собрались вместе и обрушились на нас голодом и самым отчаянным разорением. Эти бедствия сейчас далеко еще не преодолены» *.

Золотые запасы таяли. На иностранные займы рассчитывать не приходилось. Значительные средства дала национализация крупной промышленности, банков, железных дорог, частных поместий. Но было необходимо найти дополнительные внутренние ресурсы.

Между тем утечка ценностей за границу, начавшаяся еще во время мировой войны, продолжалась.

Во дворцах, особняках бывших князей и капиталистов, бежавших из России, находились различные произведения искусства и антикварные предметы. Советское правительство объявило все это общенародным достоянием и приняло меры по их охране. Ценные картины, мебель, фарфор передава-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 67.

лись музеям. Наряду с этим создавался особый экспортный фонд, в который должны были войти произведения искусства, имевшие высокую стоимость, но не представлявшие большой художественной ценности. Правительство поручило народному комиссару внешней торговли Л. Б. Красину подготовить проект предложения о создании Экспортной комиссии. Ей предоставлялось право отбирать предметы искусства для экспортного фонда. Красин подготовил проект, но в связи с отъездом в Англию не успел окончательно завершить работу над ним. Передав проект Войкову, он рекомендовал ему ознакомиться с письмами А. М. Горького, содержащими различные предложения о работе Экспортной комиссии в Петрограде.

Работая над проектом, Петр Лазаревич обратил внимание на письмо А. М. Горького, адресованное заместителю народного комиссара внешней торговли Н. М. Лежаве. В нем, в частности, говорилось: «До 1-го октября 1920 года Экспортная комиссия, работая в составе 80 человек под председательством А. Пешкова, образовала два склада отобранных ею вещей, в количестве до 120 000 различных предметов, как-то: художественной старинной мебели, картин различных эпох, стран и школ, фарфора русского, севрского, саксонского и т. д., бронзы, художественного стекла, керамики, старинного оружия, предметов восточного искусства и т. д.

По оценке [19]15-го года стоимость этих вещей превышает миллиард. Кроме того, на

складах комиссии имеются отобранные в бесхозяйственных квартирах ковры на сумму в несколько сотен миллионов (тоже по оценке 15-го года).

Ныне комиссия имеет точные сведения, что на антикварных рынках Зап[адной] Европы стоимость самых простых антикварных вещей возросла сравнительно с довоенным временем в 5—6 раз; стоимость же более ценных предметов искусства, судя по каталогам парижских аукционеров, настолько велика, что не поддается никакому учету» *.

Эти данные были приведены в записке к проекту, представленному В. И. Ленину.

15 апреля 1921 года правительство приняло постановление об ассигновании Народному комиссариату внешней торговли 100 миллионов рублей на приобретение произведений искусства для экспортного фонда и о создании «Комиссии под председательством т. Горького и особо ответственных представителей Рабоче-крестьянской инспекции и Народного комиссариата просвещения для приобретения антикварных и художественных предметов» **.

Получив это постановление, Горький и Войков составили план работы комиссии.

Первого июня Алексей Максимович посетил Войкова в Народном комиссариате внешней торговли. Горький рассказал о первом заседании комиссии по приобретению анти-

* Центральный архив МВТ СССР, ф. 1, оп. 132б, д. 48, л. 2.

** Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 413, ед. хр. 439, л. 99.

кварных художественных предметов и о том, что она решила отдать предпочтение произведениям восточного и русского народного искусства.

Комиссия, в которой очень много работали А. М. Горький, П. Л. Войков, М. Ф. Андреева, выявила колоссальные ценности. Она изучала произведения искусства, отбирала наиболее ценные из них для государственных музеев, а остальные направляла в экспортный фонд для продажи на валюту.

По поручению Советского правительства НКВТ закупал за границей зерно, машины и инструменты. Было учтено и предложение Войкова о приобретении оборудования для лесной промышленности.

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ

В начале октября 1921 года П. Л. Войкова принял Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин и поздравил его с назначением председателем делегации РСФСР и УССР в Смешанной советско-польской эвакуационной и специальной комиссии.

— Итак, Петр Лазаревич,— сказал он,— пусть благополучно скользит по волнам ваша дипломатическая ладья.

Рекомендовав начать работу с изучения наиболее важных документов о советско-польских отношениях, Чичерин добавил:

— Я понимаю, что работа, которая поручена вам, будет нелегкой.

И действительно, первые шаги Петра Лазаревича на новом посту были сопряжены с трудностями. Со многими документами он не мог ознакомиться сам, поскольку они были написаны на польском языке, который Войков только начал изучать. Целыми днями роясь в архивах, он разыскивал нужные ему документы, изучал их, снимал копии, делал выписки, составлял справки.

Эвакуация государственного, общественного и частного имущества из губерний бывшего Царства Польского началась во время

первой мировой войны, в конце 1914 года. Весной 1915 года, когда на Западном фронте началось отступление, положение осложнилось. Население в панике бросало свои дома и, спасаясь от врага, бежало на восток. Общего плана эвакуации не было, не было и единого правительственного органа, который отвечал бы за нее. Имущество, приготовленное для эвакуации, портилось и расхищалось на месте. Царское правительство не подготовилось к размещению его в новых районах. Средства транспорта были недостаточны, на железных дорогах царил неразбериха. Никто точно не знал, какое имущество надо вывозить в первую очередь.

Октябрьская революция и провозглашенный ею принцип самоопределения наций создавали условия для обеспечения независимости Польши. В июне 1918 года Советское правительство заявило, что «признает за польским народом право на самоопределение»*. ВЦИК в своем обращении к польскому народу от 2 февраля 1920 года торжественно провозгласил: «Свобода Польши является необходимым условием свободного развития России»**.

Советское правительство, признавшее Польшу независимым и суверенным государством, неоднократно заявляло польским властям о своей готовности совместно с ними рассмотреть и решить как вопрос о воз-

* «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1959 г., стр. 372.

** «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1958 г., стр. 356.

вращении польского имущества, так и другие вопросы, возникшие между двумя странами. Но буржуазно-помещичье правительство Польши, направлявшееся Ю. Пилсудским, не пошло тогда на переговоры: оно готовилось к войне против Советской России. Планы Пилсудского подогревались империалистическими державами. Хотя польский народ хотел мира, его голос глушила господствовавшая в Польше реакция.

18 марта 1921 года между РСФСР, УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой, был подписан Рижский мирный договор, завершивший польско-советскую войну 1920 года. Антисоветские планы польских империалистов и империалистов других стран потерпели поражение.

В. И. Ленин писал, что мы не хотели войны. «Поляки нам войну навязали, и мы знаем, что тут главную роль играли даже не польские помещики, не польские капиталисты, ибо положение Польши, как и теперь, было отчаянное. Она с отчаяния пошла на эту авантюру. Но главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была, конечно, сила капитала международного...»*. «Антанта пользовалась Польшей как орудием в новой попытке разрушить Советскую республику»**.

Проведение в жизнь основных положений Рижского договора затягивалось. Польское правительство уклонялось от выполнения

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 320.

** Там же, стр. 322.

своих обязательств. Оно потворствовало созданию на своей территории военных отрядов и политических организаций белогвардейцев. Одной из них был «Русский политический комитет», руководивший подготовкой анти-советских заговоров, диверсий, восстаний в городах и деревнях РСФСР, Украины, Белоруссии.

Польское правительство долгое время не давало разрешения на въезд в Варшаву советского дипломатического представителя. Только 3 августа 1921 года полномочный представитель РСФСР в Польше Л. М. Карахан и поверенный в делах Польши в РСФСР Т. Филипович встретились на советско-польской границе. Карахан направился в Варшаву, а Филипович в Москву. Польское правительство, назначив в Советскую Россию поверенного в делах, а не посла или посланника, давало этим понять (прежде всего западным державам), что оно не стремится к нормализации советско-польских отношений.

Изучая документы о советско-польских отношениях, Петр Лазаревич постепенно выяснял основные причины, тормозившие выполнение Рижского договора. Сопоставив различные факты, взятые из нотной переписки, донесений таможен и документов, захваченных при разгроме белогвардейских банд на территории РСФСР, Украины, Белоруссии, он убедился, что все сменявшиеся одно за другим польские правительства не только уклонялись от выполнения обязательств Польши по Мирному договору, но

и преднамеренно проводили враждебную политику против советских республик.

18 сентября 1921 года правительство Польши в ультимативной форме потребовало от Советского правительства возвращения польских военнопленных и уплаты стоимости имущества, подлежащего, по его утверждениям, реэвакуации. Правительство РСФСР 22 сентября в своей ответной ноте отвергло необоснованные претензии и выразило надежду, что польское правительство будет выполнять свои обязательства по Рижскому договору. Вскоре после этого начались польско-советские переговоры, завершившиеся подписанием 7 октября 1921 года соответствующего протокола. Польское правительство обязалось выслать из Польши не позже 8 и 20 октября 1921 года 19 активных белогвардейцев, в том числе Петлюру, Б. Савинкова, Булак-Балаховича, Тютюнника, а правительство РСФСР согласилось не позже 20 октября передать польской стороне первый взнос за подлежавшее реэвакуации железнодорожное имущество.

8 октября состоялось первое заседание Смешанной советско-польской реэвакуационной комиссии. К ее работе были привлечены ученые, литераторы, юристы, художники, инженеры, представлявшие обе стороны. Делегацию Польши возглавлял полномочный министр А. Ольшевский. Делегацию РСФСР и УССР возглавлял известный ученый О. Ю. Шмидт. На втором заседании комиссии, 2 ноября, О. Ю. Шмидт сообщил, что, поскольку он намерен всецело посвя-

тить себя научной деятельности, Советское правительство удовлетворило его просьбу и освободило от обязанностей главы делегации, назначив на этот пост П. Л. Войкова, чрезвычайного и полномочного посланника. Войков передал председателю польской делегации свое полномочие. В нем говорилось: «Народный Комиссариат по Иностранным Делах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от имени Правительства РСФСР настоящим уполномочивает гражданина Петра Лазаревича Войкова принимать участие в качестве Председателя Российско-Украинской Делегации в работах Специальной Смешанной Российско-Украинско-Польской Комиссии, предусмотренной п. 15 статьи XI Мирного договора между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, заключенного в городе Риге 18 марта 1921 года, на которую Комиссию возлагается разрешение всех вопросов, связанных с исполнением XI статьи означенного договора. Москва, 14 ноября 1921 года.

Народный Комиссар по иностранным
делам *Чичерин*.
Заведующий экономическо-правовым
отделом *Сабанин*» *.

Польская сторона потребовала срочного рассмотрения представленных ею многочисленных документов: официальных писем различных учреждений и предприятий, за-

* Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 384, п. 111, д. 69, стр. 3.

явлений частных лиц, судебных дел, свидетельских показаний, завещаний на право наследования собственности. На их основании польское правительство обращалось к правительствам РСФСР и УССР с требованием возратить Польше имущество, эвакуированное в Россию в 1914—1917 годах. Все эти документы Войков тщательно изучал и проверял. Некоторые из них экспертиза признала фальшивыми. В других документах указывалась сумма, во много раз превышавшая действительную стоимость имущества. Те, кто предъявлял необоснованные требования, видимо, рассчитывали, что большинство архивов погибло и Советское правительство не сможет проверить, насколько эти претензии обоснованы, и будет вынуждено заплатить по ним золотом.

Строго следуя директивам Советского правительства, Войков заявлял неоднократно в комиссии, что при выполнении Рижского договора не должна пострадать ни одна из сторон, что получить свое имущество могут только те польские учреждения и те частные лица, которые предъявят на него свои законные права. Правительства РСФСР и УССР пошли навстречу просьбам польской стороны и разрешили представителям этих учреждений и частным лицам выезжать на розыски своего имущества в Советскую страну.

В 1921 году Советское правительство, выполняя свои обязательства по протоколу от 7 октября 1921 года, сделало первый взнос в счет подлежавшего реэвакуации имущества. В отчете польской делегации говорилось:

«Ценность, которую представляет для Польши возвращенное ей культурное достояние, трудно выразить в соответствующей денежной сумме. Возврат этот, не говоря уже о его политическом значении для будущего добрососедского сосуществования обоих народов, прежде всего имеет большое культурное значение»*.

Правительства РСФСР и СССР бережно относились к сохранению национальных богатств польского народа, имеющих историческое значение.

На одном из заседаний Смешанной комиссии Ольшевский обратился к Войкову с просьбой помочь в поисках и возвращении колоколов польских костелов и ключей от Варшавы. Колокола польских костелов были обнаружены в государственных складах, где они находились на хранении. Советские власти не препятствовали получению колоколов. Представители польской делегации, отобрав на складе колокола, погрузили их в вагоны и отправили в Польшу. «Колокола в количестве 7225 штук были оценены в 3 030 000 злотых, не учитывая их исторической ценности; многие из эвакуированных колоколов представляют собой поистине бесценные произведения польского литейного дела, начиная с XV века, которые несомненно послужат цели реализации проекта первого музея колоколов в Польше.

Стоимость частично эвакуированных до

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV. М., 1966, стр. 302.

сего времени промышленных объектов в виде 23 заводов равняется 1 895 000 злотым»*.

Нашлись и символические ключи от Варшавы, которые также были возвращены Польше.

25 августа 1924 года в конференц-зале НКВД СССР было подписано соглашение о эвакуации польского имущества и о компенсации за него. С советской стороны оно было подписано Войковым. В соглашении говорилось, что все требования и претензии, предъявленные польским правительством к правительствам РСФСР, СССР и БССР, а равно все требования и претензии правительств трех советских республик к польскому правительству в Смешанной эвакуационной комиссии, этим соглашением погашаются.

Одновременно с работой в Смешанной эвакуационной комиссии Войков выполнял ряд ответственных заданий правительства. Он принимал участие в переговорах о заключении торгового договора между РСФСР и Польшей, между РСФСР и Швецией.

14 октября 1921 года Чичерин пригласил Петра Лазаревича к себе и сказал, что получил из Лондона телеграмму, в которой Красин настаивал на скорейшем отъезде Войкова в Канаду в качестве главы торговой делегации РСФСР.

— К сожалению,— добавил Чичерин,— не от нас это зависит. Англичане молчат. Не

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV. М., 1966, стр. 305.

хотят видеть наших представителей в своем доминионе. Подождем.

Правительство РСФСР назначило П. Л. Войкова главой советской торговой миссии в Канаде и поручило своему официальному представителю в Лондоне Л. Б. Красину обратиться к правительству Великобритании с просьбой выяснить, приемлемо ли это назначение для правительства Канады, уже назначившего своим торговым представителем в РСФСР Уилгресса. Министерство иностранных дел Великобритании в своей ответной ноте от 6 декабря сообщило официальному представителю РСФСР, что канадское правительство не может разрешить Войкову и его сотрудникам въезд в Канаду. На запрос заместителя официального представителя РСФСР в Лондоне помощник министра иностранных дел Великобритании ответил письмом от 15 февраля 1922 года, в котором сообщалось, что отказ правительства Канады принять «Советскую миссию в эту страну был вызван возражениями против состава Миссии, а не какими-либо принципиальными возражениями против принятия Миссии» *.

Поездка П. Л. Войкова в Канаду не состоялась.

* «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 148.

У РУССКОГО БОГАТЫРЯ

Георгий Васильевич Чичерин высоко ценил Войкова, отзывался о нем как о добросовестном, умном и знающем работнике, называл его своим молодым другом. Чичерин говорил о Войкове как о способном человеке, обладающем большой эрудицией, легко ориентирующемся в сложных вопросах, хорошем диалектике и ораторе. Заботливо и внимательно следил Чичерин за шагами Войкова на дипломатической работе, умело и тактично направлял его. Он мог быть строгим, не обескураживая. Между ними сложились хорошие, дружеские отношения.

... 22 июля 1924 года Войков, доложив Чичерину о работе советской делегации в Смешанной реэвакуационной комиссии, спросил его, не будет ли вечером каких-либо срочных заданий.

- На охоту собираетесь?
 - Нет. В цирк. На бенефис Поддубного.
 - С женой?
 - Отказалась. Не нравится ей борьба.
- Г. В. Чичерин задумался. Как обычно, он

вынул из кармана жилета свою записную книжку.

— Если совещание не затянется,— сказал он, перелистывая ее,— я мог бы составить вам компанию. Давненько не был в цирке. Признаться, даже не помню...

В этот вечер 2-й Государственный цирк на Садовой-Триумфальной был переполнен. На больших пестрых афишах крупными буквами сообщалось: «В день своего бенефиса И. М. Поддубный продемонстрирует небывалые опыты сверхчеловеческой силы и сопротивления человека величайшему давлению».

Г. В. Чичерин и П. Л. Войков сидели в пятом ряду партера на левой стороне. Когда зажглись яркие огни, на арену под звуки марша вышли борцы в черных и красных трико. Обойдя круг, они остановились и раскланялись. Судья представил каждого из них. Поддубный был с широкой голубой лентой чемпиона мира, перекинутой через правое плечо. Представление началось выступлением Поддубного. Взяв небольшую цепь, он передал ее в публику и попросил указать любое звено, которое он должен разорвать. Затем намотал ее себе на руки, расправил плечи... миг — и обрывки цепи упали на ковер. Поддубный взял длинную железную трость и, как веревку, намотал ее себе на кисть левой руки. Несколько гвоздей размером в карандаш он один за другим согнул в кольца и раздал их зрителям. Кто-то бросил с галерки медный пятак. Поддубный легко смял его пальцами. Шесть че-

ловек положили ему на плечи длинную рельсу, повисли на ее концах, и он стал медленно поворачиваться, сначала в одну сторону, потом в другую.

После антракта началась борьба. Самая напряженная схватка была между Поддубным и маской «Динамо» — высоким атлетом в красном трико. Борец в маске напал на Поддубного, повалил его на ковер и долго не давал подняться. Публика волновалась. Освободив, наконец, голову, Поддубный встал, покачнулся, но устоял на ногах и даже успел расправить усы. Поставив противника на колени, Поддубный навалился на него, перевернул и положил на лопатки.

— Как в дипломатии,— сказал Войков.

Чичерин посмотрел на него и засмеялся.

Услышав свисток судьи, Поддубный встал, подал своему сопернику руку и помог подняться. Зрители бурно приветствовали победителя.

— Простите, Иван Максимович, я — Чичерин, а это мой молодой друг Петр Лазаревич Войков. Ваш земляк. Мы на одну минуту.

Это было в артистической, когда Поддубный, сняв пестрый свой халат, сидел на стуле и расшнуровывал ботинки. Знаменитый борец тепло приветствовал гостей.

— Слышал, что вы, Иван Максимович, собирались в Америку,— продолжал Чичерин.

— Приглашают. Да, к сожалению, уже годы не те.

— И это говорите вы, Иван Максимович! Как будто мы не видели сегодня вас на ковре!

— И дорога дальняя. И на Полтавщину собирался поехать.

— Тогда кто же будет честь нашей страны защищать? Вы ведь выступали успешно во Франции, Германии, в Италии.

— В Америке много хороших борцов. Один из них — Колоф, чемпион Америки, человек дьявольской силы. Конечно, интересно было бы встретиться с ним *.

— А вот эту дубинку возьмете с собой? — спросил Войков, бросив взгляд на большую чугунную палицу, стоявшую в углу.

— Всегда ее беру с собой. Эта «тросточка» весит 10 фунтов. Упражнение для рук, — ответил Поддубный и улыбнулся.

* 30 ноября 1925 года чемпион мира И. М. Поддубный прибыл в Нью-Йорк. Совершив большое турне по крупнейшим городам США, он в мае 1927 года возвратился в СССР, завоевав звание чемпиона Америки.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

На заседании коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР 8 августа 1924 года обсуждался вопрос о назначении нового полномочного представителя СССР в Польше. По предложению Чичерина коллегия рекомендовала на этот пост Петра Лазаревича Войкова.

Агреман (согласие) на назначение Войкова был запрошен у польского правительства 10 августа. Однако правительство Польши долго не давало ответа. Войков был широко известен как революционер, и реакционные круги выступали против выдачи агремана, призывая использовать любые предлоги. Министр внутренних дел Польши, один из ярых противников предоставления агремана, потребовал обсудить этот вопрос на закрытом заседании политического комитета Совета министров. Политический комитет рассматривал вопрос об агремане 21 и 22 августа. В его решении говорилось: «Министр иностранных дел сообщает, что с целью выяснения решающего для предоставления агремана вопроса» о причастности Войкова к расстрелу семьи Николая Романова «он

потребуется в частной переписке от комиссара иностранных дел Чичерина подтверждения, что Войков к этому не причастен. Если Чичерин даст такое подтверждение, которое, возможно, будет опубликовано, то можно будет предоставить Войкову агр-ман...» *.

Министр иностранных дел Сквишинский прислал Чичерину письмо от 22 августа. В нем сообщалось, что Войков известен ему по работе как председатель советской делегации в Смешанной советско-польской эвакуационной специальной комиссии и что «г. Войков, отдавая свои неоспоримые таланты на службу Союзу Советских Социалистических Республик, будет в состоянии проявить на дипломатическом поприще достаточную объективность и широту взглядов...» **. Однако, писал министр далее, поскольку с личностью Войкова связывается история или легенда об участии его в расстреле семьи Романовых, он хотел бы получить разъяснение.

Чичерин ответил письмом от 4 сентября, в котором говорилось, что правительство СССР признает необходимым расширение и укрепление добрых отношений между СССР и Польшей, основанных на доверии, искренности и лояльности. Георгий Васильевич писал, что с целью развития и укрепления

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV. М., 1966, стр. 319.

** «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., 1963, стр. 441.



Читальный зал библиотеки «Société de lecture». 1908 г.



Здание библиотеки «Société de lecture» («Общества чтения») в Женеве



Первая и последняя страницы работы П. Л. Войкова, опубликованной в журнале «Голос минувшего» № 10, 1915 г.

добрососедских отношений правительство СССР предполагает назначить Войкова на пост полномочного представителя СССР в Польше и ожидает в то же время назначения польского посланника в СССР. «Правительство Союза считает Петра Лазаревича Войкова вполне подходящим лицом для намеченной цели, т. е. для устранения существующих недоразумений между нашими Правительствами и для укрепления добрых отношений между ними. Не могу не упомянуть при этом с удовлетворением о том, что часть вопросов, разделяющих наши Правительства, уже урегулирована соглашением, подписанным со стороны Советского Правительства Петром Лазаревичем Войковым 25 августа»*. В письме отмечалось, что П. Л. Войков занимал на Урале должность областного комиссара снабжения и, как невоенный, не имел отношения к исполнению приговора над бывшим царем и его семьей. «Я,— писал далее Чичерин,— не помню момента в истории борьбы польского народа против угнетения царизмом, когда борьба против последнего не выдвигалась бы как общее дело освободительного движения Польши и России. Нет, конечно, польского гражданина, который бы не помнил о тех ярких и глубоко прочувствованных стихах, в которых Адам Мицкевич вспоминает о своем близком общении с Пушкиным и, между прочим, о том, как он, покрываясь с ним

* «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., 1963, стр. 439.

одним плащом, стоял перед статуей Петра Великого. Я не сомневаюсь, что Адам Мицкевич был вполне солидарен с известными стихами Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

При том громадном распространении, которое получила повсюду в Польше драма Юлиуса Словацкого «Кордиан», всякому польскому гражданину, несомненно, памятна та сцена из этой драмы, где голосами из народа осуждаются на смерть не только царь, но и его семья.

Г. В. Чичерин выразил глубокую уверенность в том, «что сотни и тысячи борцов за свободу польского народа, погибшие в течение столетия на царских виселицах и в сибирских тюрьмах, иначе отнеслись бы к факту уничтожения династии Романовых, чем это можно было бы заключить из Ваших сообщений»*.

Письмо Чичерина имело большой общественный резонанс. Прогрессивно настроенная польская молодежь, рабочие, интеллигенция нелегально распространяли его по всей стране.

Вскоре Скшиньский ответил, что польское правительство решило дать агреман на назначение Войкова в качестве полномочного представителя СССР в Польше.

* «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 440.

2 ноября 1924 года Войков с женой и сыном прибыл в Варшаву. В тот же день он сообщил в Москву, что доехал благополучно, если не считать одного происшествия. Когда поезд, миновав станцию Столбцы, шел на полном ходу, кто-то бросил булыжник и разбил им окно в его купе. Тогда Петру Лазаревичу казалось, что это мальчишеское озорство, на которое не стоило обращать внимания.

Познакомившись со всеми сотрудниками полномочного представительства СССР, Петр Лазаревич вышел в сад. Здесь он ждал возвращения советника полпредства из министерства иностранных дел, куда его пригласили по какому-то срочному делу. Около одиннадцати часов вечера советник возвратился. Он принес плохие вести. Начальник восточного отдела министерства Ю. Лукасевич, сославшись на поручение министра, конфиденциально сообщил, что находящиеся в Варшаве белоэмигранты-монархисты собираются предпринять «злонамеренные действия» против чрезвычайного посланника Войкова. Ю. Лукасевич заявил, что полицейские власти выразили готовность предоставить советскому представителю личную охрану.

— Да, полиция знает свое дело... — сказал Войков, выслушав своего советника.

В тот же вечер он послал Г. В. Чичерину телеграмму, в которой подробно сообщил о полученной информации.

3 ноября советник представительства, еще исполнявший обязанности временного поверенного в делах СССР, посетил министерст-

во иностранных дел Польши и вручил директору политического департамента Моравскому-Дзержикрай памятную записку полпредства СССР. Выразив благодарность за «крайне любезное предупреждение», полпредство отклонило предложение о предоставлении личной охраны. «Действительной гарантией неприкосновенности Представительства и его представителей,— подчеркивалось в записке,— несомненно, не могут явиться те или иные отдельные полицейские меры охраны лица или автомобиля, но лишь создание условий, при которых чуждые польскому обществу и народу монархические заговорщические организации не могли бы иметь пребывание в пределах, где их активная деятельность превращается в прямую и преступную угрозу Посланнику или Правительству Союза Советских Социалистических Республик»*.

4 ноября 1924 года Народный комиссариат иностранных дел СССР направил временно поверенному в делах Польши К. Вышиньскому ноту, в которой обращалось внимание польских властей на враждебную деятельность белоэмигрантских организаций против Советского Союза и его официального представителя.

В ответной ноте от 19 ноября польское правительство утверждало, что ему якобы «ничего не известно о существовании организаций, намеревающихся совершить поку-

* «Документы внешней политики СССР», т. VII, стр. 529.

шение на г. Посла Войкова», но что оно еще раз подтверждает, что «власти охраны предприняли все средства к обеспечению г. Войкова от нападений со стороны отдельных безответственных лиц, действующих на свой страх и риск».

8 ноября П. Л. Войков вручил свои верительные грамоты президенту Польской Республики С. Войцеховскому. В своей краткой речи полпред говорил о чувствах глубокой симпатии и дружбы народов Советского Союза к польскому народу. Он подчеркнул, что эти чувства выросли и окрепли в совместной борьбе против царизма и вытекают из взаимных интересов обеих стран. Принимая верительные грамоты, президент приветствовал Войкова как дипломата, хорошо осведомленного во всех вопросах советско-польских отношений. Войцеховский заявил, что «польский народ также питает чувство искренней симпатии к народам Советского Союза, с которым он желает жить в добрососедских отношениях».

Несколько дней спустя, просматривая утреннюю почту, Петр Лазаревич вскрыл небольшой белый конверт, на котором было напечатано: «Эхо Варшавске». Редакция газеты просила его ответить на восемь вопросов о советско-польских отношениях. Было ясно по содержанию, тонкой политической окраске и форме изложения вопросов, что они разрабатывались в министерстве иностранных дел. Учитывая, что самые различные слои польского народа проявляли большой интерес к жизни Советского Союза, Войков

решил использовать представившуюся возможность и рассказать читателям газеты о политике Советского Союза.

Целый день Петр Лазаревич работал над ответами редакции. Первоначальный набросок не удовлетворял его. Но помогли ленинские документы. Перелистывая газету «Правда» за ноябрь 1922 года, Войков нашел интервью В. И. Ленина корреспонденту газет «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману. Вечером он разыскал в Национальной библиотеке в газете «Манчестер гардиан» за 22 ноября 1922 года интервью В. И. Ленина А. Рансому, которое в то время еще не было опубликовано на русском языке. Войков вновь и вновь восхищался мудростью ленинской мысли, его политической зоркостью.

21 декабря Войков принял корреспондента газеты «Эхо Варшавске» и вручил ему текст ответов на все вопросы. На следующий день они были опубликованы на видном месте с редакционными комментариями. Особое внимание обращалось на заявление полномочного представителя СССР о перспективах улучшения советско-польских отношений.

П. Л. Войков старался устранить препятствия, мешавшие улучшению отношений между Польшей и СССР. Он знакомился с жизнью польского народа, изучал историю его борьбы за национальное освобождение, деятельность правительства и политических партий.

Реакционная польская буржуазия враждебно относилась к Советскому государству.

Опираясь на поддержку империалистических кругов западных держав, она шла на обострение отношений с Советским Союзом. Нередко даже официальные деятели польского правительства допускали открыто враждебные и безответственные выступления. Так, 2 января 1925 года газета «Речь Посполита» опубликовала интервью министра иностранных дел Скшиньского, в котором он, касаясь ряда международных вопросов, обвинил Советский Союз в подготовке каких-то «заговоров» на Балканах и в Прибалтийских странах.

Последствия враждебной политики буржуазного польского правительства против СССР были весьма опасными.

В ночь с 4 на 5 января одна из воинских частей польской регулярной армии вторглась на советскую территорию, напала на пограничную комендатуру и заставу вблизи Ямполья, Волынской губернии. Нарушения советской границы происходили и в других местах. Эти провокационные действия вызвали решительный протест правительства СССР.

ВСТРЕЧИ С МИНИСТРОМ

Петр Лазаревич Войков неоднократно встречался с министром иностранных дел Польши А. Скшиньским. Высокий и стройный, с черными усами, похожий на офицера гренадерского полка, он был на редкость себялюбивым человеком. Беседуя о политике, литературе, даже охоте, он не забывал намекнуть на важную роль своей собственной персоны и своих могущественных покровителей. Министр любил рассказывать о своем знакомстве с Остином Чемберленом. Скшиньский был типичным буржуазным дипломатом. Он избегал прямых путей, словно бывалый охотник, пытался осторожно обходить опасные места. Не нападая открыто, выжидал удобный момент, чтобы расставить ловушки. Но, если его постигала неудача, он стремился сделать вид, что ничего не произошло, был приторно любезен. Не желая отвечать на поставленный ему острый вопрос, задумывался, потом, как бы очнувшись, предлагал закурить. Постукивая пальцем по сигарете, долго сбивал с нее пепел. В таких случаях, если министр и отве-

чал на вопрос, то отнюдь не беспокоился о ясности своей мысли. Иногда он приглашал к себе Войкова, любезно сообщал ему об удовлетворении какой-нибудь незначительной просьбы полпредства, а затем вдруг неожиданно предлагал обсудить вопрос государственного значения. Это была его тактика. Действуя таким образом, он, вероятно, рассчитывал, что его собеседник растеряется, сделает необдуманый шаг.

Проводя антисоветский внешнеполитический курс, угодный империалистическим державам, Скшиньский стремился сколотить направленный против СССР блок Прибалтийских стран. Английские и американские империалисты рассматривали проект этого блока как орудие своей политики. Советская дипломатия стремилась помешать осуществлению этих планов, заключить с каждым из соседних государств договоры о дружбе и ненападении.

12 января 1925 года П. Л. Войков посетил Скшиньского и сообщил ему мнение Советского правительства о возможности заключения соглашения между СССР и Польшей на основе ненападения и взаимного обязательства не вступать ни в какие комбинации, враждебные одной из договаривающихся сторон. К этому он добавил, что «соглашение мыслится не в форме декларации, а в форме разработки общего принципа в приложении ко всем вопросам, являющимся так или иначе необходимыми для практического решения». Войков подчеркнул, что принятие этого предложения могло бы явиться пово-

ротным пунктом во взаимоотношениях двух государств. Министр пытался уклониться от переговоров о пакте, ответив, что, по его мнению, было бы полезно начать урегулирование не с общего принципа, а с решения отдельных вопросов, например с торговых. Войков снова пояснил, что подписание советско-польского договора о ненападении в том виде, как мыслит правительство СССР, облегчило бы рассмотрение на основе взаимности и всех других вопросов. Наконец Скшиньский сказал, что он хотел бы обдумать это предложение и продолжить беседу после своего возвращения из поездки на конференцию министров иностранных дел Латвии, Польши, Финляндии и Эстонии в Гельсингфорс.

Советское правительство обратилось также к Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии с предложением заключить с каждой из них договор о ненападении. Под нажимом империалистических сил правительства Латвии, Эстонии, Финляндии дали неопределенный ответ.

Гельсингфорсская конференция проходила 16—17 января 1925 года. Скшиньский старался склонить ее участников к организации под гегемонией Польши блока стран, направленного против СССР. Но эти планы ему не удалось осуществить. Помешали серьезные противоречия между Польшей и Прибалтийскими странами, в первую очередь спор Литвы и Польши из-за Вильно и боязнь установления гегемонии Польши в этом районе Европы.

Министр был очень расстроен своей неудачной миссией в Гельсингфорсе. Несколько дней он не принимал дипломатических представителей иностранных государств. Избегал встречи и с Войковым. Вскоре Скшиньский предпринял новый маневр.

28 января в беседе с Войковым он высказал пожелание заключить торговый договор между Польшей и СССР. Однако поскольку переговоры об этом договоре, заметил министр, были прерваны по вине советской стороны, то было бы желательно, чтобы она первой и проявила инициативу по их возобновлению. Войков ответил, что не припоминает такого случая, чтобы переговоры, в которых он принимал участие, были прерваны по вине советской стороны. Тогда Скшиньский заявил, что он не настаивает на своем предложении. Записав что-то на листе бумаги, министр вдруг спросил, согласится ли правительство СССР начать переговоры о заключении политического соглашения на основе ненападения не с одной Польшей, как оно предлагало, а с несколькими странами одновременно: с Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией, Финляндией, Румынией. Скшиньский пытался снова противопоставить СССР блок Прибалтийских стран и Румынии.

13 февраля 1925 года Войков сообщил Скшиньскому, что предложение заключить соглашение о ненападении между СССР, с одной стороны, и Польшей, Латвией, Литвой, Финляндией и Румынией, с другой, является неприемлемым. Правительство СССР, заявил он, предлагает продолжить переговоры

о заключении политического соглашения между СССР и Польшей. Министр, казалось, был удовлетворен этим сообщением. Он ответил, что сам стремится к такому соглашению и желал бы поэтому конкретно представить себе содержание того, что «можно выразить принципом ненападения (non aggression) и абсолютного нейтралитета». Министр сообщил, что он поручил польскому посланнику в Москве еще раз встретиться с Чичериным и постараться точнее уловить его мысль о политическом соглашении между СССР и Польшей. Поскольку, однако, советско-польская граница, добавил он, имеет большую протяженность, можно было бы распространить принцип будущего соглашения на Балтийские страны и на Румынию.

Переговоры о заключении советско-польского политического соглашения на основе ненападения, начавшиеся одновременно в Москве и в Варшаве, проходили с большими трудностями. Правительство СССР, желая установления прочного мира в Восточной Европе, предложило польскому правительству подписать политический договор между СССР и Польшей на основе ненападения, неучастия в комбинациях, направленных против другой стороны, и соблюдения нейтралитета в случае войны с третьей стороной. Подписание же договора только о ненападении друг на друга не достигло бы цели, поскольку оба государства уже взяли на себя такие обязательства по Рижскому договору.

Несмотря на различие точек зрения правительств СССР и Польши во время проходивших переговоров, Народный комиссариат иностранных дел СССР направил польской миссии памятную записку от 9 марта 1925 года, в которой снова выражалось стремление добиться по всем стоящим на очереди вопросам разумного и приемлемого для обеих сторон соглашения.

Польская реакция сознательно шла на обострение отношений между СССР и Польшей.

Анализируя советско-польские отношения того периода, Г. В. Чичерин заявил в своей речи на III съезде Советов СССР, что в Польше имеются два основных течения. С одной стороны, есть «в Польше чрезвычайно сильные элементы, чрезвычайно сильное стремление в пользу прочного соглашения с нами. С другой стороны, имеются и воинственные элементы, имеется стремление, так сказать, разбрасываться, расширять свое могущество, — союз с Румынией, стремление расширить свои восточные связи, вплоть до Персии и, наконец, та балтийская политика Польши, о которой здесь уже говорилось и которая выразилась в Гельсингфорсской конференции и в Рижской конференции генеральных штабов»*.

Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность этого вывода. В польской печати появлялись статьи с грубыми выпа-

* «Документы внешней политики СССР», т. VIII. М., 1963, стр. 292.

дами против полномочного представительства СССР. Вооруженные отряды польской пограничной охраны неоднократно вторгались на советскую территорию. Переговоры о нормализации отношений затягивались.

П. А. Войков настойчиво добивался улучшения отношений между обеими странами. Он неоднократно обращал внимание польского правительства на враждебные выступления в печати, провокационные выходки белогвардейцев и прочих реакционных элементов.

Так, в феврале 1925 года, во время одной из встреч со Скшиньским, Войков заявил ему:

— Господин министр, я хотел бы рассказать вам об одном прискорбном случае, который меня крайне взволновал. Речь идет о провокации со стороны людей, выступающих против развития дружественных отношений между нашими странами,— продолжал Войков.— Недавно какой-то неизвестный человек, назвавший себя служащим генерального штаба польской армии, явился в консульский отдел полномочного представительства СССР и попросил срочного свидания со мной. Его принял консульский работник. Неизвестный, вынув из портфеля пачку каких-то бумаг, сообщил, что это очень важные секретные документы, которые он хотел бы передать полномочному представителю СССР за вознаграждение. Случайно или преднамеренно, скорее последнее, он небрежно переложил револьвер из левого кармана пиджака в правый. К сожалению, это не первый случай провокационных дейст-

вий. Вы, наверное, помните, что еще в октябре 1921 года полпред СССР Карахан направил министру иностранных дел Польши Скирмунту ноту протеста против провокации, предпринятой агентом второго отдела генерального штаба полковником Лесьнобродским. Он несколько раз являлся в полномочное представительство СССР и каждый раз вынимал какие-то «документы» о польском «шпионаже» в Германии и предлагал их продать. Лишь после протеста советского полпреда и шума, поднятого в печати, Лесьнобродский был уволен из армии.

Поскольку случаи столь грубой провокации против полномочного представительства СССР были и раньше, я прошу вас, господин министр, обратить на это серьезное внимание.

— Господин посланник! Выражаю свое глубокое сожаление,— ответил министр.— Надеюсь, что этого больше не повторится.

— Не могу не сказать и о следующем,— заявил Войков.— Вот уже несколько месяцев я вижу у подъезда полпредства СССР, временно находящегося в «Римском отеле», двух молодых людей в форме швейцаров. Они сидят на крыльце, можно сказать у самого моего порога. Не скажу, что эти швейцары допускают грубости, напротив, они очень любезны, всегда открывают мне дверь, приветливо здороваются со мной, с моей женой и сыном. Недавно на вопрос, что угодно им здесь, на территории полномочного представительства СССР, они от-

ветили, что их поставил начальник полиции и приказал дежурить ежедневно с 8 часов утра до 2 часов ночи.

Министр развел руками, всем своим видом выражая крайнее удивление.

— Не вмешиваясь в дела начальника полиции,— продолжал Войков,— который, возможно, в этом случае действовал на свой риск, я хотел бы просить вас, господин министр, принять во внимание просьбу полномочного представительства СССР, уже изложенную вам раньше, что оно не нуждается в услугах швейцаров.

— Да, господин посланник, допускаю, что начальник полиции действовал самовольно. Я выясню это и приму надлежащие меры.

На следующий день дежурство «швейцаров» прекратилось. Но вскоре они появились на скамейке у кафе, находившегося неподалеку от подъезда полномочного представительства СССР.

8 мая 1925 года после решительного протеста Войкова польские власти вынуждены были конфисковать номер газеты «Курьер червонный» со статьей, содержащей грубые антисоветские выпады.

Министр иностранных дел Скшиньский любил различные шумные эффекты. В этот день по улицам и аллеям города бегали полицейские, останавливали недоумевающих прохожих и отбирали у них газету. Скшиньский сообщил Войкову, что польское правительство, конфисковав «Курьер червонный», будет пресекать враждебные выступления печати против Советского Союза.

П. Л. Войков заявил, что принимает это сообщение к сведению. Затем он спросил Скшиньского, известно ли министру о пребывании в Варшаве «делегации» бывшего великого князя Кирилла Кирилловича Романова, провозгласившего себя «российским императором»?

— Меня интересует,— продолжал он,— не прием, который был оказан этой «делегацией», состоящей из монархистов, а содержание ее переговоров во II отделе генерального штаба польской армии.

— Да, да. Такая делегация приезжала. Но вы, господин посланник, можете быть покойны. Я знаю, что начальник генерального штаба Сикорский, встречи с которым добивалась делегация, не принял ее.

— Признаться, я был бы более спокоен, если бы эта, с позволения сказать, «делегация», не была принята и ответственными должностными лицами II отдела генерального штаба.

28 августа 1925 года Войков просматривал газету «Речь Посполита». Снова атака на него! В заметке, опубликованной на видном месте, говорилось, будто полномочный представитель СССР в Польше П. Л. Войков отзывается в Москву, поскольку-де правительство СССР и Коминтерн недовольны его работой в Польше. Такое сообщение появилось и в других газетах.

Министр иностранных дел Скшиньский, встретившись с Петром Лазаревичем, лицемерно выразил сожаление, что его коллега,

с которым ему было приятно работать, должен так внезапно покинуть Варшаву.

— Не торопитесь, господин министр, выражать сожаление,— ответил Войков.— Думаю, что мне удастся установить истоки этой «информации».

И Петр Лазаревич вскоре выяснил, что «сообщение» в печати было инспирировано самим министром. Стремясь подорвать деловые связи полномочного представителя СССР с польскими промышленными кругами, заинтересованными в развитии торговых отношений между СССР и Польшей, Сквишинский распространял слухи о неожиданном отзыве Войкова в Москву.

ВИЗИТ Г. В. ЧИЧЕРИНА

В те годы в Польше разразился экономический кризис, который охватил все отрасли промышленности и сельского хозяйства. Резко сократились запасы иностранной валюты Польского банка. Правительство В. Грабского, пытаясь найти выход из тяжелого положения, вступило в секретные переговоры с американской компанией Моргана. Переговоры завершились подписанием соглашения о предоставлении Польше займа в сумме 40 миллионов долларов. Польское правительство обязалось гарантировать этот заем доходами от своих железных дорог.

В июле 1925 года А. Сквишинский отправился в США. В Вашингтоне он подписал соглашение о предоставлении Польше нового займа на сумму 10 миллионов долларов сроком на один год. Получение иностранных займов на кабальных условиях еще более затруднило экономическое положение страны.

Серьезно обострились германо-польские отношения. Правительство Германии, опира-

ясь на поддержку США, предложило заключить западноевропейский «гарантийный пакт», в соответствии с которым оно было готово дать обязательство сохранить неприкосновенность своих западных границ. Гарантии сохранения восточных границ правящие круги Германии не давали. Они не скрывали, что первым платежом за их согласие сохранить *status quo* на западных границах должно явиться изменение восточных, польско-германских границ, и в первую очередь — в зоне нижнего течения Вислы и в районе «Свободного Города Гданьска». Польское правительство ввело новые таможенные тарифы, направленные на ограничение ввоза германских товаров в Польшу. Началась так называемая германо-польская таможенная война, в которой Польша потерпела поражение. Сокращение польского экспорта привело к накоплению огромных запасов угля, поскольку Германия отказывалась его покупать. Диктуя свои условия, она вывозила из Польши различные виды стратегического сырья. Польские предприятия, продукция которых не находила сбыта на внешних рынках, закрывались или сокращали свое производство. Катастрофически росла безработица. Развернулась и усилилась борьба трудящихся за свои права, за 8-часовой рабочий день.

Польское правительство под давлением общественного мнения решилось сделать какие-то шаги в сторону нормализации советско-польских политических и экономических отношений.

В переписке с Г. В. Чичериным, начавшейся еще в августе 1924 года, А. Скшиньский высказал желание рассмотреть различные вопросы на совещании руководителей внешней политики СССР и Польши. Чичерин согласился встретиться с министром и начать переговоры на широкой политической основе, если предложение о встрече будет сделано польской стороной официально. Но такого предложения тогда не последовало.

К осени 1925 года Польша оказалась в сильной политической и особенно экономической изоляции. Большую тревогу в стране вызывала политика английского правительства. Оно открыто шло на сближение с Германией и поддерживало устремления ее реваншистских сил на Восток. В этой обстановке польские правящие круги были вынуждены лавировать.

13 сентября 1925 года Петр Лазаревич получил от Чичерина телеграмму, в которой сообщалось, что временный поверенный в делах Польши А. Зелезиньский в беседе с ним спросил, не поедет ли народный комиссар на лечение в Германию через Варшаву. Войкову поручалось выяснить, сможет ли Скшиньский, находящийся в Женеве, приехать для встречи с Чичериным в Варшаву. Вскоре Войков сообщил, что министр готов возвратиться в столицу специально для встречи высокого гостя.

Еще до приезда Чичерина в столицу Польской Республики Войков провел несколько беспокойных дней на работе. Он составлял план пребывания народного комиссара в

Варшаве, согласовывал его с министерством иностранных дел, обдумывал вопросы, которые могли возникнуть в беседах с государственными деятелями и на пресс-конференции для польских журналистов, составлял справки по различным вопросам советско-польских отношений. И, наконец, еще раз просмотрел текст Рижского мирного договора и отметил в нем те статьи, которые, по его мнению, могли бы заинтересовать стороны при переговорах.

Интерес к визиту народного комиссара иностранных дел СССР в Польшу был настолько велик, что полномочное представительство СССР несколько дней находилось, можно сказать, в осаде. Сотрудников полпредства СССР атаковали дипломаты различных стран, иностранные журналисты.

Опубликовав официальное сообщение о предстоящем визите, польское правительство подчеркивало его большое политическое значение. В печати появились сообщения, содержавшие намеки на возможность получения от великого восточного соседа «заманчивых предложений», которые будут срочно и внимательно изучены. Недаром же, мол, путь в Германию был избран через Варшаву! Польское правительство устраивало своего рода политическую демонстрацию перед Англией и Германией.

27 сентября 1925 года Г. В. Чичерин прибыл в Варшаву. Его встречали министр иностранных дел Скшиньский, члены дипломатического корпуса, журналисты, жители столицы и вся советская колония.

У подъезда полномочного представительства СССР целый день шумела толпа журналистов, стремившихся узнать последние новости.

Вечером Чичерин и Скшиньский обменялись визитами.

28 сентября Г. В. Чичерин устроил пресс-конференцию для польских журналистов, на которой он сделал заявление о состоянии советско-польских отношений. В заявлении говорилось, что дружба между государствами становится прочной и незыблемой тогда, когда она основывается на тесных и глубоких экономических взаимоотношениях, и отмечалось, что некоторые из разделяющих обе стороны моментов постепенно изживаются.

На вопрос о целях советской политики Чичерин ответил:

— Единственная цель нашей политики — мир с другими народами.

Заявление Чичерина и его ответы на вопросы были тепло встречены журналистами и широко освещались в печати.

В министерстве иностранных дел Чичерин и Скшиньский встречались дважды. Говорили по-русски, по-польски и по-французски.

Первая беседа состоялась 28 сентября. Начал хозяин. Он сказал, что при всяких возникающих неприятностях обе стороны «должны соблюдать общую линию примирительности». Затем он замолчал, как бы предоставляя слово гостю. Чичерин заявил, что он хотел бы обсудить три вопроса, ко-

торые, по его мнению, играют большую роль в советско-польских отношениях: о соблюдении дружественной линии в повседневных делах; о программе соглашений между двумя странами, т. е. о разрешении вопросов, вытекающих из Мирного договора; о проблеме взаимоотношений между общими делами и общей политикой, к которой относится и вопрос о связи советско-польских и советско-французских отношений. Чичерин обратил внимание министра на враждебные антисоветские действия: попытки создать блок Прибалтийских государств и на союз Польши с Румынией, предусматривавший координацию их политики — в отношении Советского государства и взаимную военную поддержку в случае войны с Советским Союзом.

А. Скшиньский безуспешно пытался опровергнуть это.

29 сентября состоялась вторая беседа. Скшиньский, затронув вопрос об обязательствах Польши перед Румынией, говорил уже более уклончиво. Видно, что напоминание Чичерина о направленности польско-румынского союза заставило его быть более сдержанным.

— На будущих переговорах, — сказал министр, — надо найти компромисс, чтобы вопрос об этом договоре «не мешал всей нашей политике».

А. Скшиньский пытался изобразить удивление по поводу интереса, который, по его словам, проявляет правительство СССР к

«столь миниатюрным государствам». На это Чичерин заметил, что в случае войны Англии против СССР территория этих государств могла бы явиться плацдармом для десанта некоторых держав.

В заключение Чичерин сказал Скшиньскому, что заключение Локарнских соглашений с Германией и Францией может иметь тяжелые последствия для Польши.

В беседах были затронуты и другие вопросы, в частности о выполнении Рижского договора. Скшиньский уклонялся от принятия конкретных решений, заявив, что в течение ближайших месяцев он хотел бы совершить поездку в Москву, где беседы могут быть продолжены. Однако министр пообещал дать ход переговорам о заключении торгового договора между СССР и Польшей.

Вечером Чичерин был на приеме, который дал в его честь Скшиньский. Окруженный дипломатами разных стран, Чичерин спокойно отвечал на многочисленные вопросы о советско-польских отношениях, о внешней политике правительства СССР. Журналисты, следившие за каждым его шагом, в своих телеграммах отмечали, что гость отбивал одну атаку за другой на английском, французском, итальянском, немецком языках, а когда к нему подошел поверенный в делах Греции Метаксас и приветствовал его по-французски, Чичерин, к удивлению всех, ответил по-гречески.

Вечером Чичерин пригласил Войкова к себе.

— Итак, Петр Лазаревич,— сказал он,— визит окончен. А теперь... Что же я хотел сказать вам? Да, вот. Жалуются на вас в Москве. Выдаете визы польским гражданам без разрешения центра. Это серьезное нарушение, с которым нельзя мириться. Да, нарушение.

— Были такие обстоятельства...

— Что было, то было,— ответил Чичерин спокойно,— дадите письменное объяснение.

Петр Лазаревич покраснел и вытер лоб платком.

Г. В. Чичерин это заметил. Спрятав записную книжку в карман жилета, он неожиданно спросил Войкова:

— Не астраханский ли арбуз лежит у вас на балконе?

Эти слова, сказанные дружеским тоном, немного подняли настроение Петра Лазаревича, но замечание Чичерина не выходило из головы.

— Астраханский,— ответил он,— отец прислал.

— А сынишка не дерется с польскими панями?

— С панями нет, а со своими бывает.

В 9 часов вечера Чичерин выехал в Берлин.

П. Л. Войков сопровождал народного комиссара иностранных дел во время его официальных визитов, присутствовал на правительственных приемах, беседах, информировал правительство СССР, принимал участие

в беседе Чичерина с сотрудниками полномочного представительства.

Пребывание народного комиссара иностранных дел СССР в Варшаве вызвало большой интерес среди широких кругов польской общественности.

П. Л. Войков, наблюдавший жизнь польской столицы в эти дни, писал, что прием, оказанный Чичерину по своей торжественности, по тому особому настроению, которое было у всего польского общества, превосходил все ожидания.

Визит Чичерина широко освещался и в советской печати. Газета «Известия» 30 сентября опубликовала передовую статью под заголовком «Реальная политика сближения», в которой говорилось, что поездка Чичерина через Варшаву и те беседы, которые он имел с государственными деятелями Польши, явились естественным проявлением неизменной мирной политики СССР.

Многие польские газеты выступили со статьями, в которых высказывались за улучшение отношений между Польшей и СССР.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

11 октября 1925 года П. Л. Войков с женой и сыном приехал в отпуск в Москву. Но через несколько дней народный комиссар предложил ему немедленно возвратиться в Варшаву.

В Польше назревали крупные события. Экономический кризис вызвал резкое обострение классовой борьбы. Сложным было и внешнеполитическое положение страны. Приняв участие в работе Локарнской конференции, польское правительство подписало два политических соглашения. Первое, заключенное с Германией, предусматривало арбитраж для урегулирования конфликтов, но не содержало гарантий неприкосновенности польско-германской границы. Второе соглашение было подписано между Францией и Польшей. Оно предусматривало помощь и поддержку в случае невызванного нападения Германии на одну из договаривающихся сторон. Но и это соглашение не имело реального значения для Польши, поскольку Англия, США, Франция потворствовали возрождению милитаризма и реваншизма в Германии, стремились направить ее агрессивные

устремления на Восток. С подписанием Локарнских соглашений международное положение Польши резко ухудшилось. Используя свое влияние на правящие буржуазно-помещичьи круги этой страны, империалисты толкали ее в сторону установления режима военной диктатуры. В этой обстановке польская военщина готовилась к открытому выступлению, выдвигая на передний план в качестве своего руководителя Юзефа Пилсудского.

Сын помещика Виленской губернии Российской империи, Пилсудский был ярким реакционером и шовинистом, злейшим врагом польского и советского народов. В годы первой мировой войны он, получив от австрийского императора Франца-Иосифа чин генерала, командовал польскими военными частями, сражавшимися на стороне Германии. В ноябре 1918 года был назначен регентским советом временным начальником — диктатором польского буржуазного государства. На этом посту он оставался до конца 1922 года. Беспощадно расправляясь с революционным движением в своей стране, Пилсудский мечтал задушить коммунизм в колыбели. Еще в 1919 году он заявил английскому послу, что нападение на большевиков в любое время и в любом месте всегда было его политикой. Пилсудский был организатором антисоветского похода в 1920 году. Ему принадлежала идея создания во главе с Польшей союза между всеми пограничными с Советской Россией государствами для «борьбы против большевизма».

Хорошо зная политическую обстановку в Польше, Войков в своих письмах в Народный комиссариат иностранных дел СССР не раз высказывал мнение о неизбежности отставки правительства Грабского и прихода Пилсудского к власти в ближайшее время.

13 ноября 1925 года правительство Грабского подало в отставку. Пилсудский формально еще не взял власть в свои руки, но готовился к этому. 20 ноября было создано новое правительство во главе с бывшим министром иностранных дел А. Сквинымским. Пытаясь осуществить равновесие между основными политическими группировками буржуазии и помещиков, он заигрывал со сторонниками партии национал-демократов, ориентировавшихся на Францию, и со сторонниками Пилсудского, делавшими ставку в основном на Англию. Польская буржуазия, не видевшая и в новом правительстве «сильной власти», способной подавить революционное движение в стране, искала выхода. Используя слабость правительства, сторонники Пилсудского развернули в печати крикливую пропаганду за установление более тесных военных, политических и экономических связей между Польшей и Англией.

В этой сложной обстановке правительство СССР продолжало поиски новых путей к установлению добрососедских отношений и подписанию договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Польшей.

В 1925—1926 годах была достигнута договоренность о создании польско-советской Торговой палаты. Готовясь к ее открытию,

Петр Лазаревич посетил ряд польских предприятий, беседовал с представителями деловых кругов, изучал вопрос о возможности заключения торгового соглашения. 31 января 1926 года на торжественном открытии Торговой палаты Войков выступил с речью. «Я счастлив,— заявил он,— возможности засвидетельствовать в этом высоком собрании, что открывающаяся Торговая палата есть действительное доказательство нашего мирного сожительства и есть залог настоящей и грядущей экономической работы двух народов».

Однако польское правительство не проявляло желания поддержать миролюбивые шаги Советского Союза.

В феврале 1926 года посланник Кентшинский сообщил Чичерину, что он еще не имеет подробных инструкций своего правительства по поводу переговоров о подписании политического договора с Советским Союзом. Их, по его словам, привезет в Москву заведующий восточным отделом министерства иностранных дел С. Яниковский. Посланник вновь высказался за соглашение между Советским Союзом и блоком пограничных с ним стран под эгидой Польши.

Г. В. Чичерин ответил, что предложение польского правительства о создании польско-балтийской коалиции неприемлемо для СССР. Чичерин также заметил, что Пилсудский, который завтра может стать у власти, судя по всему, не перестал думать о борьбе с Советским Союзом.

23 февраля 1926 года вице-министр иностранных дел К. Моравский-Держжикрай в беседе с Войковым заявил, что Польша в настоящее время не подпишет политический договор с СССР без участия в нем Прибалтийских государств.

— Простите, господин вице-министр, — возразил Войков, — но я должен еще раз спросить вас, почему, говоря об отношениях между нашими странами, вы касаетесь и вопроса об отношениях между другими независимыми государствами? Ведь на это у вас нет полномочий.

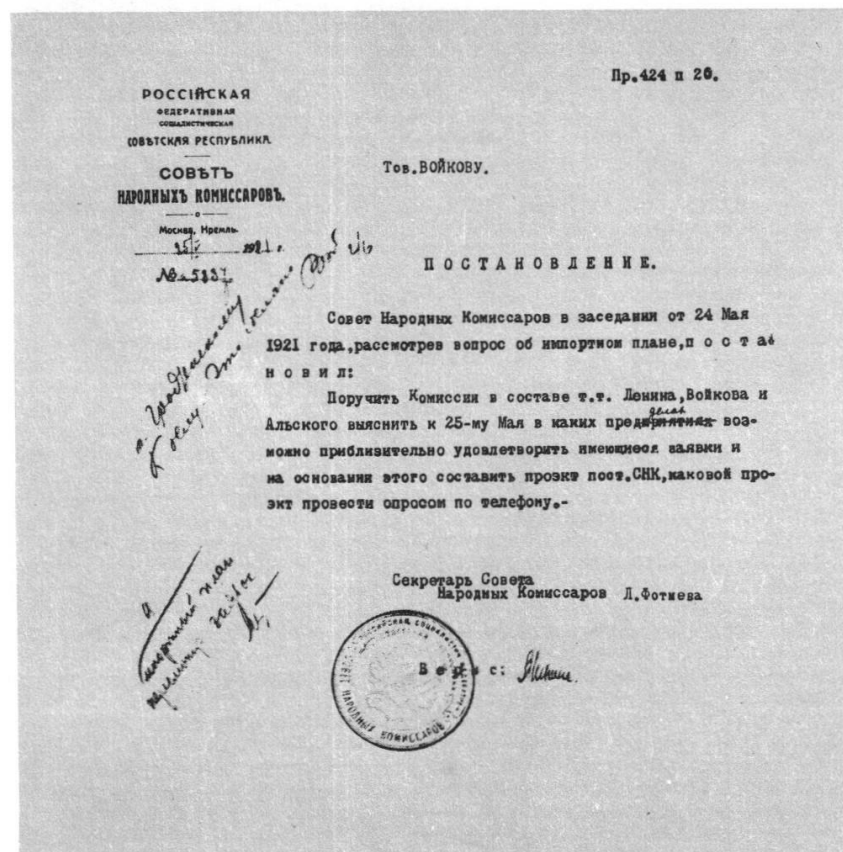
— Польша, — ответил Моравский-Держжикрай, — была бы готова подписать такой договор, который позволит ей занять подобающее место в решении международных дел и, конечно, в первую очередь в районе Восточной Европы.

Немного помолчав, вице-министр вдруг сказал:

— Нам стало известно, что на днях во дворе соседнего с полпредством СССР дома раздалось несколько выстрелов. Полиция провела расследование. Оказалось, что привратник выстрелами пытался разогнать надоедливых ворон. Как это ему в голову пришло!

— Белогвардейцы и монархисты, осевшие в особняке рядом с полномочным представительством, — заявил Войков, — должны получить от властей строгое предупреждение о прекращении провокаций.

— Такое предупреждение уже было дано. Но дом, в котором проживают русские



Выписка из протокола заседания Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 мая 1921 г. с пометой П. Л. Войкова.



Г. В. Чичерин и П. Л. Войков в Варшаве. 1925 г.

эмигранты, если я не ошибаюсь,— сказал Моравский-Дзержикрай,— принадлежит частному владельцу. Это, конечно, до некоторой степени затрудняет принятие мер.

— Странно,— продолжал Войков,— что «привратник» или другой исполнитель чьей-то воли осмелился дать два ружейных выстрела перед самым полицейским участком, который также, как вы знаете, находится по соседству с полномочным представительством.

Вице-министр обещал не оставить этот случай без внимания. Однако белогвардейцы продолжали и днем и ночью вести из окон дома наблюдение за полпредством, забрасывали в его сад бутылки, битые кирпичи.

24 февраля 1926 года Чичерин принял Кентшиньского и Яниковского, прибывших с «новыми» инструкциями. Они повторили прежние предложения о том, что представителям СССР, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии надо бы сесть за круглый стол и договориться о подписании общего договора. Чичерин ответил на это, что правительство СССР не может поставить свои отношения с Прибалтийскими государствами под контроль польского правительства.

До этого в одной из бесед с Кентшиньским член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков сказал ему, что «польское предложение является скрытым предложением протектората над Прибалтийскими странами с конечной целью организации войны против нас.

¹/₂5 Н. Жуковский.

Стремление организовать военный союз против нас, вновь выдвигаемое на первый план польской политикой за последнее время, исключает стремление договориться с нами об урегулировании политических и экономических взаимоотношений между двумя странами» *.

А. Сквинынский маневрировал. В своей совершенно секретной инструкции от 21 февраля 1925 года, направленной польскому посланнику в Бухаресте Ю. Велёвейскому, он писал: «Что же касается, в частности, совместного антисоветского фронта, то, как вам известно, Советское правительство предложило нам заключить пакт о ненападении. Но так как это предложение было ~~неполным~~, т. е. не содержало никаких обязательств по отношению к союзной нам Румынии и балтийским государствам, я отказался от обсуждения проекта...» **.

26 марта 1926 года председатель Совета министров Сквинынский пригласил Войкова к себе домой. Беседовали в полуосвещенном кабинете, у горящего камина. Премьер-министр сказал, что хотел бы сообщить полпреду содержание польско-румынских переговоров о заключении нового договора между двумя странами. Пытаясь скрыть его действительное содержание, Сквинынский ут-

* «Документы внешней политики СССР», т. IX. М., 1964, стр. 290.

** «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV. М., 1966, стр. 375.

верждал, что это будет якобы оборонительный договор, «но целиком вытекающий и основывающийся на Локарнских соглашениях». Войков обещал довести до сведения своего правительства сообщение о польско-румынских переговорах. Он еще не знал, что новый договор между Польшей и Румынией был уже подписан. В него включили враждебные СССР положения польско-румынского союза 1921 года.

Правительство Сквинынского оказалось неспособным найти выход из тяжелого внутреннего положения в стране. 21 апреля 1926 года оно подало в отставку.

10 мая было создано новое правительство во главе с В. Витосом. Имя лидера правой крестьянской партии «Пяст» было связано с открытой агрессивной антисоветской политикой.

Противоречия между политическими партиями в стране делали шатким положение его правительства. Воспользовавшись этим, сторонники маршала Пилсудского начали активно выступать в печати, требуя борьбы с коррупцией, ворами и взяточниками в государственном аппарате, предоставления польскому народу демократических свобод. Эти демагогические выступления привлекали внимание населения. Мелкая буржуазия и часть пролетариата были введены в заблуждение. Продолжая атаковать правительство, Пилсудский опубликовал 10 мая 1926 года в газете «Курьер поранны» заявление, в котором назвал правительство Витоса

«правительством воров, обкрадывающих государство».

Утром 11 мая Пилсудский начал действовать более решительно. Приняв командование войсками, находившимися в Рембертово, он начал вооруженное выступление. К 12 часам его войска заняли правобережную часть Варшавы — Прагу.

Правительство приняло чрезвычайные меры против мятежа. Оно отдало приказ войскам и полиции немедленно занять мосты в столице, быть готовыми к военным действиям. Президент республики Войцеховский встретился с маршалом у переднего края расположения воинских частей, стоявших друг против друга. О состоявшейся при этом беседе подробно сообщалось в польской печати.

«— Господин маршал,— сказал президент, приподнимая шляпу и беря непринужденно маршала Пилсудского за отворот мундира,— я требую, чтобы вы немедленно сложили оружие.

— И не подумаю,— ответил маршал Пилсудский.

— Известны ли вам последствия вашего отказа?

— Да.

Президент немного подумал и сказал:

— Тогда расстанемся»*.

После этого президент пожал маршалу руку и уехал в город, а Пилсудский сел в машину и направился в варшавское предместье.

* Газета «Rzecz Pospolita». № 130, 13 maja 1926.

Ранним утром началась перестрелка. Жители столицы не знали о происходящих событиях. Ходили слухи, что взбунтовались солдаты какого-то полка и правительственные войска усмиряют их.

Когда стрельба в городе несколько утихла, Войков вышел на улицу и отправился в министерство иностранных дел. Не доходя до Маршалковской улицы, он остановился у книжного киоска, купил свежие газеты и бегло их просмотрел. Поскольку улицы, ведущие к министерству, были перекрыты войсками, он повернул в переулок, вышел на набережную Вислы, дождался парома и переехал на другой берег. Вернулся он в полпредство с большим трудом только поздно вечером.

«Полномочное представительство СССР,— писал Войков в НКВД СССР 15 мая,— было отделено от главного почтамта фронтом, на котором сражались, и, чтобы отнести мои телеграммы на почту, каждый раз было необходимо попадать под огонь сначала одного, потом другого противника».

После трехдневных боев на улицах столицы войска Пилсудского захватили Бельведерский дворец, резиденцию президента, и многие правительственные учреждения. Правительство Витоса капитулировало, а президент, захваченный во дворце, подал в отставку. Пилсудский, однако, не решился официально сосредоточить в своих руках всю верховную власть. По его указанию председатель сейма М. Ратай, формально ставший главой государства, сформировал

15 мая новое правительство во главе с профессором К. Бартелем. В состав этого правительства маршал вошел в качестве военного министра.

26 мая П. Л. Войков посетил нового министра иностранных дел А. Залесского и заявил ему, что правительство СССР надеется, что отношения между обеими странами останутся дружественными.

В мае на приеме, устроенном польским правительством, к Войкову, беседовавшему с министром Залесским, подошел Пилсудский. Он спросил о самочувствии Петра Лазаревича, который простудился во время охоты.

— Мне тоже нездоровится,— продолжал маршал,— часто не сплю по ночам, а если и сомкну глаза, вижу кошмарные сны. Беспокоит меня вопрос о наших отношениях.

— Я уверен, господин маршал, что советско-польские отношения будут успешно развиваться в интересах наших народов.

— И я думаю так,— ответил маршал.— Мое правительство будет проводить свою политику самостоятельно. Оно не позволит никому вмешиваться в его дела.

Пилсудчики, опираясь на поддержку правящих кругов Англии, развернули бурную деятельность. В газете «Таймс» от 28 мая 1926 года сообщалось, «что за спиной Пилсудского стояла Англия, финансировавшая его вы-

ступление через английского посла в Варшаве».

31 мая на совместном заседании сейма и сената Пилсудский был избран президентом Польши. Это означало, что совершенный им государственный переворот получил формальное одобрение высшего законодательного органа страны. В тот же день в столице были организованы демонстрации в честь нового президента.

Были и весьма забавные случаи, напоминавшие сцены из комического спектакля. В одной из таких сцен роль шута исполнял генерал Гурецкий. Вытянувшись во фронт у памятника графу Юзефу Понятовскому, он долго стоял перед ним и докладывал:

— Маршал Юзеф Пилсудский поручил мне доложить, что он избран президентом.

Отдав честь, генерал приказал солдатам, стоявшим позади него, следовать дальше.

У могилы Неизвестного солдата Гурецкий снова повторил свой рапорт.

Но вот пронесся слух, что маршал отказался от президентского кресла. Пошел дождь, улицы опустели. Жители столицы не понимали толком, что произошло. Дипломатические представители тщетно добивались разъяснений от министерства иностранных дел, звонили друг другу по телефону и спрашивали, что означает эта «загадка».

Другой близкий человек маршала — генерал Дрешер публично заявил, что он сломает свою шпагу в знак протеста и больше не будет работать с Пилсудским.

Однако маршал вел сложную политиче-

скую игру, вступив в закулисные переговоры с лидерами буржуазных партий.

1 июня президентом Польши был избран старый друг Пилсудского Игнаций Мосьцицкий, владелец завода химических удобрений.

2 июня 1926 года министр Залесский пригласил к себе П. Л. Войкова. Выразив удовлетворение заявлением правительства СССР о его неизменной политике добрососедских отношений, министр сказал, что хотел бы поговорить о политическом договоре. По мнению Залесского, договор должен быть многосторонним, с участием представителей Польши, СССР, Латвии, Литвы и Эстонии.

П. Л. Войков попросил пояснить, не является ли эта точка зрения старой, неприемлемой для СССР концепцией «круглого стола». Залесский замялся и ответил, что был бы готов обсудить любую формулировку, которая привела бы к мирному урегулированию. Он добавил, что не может сделать более конкретного предложения, поскольку не знает, сохранится ли за ним в новом правительстве портфель министра иностранных дел.

П. Л. Войков ежедневно информировал правительство СССР о положении в Польше. Перед ним, человеком большой культуры, говорившим на трех европейских языках, уважавшим здоровые народные традиции и обычаи, всегда державшим себя с достоинством, были открыты двери варшавских салонов, его уважали в деловых кругах. Журналисты, получив от полпреда СССР ка-

кое-нибудь сообщение, обычно не проверяли его, а сразу передавали для опубликования. Войков тщательно готовился к беседам и приемам, обдумывал то, что ему предстояло сказать. Это был напряженный труд. Во время бесед он не уклонялся от обсуждения политических проблем, открыто высказывал свою точку зрения, отстаивал ее, не терялся, если не мог сразу ответить на неожиданно заданный вопрос, прямо говорил об этом собеседнику. Свое обещание ответить позже Войков всегда выполнял.

Работая над докладами правительству СССР о положении в Польше, Петр Лазаревич изучал официальные документы и наиболее важные статьи, опубликованные в печати. Беседы с государственными и общественными деятелями, богатые личные наблюдения позволяли ему хорошо ориентироваться в политических событиях и делать правильные выводы. После государственного переворота Войков высказал в очередном докладе мнение о том, что отказ Пилсудского от президентского поста был весьма хитрым тактическим маневром.

7 июня 1926 года на спектакле в национальном театре появился Пилсудский в маршальской форме. Министр Залесский представил ему членов дипломатического корпуса. П. Л. Войкова маршал приветствовал на русском языке. Этим он хотел подчеркнуть внимание к полномочному представителю СССР. Стоявший рядом Залесский дружески взял Войкова под руку, отвел его в сторону и доверительно сообщил о своем желании

устроить ему встречу с Пилсудским у себя на квартире. В неофициальной обстановке, сказал он, за чашкой кофе можно было бы обменяться мнениями по различным вопросам советско-польских отношений. Естественно, добавил министр, никакого сообщения об этом свидании в польской печати не появится.

П. Л. Войков поблагодарил за предложение и ответил, что готов встретиться с маршалом.

Зная, насколько диктатор коварен, неискренен и лицемерен, Войков, готовясь к встрече с ним, еще и еще раз просматривал нотную переписку двух правительств, записи своих бесед с бывшими польскими премьер-министрами и министрами иностранных дел.

12 июля 1926 года около 8 часов вечера Войков поднимался по лестнице небольшого особняка. Его встретил офицер и учтиво отдал честь.

На пороге показался министр Залесский. Он проводил гостя в кабинет, заставленный высокими шкафами с книгами. В глубине комнаты в кресле сидел Пилсудский.

— Я был бы рад, — сказал маршал, поднимаясь навстречу гостю, — принять вас, господин посланник, у себя на квартире, но обстоятельства, к сожалению, не позволяют мне сделать это.

Беседа продолжалась свыше трех часов. Говорил больше Пилсудский. Вспоминая

прошедшие годы, он подробно рассказывал о своей жизни, часто поворачивая голову в сторону Залесского и по-приятельски спрашивая его:

— Август, верно ли я говорю?

— Конечно, конечно, пан маршал, — подтверждал министр.

Иногда Залесский, не дожидаясь обращения маршала, осторожно подбрасывал ему комплименты.

Ю. Пилсудский сказал, что свой приход к власти он рассматривает не как государственный переворот, а как «небольшую пертурбацию». Это может, конечно, вызвать некоторое беспокойство в Кремле, поскольку он уже воевал с Россией, но теперь совсем другое время: он не собирается воевать и готов об этом торжественно заявить на весь мир.

Маршал сказал далее, что не намерен рисковать своим именем, которое рано или поздно должен будет передать потомству. Вновь оседлав «любимого конька», он более двух часов восхвалял себя как государственного деятеля и полководца, оказавшего большие услуги своему отечеству.

— Я все время старался дать понять государственным деятелям в Кремле, — продолжал Пилсудский, — что мой приход к власти не означает начало новой войны между Польшей и Россией.

И как бы вспомнив наконец цель встречи с полпредом СССР, Пилсудский снова начал говорить о своем миролюбии, о желании жить в мире с Россией.

Дождавшись минуты, когда маршал умолк и поднял бокал, Войков спросил:

— А почему бы, господин маршал, эти мысли о миролюбии, столь ясно и откровенно высказанные вашим превосходительством, не записать в договоре?

Пилсудский ответил не сразу. Такого поворота беседы он не ожидал. Помолчав, закинул ногу на ногу и забарабанил пальцами по столу.

— Естественно,— сказал маршал,— я не могу сию же минуту начать переговоры о практическом претворении своих мыслей. Это дело министра иностранных дел.

— Пусть он,— продолжал Пилсудский, кивнув в сторону министра,— расставляет шахматы и начинает игру.

Пытаясь попасть в тон маршалу, Залесский сказал, что он готов начать переговоры о заключении политического договора, может даже набросать его проект и передать полпреду СССР.

— Да, господин Войков,— сказал Пилсудский, наливая в бокалы вино,— много пришлось мне испытать на этом свете. И все же раньше как-то было легче решать государственные проблемы. Вспоминаю 1918 год. Возвратившись из Магдебурга в Варшаву, я встретился с трудностями при формировании польского правительства. Долгие переговоры ни к чему не привели. Многие дрались за министерские портфели. Это я вам говорю правду. Что делать? Подумав, я велел позвать к себе капитана саперов Морачевского. Он явился. Я приказал ему стать

во фронт. «Послушайте, капитан,— сказал я ему,— назначаю вас премьер-министром и предлагаю представить мне список министров кабинета на утверждение». И что вы думаете? Представил. А когда в январе 1919 года я приказал ему передать всю власть в руки другого человека — Падеревского, он выполнил и это приказание. Просто приятно вспомнить... Ну об этом я уже рассказывал своим друзьям. Помните, Август?

Прощаясь с Войковым, Пилсудский напомнил Залесскому:

— Пора начинать переговоры, Август.

Прошло более месяца после этой беседы. Министр не представил обещанного проекта. Войков и не ждал этого, поскольку у него не было оснований принимать всерьез ни обещания Залесского, ни заверения Пилсудского о своем миролюбии.

24 августа Войков посетил Залесского и вручил ему советский проект договора о ненападении между СССР и Польшей. Министр, как видно, не ожидал этого. Он бегло просмотрел проект, поблагодарил, извинился, что не смог выполнить своего обещания, и сказал, что даст ответ после возвращения из Женевы.

28 августа газета «Известия» опубликовала официальное сообщение о вручении этого проекта. В сообщении говорилось, что правительство СССР выразило пожелание, чтобы договор о ненападении, о взаимном воздержании от любых агрессивных действий и об обязательстве каждой стороны соблюдать нейтралитет был подписан в Москве во

время предполагавшегося визита польского министра иностранных дел Залесского. Однако этот визит не состоялся.

2 августа 1926 года сейм принял решение о частичном изменении конституции. Права законодательных органов ограничивались, власть президента усиливалась. Президент получил право издавать «в случае неотложной необходимости» указы, имеющие силу закона.

Великобритания и Польша продолжали склонять Прибалтийские государства к отказу от принятия советских предложений о заключении с ними двусторонних договоров о ненападении по типу советско-германского договора, подписанного 24 апреля 1926 года.

Прибалтийские страны занимали отрицательную позицию и по отношению к предложению Польши об общем гарантийном договоре под ее эгидой. Правительству СССР удалось ускорить заключение с Литвой договора о взаимном ненападении и нейтралитете, который был подписан в Москве 28 сентября 1926 года. Империалистические державы были возмущены «дерзостью» Литвы. Англия закрыла ей кредиты, а Польша подняла на конференции послов вопрос о Вильно.

Утром 30 сентября чиновник министерства иностранных дел Литауэр позвонил Войкову и сообщил, что вице-министр иностранных дел Кноль приглашает его к себе по очень срочному делу.

Петр Лазаревич знал, что Роман Кноль, находясь незадолго до этого на посту посланника Польши в Турции, занимался враждебной деятельностью против Грузии и других советских закавказских республик.

В 12 часов дня Войков приехал в министерство. Вице-министр весьма сдержанно поздоровался и спросил, не имеет ли господин посланник сообщить ему что-нибудь по поводу подписания договора между СССР и Литвой.

Петр Лазаревич не имел такого поручения и ответил, что хотел бы выяснить вопросы, интересующие или беспокоящие господина вице-министра. Кноль спросил, известно ли посланнику содержание договора и нот, которыми обменялись народный комиссар иностранных дел СССР и литовский министр иностранных дел при подписании договора. Войков ответил, что ему известно содержание договора и нот и он, если это необходимо, может пересказать их. Войков обещал довести до сведения своего правительства заявление, которое будет ему сделано.

— Значит, господин посланник, вы не имеете специального поручения своего правительства дать объяснение по вопросу о заключении договора между СССР и Литвой?

Петр Лазаревич, как бы не замечая раздражения своего собеседника, пояснил, что содержание договора между СССР и Литвой вряд ли нуждается в подробном изложении, поскольку оно по своему политическому направлению почти одинаково с содержанием советского проекта договора между СССР

и Польшей, врученного министру иностранных дел Залесскому.

— А что вы скажете по поводу ноты господина Чичерина, в которой говорится о Вильно? — спросил Кноль.

— В этой ноте излагается точка зрения правительства СССР по вопросу о суверенитете Литвы как независимого государства, — ответил Войков.

Вице-министр начал говорить о том, что в договоре между СССР и Литвой упоминается о их прежних обязательствах. Но этого нет в проекте советско-польского договора.

Петр Лазаревич разъяснил, что вопрос о том, что именно следует включить в договор, решают договаривающиеся стороны. Это, видимо, задело вице-министра. Он повысил тон и заявил, что нельзя оспаривать заинтересованность Польши в договоре между СССР и Литвой. Раскрыв книгу, Кноль указал пальцем на статью III Рижского договора и хотел было ее прочесть.

— Не беспокойтесь, — сказал Войков, — я помню эту статью наизусть. В ней, между прочим, говорится, что вопрос о принадлежности упомянутых вами земель должны были решить сами Польша и Литва. Подписывая в 1920 году Мирный договор с Литвой, мое правительство считало Вильно исконно литовской землей. Именно поэтому все постановления этого договора и сохранили свою силу в новом договоре между СССР и Литвой, содержание которого вас почему-то так взволновало.

Вице-министр снова начал рыться в своих бумагах. Войков продолжал:

— Повторяю, наш договор с Литвой — это договор о неагрессии и нейтралитете. Приблизительно такой же дружественный договор мы предлагали и предлагаем Польше.

Кноль пытался направить беседу в другое русло.

Однако Войков задал ему вопрос:

— Позвольте спросить, почему министерство иностранных дел, получив советский проект договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Польшей, приобщило его к материалам, сданным в архив?

— Этого не может быть, — ответил Кноль.

— Я не сделал бы такого заявления, если бы не прочел об этом в польских газетах. Вот у меня в руках газета «Курьер поранны».

Вице-министр пытался уклониться от прямого ответа. Он сказал, что когда-то предлагал вести переговоры о заключении договора тайно, чтобы в случае неудачи общественное мнение не было разочаровано. Однако правительство СССР не приняло это во внимание и опубликовало официальное сообщение о переговорах.

— Мое правительство, — ответил Войков, — не считало нужным скрывать столь важный вопрос от общественного мнения. И каких-либо заверений о том, чтобы такие переговоры велись в секрете, насколько я помню, с нашей стороны не было дано...

Вице-министру нечего было возразить. Он с большим трудом скрывал свое раздражение. Войков простился и вышел из кабинета.

2 октября президент Мосьцицкий назначил Юзефа Пилсудского председателем Совета министров. Маршал, сформировав правительство, не пожелал представиться сейму. Он сразу же отправился в Несвиж в замок Радзивилла, одного из крупнейших польских помещиков, на секретное совещание финансовых воротил и представителей богатейших семейств: Радзивиллов, Любомирских, Сапег, Потоцких. Под лозунгом «санации», т. е. политического и экономического оздоровления страны, Пилсудский открыто шел к военной диктатуре. Правительство, сейм и президент не могли без его ведома сделать ни одного шага в области внутренней и внешней политики. Маршал подчеркивал решающую роль исполнительной власти, которая, по его мнению, должна была действовать независимо от законодательной. Сохранив за собой пост военного министра, он укреплял свое положение в армии. Смещая с ответственных постов негодных ему генералов и офицеров, Пилсудский бесцеремонно выдвигал на их место своих людей. Он постепенно производил обновление и дипломатического персонала. Учитывая соотношение политических сил, Пилсудский умело маневрировал, не скупился на раздачу «тепленьких» мест, задабривая и тех своих противников, которые имели большое влияние в стране.

Деятельность политических партий должна была подчиняться воле маршала. Только те партии могли существовать, которые принимали его программу. Пытаясь осторожно вести свой корабль, Пилсудский остерегался подводных камней. Стремясь установить диктатуру, он использовал все средства для преследования и подавления демократических сил, и в первую очередь передового отряда польских трудящихся — Коммунистической партии.

К концу 1926 года Пилсудский сосредоточил в своих руках все нити государственного аппарата.

Петр Лазаревич, как всегда по утрам, просматривал служебную почту. Письмо Чичерина, на котором стоял гриф «Весьма срочно», он прочитал дважды. Войкову поручалось подготовить проект ответа на ноту министерства иностранных дел Польши от 23 октября 1926 года, содержащую протест против подписания советско-литовского договора о ненападении и нейтралитете.

П. Л. Войков сидел над проектом ответной ноты до поздней ночи. Вскоре Москва утвердила проект.

19 ноября Петр Лазаревич вручил ответную ноту министру иностранных дел Залескому. В ней говорилось, что правительство СССР обязалось по Рижскому договору признать соглашение, которое состоялось бы между Польшей и Литвой о спорных между ними землях. Однако такого соглашения еще не заключено. В ноте содержалось за-

верение о неизменном желании народов СССР поддерживать дружественные отношения с польским народом.

31 ноября Залесский пригласил к себе Войкова и сообщил ему свое мнение о советском проекте договора между СССР и Польшей, который он получил в августе. Министр сказал, что проект может быть положен в основу переговоров. Однако, по его словам, в нем имеется многое, «о чем следовало бы переговорить и что требовалось бы изменить».

Во время беседы Войков подчеркнул, что улучшение отношений между СССР и Польшей, естественно, не может наступить само по себе, что для этого необходимо приложить много усилий. Он заметил, что политика сменявших друг друга польских правительств зависела от некоторых кругов Англии и Франции, что эти правительства не были свободны в своих действиях и не могли решить вопрос о заключении такого договора.

Петр Лазаревич, желая перейти к решению конкретных вопросов, спросил, как следует, по мнению польского правительства, обсуждать проект договора. Залесский ответил, что можно было бы обсудить его по статьям. Раскрыв папку, министр взял большой конверт и вручил его Войкову.

— Здесь, — сказал Залесский, — памятная записка, в которой излагается мнение министерства иностранных дел о советском проекте договора. Поскольку правительство СССР считает возможным вести переговоры

на основе своего проекта и на основе предложений польской стороны, можно было бы начинать переговоры.

А. Залесский спросил в заключение, как отнесется правительство СССР к назначению на пост посланника в СССР полномочного министра Станислава Патека. Речь идет об одном из самых близких друзей маршала...

П. Л. Войков обещал довести эту просьбу до сведения своего правительства и выразил надежду, что она будет удовлетворена.

14 декабря вице-министр иностранных дел Кноль сообщил Войкову, что Пилсудский хотел бы встретиться с ним в своей резиденции.

Беседу начал Пилсудский. Он говорил три часа, не давая сказать ни одного слова сидевшим рядом с ним Кнолю и Патеку. Впрочем, о политике маршал говорил не более четверти часа: это была его обычная манера.

— Как только министр Залесский возвратится из Женевы, — заявил Пилсудский, — начнутся переговоры о заключении политического договора. Но они будут сопряжены с трудностями, поскольку Польша является членом Лиги наций и имеет перед ней свои обязательства. Я хотел бы сказать, — с пафосом продолжал маршал, — моя база следующая: ни ссоры, ни войны. Именно на этой основе должны развиваться отношения между Польшей и СССР! Искать формулировки и вести переговоры будут они: Патека, Кноль, Залесский.

— Так ли я говорю? — спросил Пилсудский, обратившись к Патеку и Кноллю.

Услышав слова одобрения, маршал развел руками и сказал:

— Как видите, господин посланник, они думают так же, как и я...

Пилсудский, откинувшись на спинку кресла, взял колоду игральных карт со столика, стоявшего рядом с ним, перетасовал их и спросил Войкова, может ли тот раскладывать пасьянс. Петр Лазаревич ответил, что не умеет. Маршал выразил сожаление.

— Это лучший отдых для головы, заполненной государственными делами...

На совещании дипломатических работников полномочного представительства СССР 18 марта 1927 года Войков поставил на обсуждение один вопрос: существует ли в настоящее время прямая угроза военной интервенции Польши в Литву?

Вопрос был сложный. Обстановка становилась все более напряженной.

Депутаты сейма, с которыми Петр Лазаревич поддерживал хорошие деловые отношения, в беседах с ним высказывали разные мнения. Одни говорили, что маршал, умевший запутывать дела так, что никто не мог в них разобраться, тайно готовит нападение. Другие сомневались в этом. Сомневался и Войков. 21 марта он, посоветовавшись с работниками полпредства, послал народному комиссару иностранных дел телеграмму, в которой сообщил, что прямой угрозы на-

падения Польши на Литву нет. Войков также обратил внимание на действия Германии, поскольку ее дипломаты в Варшаве пытались использовать противоречия между Польшей и Литвой и стремились вызвать обострение советско-польских отношений.

Правительство СССР выступило за сохранение мира в Восточной Европе. Оно сделало предостережение Пилсудскому и одновременно рекомендовало Литве избегать всяких шагов, которые могли бы обострить конфликт.

В июне 1927 года Советский Союз, несмотря на противодействие английской дипломатии, заключил торговый договор с Латвией.

МЕЧТЫ О ВОДНОМ ПУТИ

Еще в 1922 году польское правительство запретило сплав леса из Советского Союза по Неману. Оно добивалось такого же запрета и от литовского правительства, препятствовало нормализации судоходства по Неману. Это было нарушением положений Рижского мирного договора, по которому обе стороны обязались впредь до заключения торгового договора предоставить друг другу свободный транзит по железнодорожным и водным путям. Экономическим связям не только СССР и Литвы, но и Польши был нанесен серьезный удар. Клайпеда, один из крупнейших мировых лесоторговых рынков, задохнулась из-за отсутствия леса, остановились лесопильные заводы, бездействовал порт. Литовские промышленники оказались перед катастрофой. Они добились от правительства разрешения вырубать леса. Это нанесло огромный ущерб лесному хозяйству Литвы. В качестве ответной меры Литва закрыла свою границу по Неману, и сплав польского леса в Англию прекратился. На советской территории скопилось огромное число плотов леса.



Г. В. Чичерин
и П. Л. Войков
беседуют во
время поездки
по Варшаве.
1925 г.



П. Л. Войков
в Варшаве.
1926 г.



П. Л. Войков фотографирует В. В. Маяковского и советника Полномочного представительства СССР А. Ф. Ульянова во дворе

Вскоре после своего приезда в Варшаву, в начале 1925 года, Войков начал искать пути для нормализации судоходства по Неману. Он обратился к архивам и стал изучать составленные еще в начале XIX века проекты строительства водного пути из Черного моря в Балтийское (Днепр — Висла). В 1825 году был построен Августовский, а в 1847 году — Днепро-Бугский каналы, соединившие через разные реки и их притоки в водную систему Днепр — Неман — Висла. Каналы были сооружены руками десятков тысяч русских, украинцев, белорусов, литовцев, поляков. Их открытие явилось крупным событием в истории России, получившей удобный доступ к мировым рынкам. По водному пути к Балтийскому морю сплавляли лес, шли суда с хлебом, железной рудой, углем. В годы первой мировой войны работы на водной системе прекратились, реки обмелели, а соединявшие их каналы пришли в негодность. На советской территории остался участок реки Припять, до впадения реки Случь, а на территории Польши — верхняя часть водного пути до Гданьска. С прекращением перевозок грузов по Неману судоходство на водной системе было дезорганизовано.

П. Л. Войков поставил перед собой задачу: выяснить, можно ли восстановить для судоходства старый водный путь Днепр — Неман — Висла, и если эта мысль неосуществима, то возможно ли заключить между СССР и Польшей соглашение о сплаве леса по Неману.

П. Л. Войков советовался по этому вопросу в Госплане СССР, ВСНХ, народных комиссариатах путей сообщения и внешней торговли СССР. Основываясь на документах, планах осушения заболоченных земель, точных расчетах, анализе государственного бюджета, мнении специалистов, он выясняет возможности восстановления водного пути. Об этом Войков докладывает заместителю председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. Д. Цюрупе.

В письме от 22 мая 1925 года в Народный комиссариат иностранных дел СССР Войков подробно изложил свое предложение о восстановлении водного пути. Наш Донецкий бассейн,— писал он,— мог бы грузить уголь за порогами на Днепре, причем этот уголь или другие товары могли бы идти по Днепру, далее по Припяти, через границу Пинска, оттуда до Буга идет известный Бугский канал. Далее по Бугу до впадения его в Нарев и по Неману суда прибывают в Вислу под Варшаву. Далее по Висле до города Выдгоща, где имеется канал, соединяющий Вислу с системой Одера.

В беседах с председателем сената Польши В. Тромпчиньским и другими видными польскими деятелями, учеными, инженерами Войков прощупывает их отношение к проекту восстановления водного пути. Эта идея захватила Петра Лазаревича. Он ходатайствует перед правительственными организациями СССР о скорейшем рассмотрении его предложений. 19 июня 1925 года он пишет письмо заместителю председателя Совета

Народных Комиссаров СССР А. Д. Цюрупе, подчеркивая, что «политическое значение этого пути—бесспорно громадно. Я указал это в своем личном Вам докладе. Его экономическое значение требует глубокого изучения».

Правительство СССР одобрило предложение Войкова.

П. Л. Войков предлагал начать предварительные переговоры на уровне специалистов. Польские правительственные круги благожелательно отнеслись к идее возобновления водного пути, но колебались, когда речь шла о ее претворении в жизнь. Некоторые члены польского правительства сомневались, что этот путь можно открыть в ближайшие годы. С их стороны выдвигались планы строительства среднеевропейского водного пути с привлечением иностранного капитала.

На многочисленных встречах Войков стремился убедить противников его предложения, что оно выгодно для обеих сторон. 19 июня 1925 года Войков, беседуя с министром иностранных дел Скшиньским, спросил его, считает ли он в принципе возможным сотрудничество между СССР и Польшей в столь важном деле, как сплав леса по прямому водному пути. Министр дал понять, что идея водного пути, который мог бы явиться одним из источников накопления национального дохода обеих стран, интересует его правительство, и спросил Войкова:

— В какой форме, вы думаете, возможно такое сотрудничество?

— Мне кажется,— ответил Войков,— что оно могло бы происходить, например, на технической конференции по сплаву леса. Конечно, возможны и другие формы.

Разговор коснулся и трудностей, возникших в связи с прекращением сплава леса по Неману. Войков отметил, что правительство СССР стремится к укреплению добрососедских отношений. Об этом, в частности, свидетельствует налаживание транзита польских товаров через территорию СССР, который будет благоприятствовать развитию торговых отношений Польши с Афганистаном, Персией и странами Дальнего Востока.

— Мне, как работавшему в одном из крупных лесных трестов,— сказал Войков,— хорошо известно, какую роль играет сплав леса для развития народного хозяйства. А в верховьях Немана и около его притоков расположены миллионы десятин леса. Прямой водный путь обеспечит сплав леса по Неману к европейским рынкам. Сейчас, чтобы попасть по воде из Черного моря в Балтийское, надо плыть вокруг Европы более 7 тысяч километров. Канал Припять—Неман соединил бы Днепр с Неманом и сократил бы этот путь до 2400 километров. Я не говорю уже о том, что водный путь преобразил бы Пинские болота, освободив от топи значительные земельные угодья.

В одной из частных бесед за чашкой кофе Войков говорил Тромпчиньскому:

— Мы не являемся пионерами в открытии водного пути Днепр—Висла. Он был открыт

давно. По нему гнали плоты и тянули баржи. Теперь же речь идет об открытии прямого водного пути, пригодного для судоходства. На вопрос, будет ли он проходить по старым или по новым каналам и рекам, ответят инженеры. Если бы наши страны,— продолжал Петр Лазаревич,— открыв водный путь, воздвигли на нем мощные сооружения, отвечающие современному уровню техники, они оставили бы будущим поколениям величественный памятник сотрудничества наших народов.

— Некоторые мои коллеги,— ответил Тромпчиньский,— сомневаются: можно ли оживить мертвую артерию?

— Нет, нет,— сказал Войков,— только не мертвую, а уснувшую.

— На восстановление водного пути потребуются колоссальные затраты. Боюсь, что без иностранных займов Польша не сможет участвовать в осуществлении этого проекта.

— Безусловно, углубление рек, каналов, сооружение плотин потребует значительных средств и, может быть, пять-шесть лет напряженного труда. Скажу вам откровенно, господин председатель, что мое правительство, занятое восстановлением народного хозяйства, не имеет лишних средств. Однако, как я думаю, оно ради будущего пошло бы на некоторые жертвы.

— Вы считаете, господин посланник, что лет через пять по этому водному пути пойдут караваны судов с русским хлебом и железной рудой для Польши?

— Товарные суда с хлебом, углем, железной рудой могли бы подойти к самой Варшаве года через два, а лес можно было бы начать сплавать уже в следующем году.

П. Л. Войков встал и подошел к большой географической карте, висевшей на стене.

— Вот место на Днестре,— продолжал он, показывая карандашом,— откуда мог бы начаться водный путь. Днестровские пороги не будут серьезным препятствием. Они не вечны. Водный путь создал бы, я еще не говорил вам об этом, также и благоприятные условия для развития в наших странах судостроения. Мы строили бы суда на своих верфях.

В. Тромпчинский молча стоял у карты и внимательно рассматривал голубые линии рек.

— Если бы польское правительство,— сказал Войков в заключение беседы,— согласилось выслушать мнение специалистов о возможности открытия водного пути, я мог бы обратиться к своему правительству с предложением направить в Варшаву двух-трех инженеров для предварительных переговоров с их польскими коллегами.

Об этой беседе председатель сената информировал министра иностранных дел Польши и рекомендовал обсудить в правительстве предложение о встрече польских и советских специалистов. Однако рассмотрение этого вопроса затянулось.

Спустя некоторое время польское правительство разрешило въезд в Польшу двум

советским инженерам, специалистам по внутренним водным путям. 10 марта 1926 года советские инженеры прибыли в Варшаву. В департаменте водных путей министерства общественных работ они встретились с польскими инженерами и вместе с ними осмотрели сооружения на Бромбергском канале, соединяющем Вислу с Одрой.

По просьбе департамента советские инженеры составили проект соглашения об открытии судоходства по водному пути и передали его в неофициальном порядке польской стороне. В проекте содержалось заявление о возможности открытия прямого водного пути для судоходства между СССР и Польшей. Польская сторона обещала ознакомиться с ним и представить свой проект до отъезда гостей в Москву. 4 апреля, когда советские инженеры уезжали домой, департамент водных путей выразил сожаление, что он не успел подготовить своей проект.

Мысль об открытии прямого водного пути для судоходства находила все больше и больше сторонников среди польской общественности. Газеты публиковали подробные сообщения о начале предварительных переговоров между польскими и советскими специалистами, исторические справки о водном сообщении между Польшей и Россией.

Однако правительство Пилсудского долгое время не давало ответа на предложение правительства СССР об открытии прямого водного пути для судоходства и о подписании соответствующего соглашения. 22 июля 1926 года министр иностранных дел Залес-

ский, выступая в комиссии сейма по иностранным делам, заявил: «В ближайшее время ожидается открытие движения ежедневного поезда по линии Варшава — Москва. Эта линия является самой короткой и удобной для связи Западной Европы с Востоком.

В последние месяцы стал актуальным вопрос, касающийся облегчения и налаживания водного сообщения между Пинском и Киевом или Екатеринославом. Эта линия значительно облегчила бы транспортировку крупных грузов. Мы ведем с Советами переговоры о заключении конвенции, регулирующей навигацию по Припяти, что явилось бы значительным шагом в решении вышеупомянутой важной проблемы соединения водных систем обоих соседних государств в целях развития торговли» *.

Министр умолчал, что все эти шаги были предприняты по инициативе Советского правительства.

Встретив Петра Лазаревича на приеме у посланника Италии, Залесский сказал, что Войкову удалось убедить многих в необходимости строительства водной системы, и пошутил, что Тромпчиньский развил такую деятельность в защиту проекта открытия прямого водного пути, что если его не остановить, то он может взорвать старые плотины и затопить Варшаву.

— Я серьезно говорю вам об этом. Если

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V. М., 1967, стр. 39—40.

что случится, то вы, господин посланник, окажетесь одним из виновников бедствия.

— Будем надеяться, господин министр, — ответил Петр Лазаревич, — что этого не случится. В Польше имеются отличные инженеры. Они-то знают, как надо взрывать старые и строить новые плотины.

9 августа 1926 года Войков устроил пресс-конференцию в полномочном представительстве СССР, на которой сделал заявление об экономических отношениях между СССР и Польшей. Многие газеты широко комментировали это заявление. «Курьер варшавский» поместил на видном месте статью, в которой говорилось, что «экономическая взаимосвязь обеих стран находит свое выражение также в ряде совместных хозяйственных проектов, среди которых грандиозный проект соединения Вислы с Днепром. К реализации этого плана г. Войков уже приложил много усилий» *.

Однако реакционные буржуазно-помещичьи круги Польши помешали осуществить эти планы.

Мечты о водном пути начали осуществляться двумя братскими народами через 20 лет, когда в Польше была установлена народная власть.

* «Kurier Warszawski» № 219, 11 sierpnia 1926 r.

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТРУДОВОГО НАРОДА

Петр Лазаревич Войков был полномочным представителем первого в мире рабоче-крестьянского государства. Он использовал каждую возможность встречи с польскими рабочими, не пропускал ни одной поездки по стране, ни одного посещения фабрик и заводов, устраивавшихся для дипломатического корпуса. Полицейские агенты пытались помешать его встречам с рабочими, представителями общественности, но не могли изолировать «красного посла» от народа. Он хорошо знал вторую Польшу, о которой говорил Г. В. Чичерин на III съезде Советов, польский народ, с его большими революционными традициями, стремящийся к миру, к дружбе с рабочими и крестьянами Советского Союза.

Реакционная политика буржуазно-помещичьего правительства была чужда польским трудящимся, вызвала массовые протесты. Военно-полевыми судами, пулями и штыками буржуазия пыталась подавить демократическое движение. «История крова-

вого белого террора в Польше,— писали узники тюрем «Батория», «Бригидки» работникам Киева,— известна вам и вашей рабочей печати... Несмотря на потоки пролитой крови, несмотря на смертные приговоры, несмотря на сотни лет каторги, революционное движение усиливается» *.

Советское правительство, верное своему интернациональному долгу, предпринимало решительные шаги в защиту польских революционеров. По его поручению полпред Войков неоднократно добивался обмена мужественных польских борцов, томившихся в тюремных стенах, на польских граждан, осужденных в СССР за уголовные преступления и враждебные антисоветские действия. И ничто так не ранило Войкова, не оставляло такого тяжелого следа, как те случаи, когда все его усилия оказывались тщетными.

В ноябре 1923 года за участие в демократической политической организации в польской армии были приговорены к смертной казни офицеры В. Багиньский и А. Вечоркович. Полномочное представительство СССР в ноте от 6 декабря 1923 года просило Министерство иностранных дел Польши «войти с представлением в соответствующие правительственные органы о приостановлении приведения в исполнение смертного приговора над осужденными Варшавским окружным военным судом 30 ноября с. г.

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, стр. 355—356.

поручиком Багиньским и подпоручиком Вечорковичем и о включении указанных лиц в списки подлежащих обмену»*.

Польское правительство вначале отказалось удовлетворить эту просьбу. Только 26 марта 1925 года оно согласилось обменять Багиньского и Вечорковича на двух арестованных за уголовное преступление и антисоветскую деятельность в Советском Союзе польских граждан. Однако польские полицейские власти пошли на провокацию. 29 марта на пограничной станции Колосово, где должен был состояться обмен, польский конвоир Мурашко выстрелами из револьвера убил Багиньского и Вечорковича, законных в кандалы.

Г. В. Чичерин от имени правительства СССР заявил польскому правительству решительный протест.

Утром 30 марта в полномочное представительство СССР пришли жены Багиньского и Вечорковича. Они еще ничего не знали о происшедшем и радовались, что наконец получили от польских властей разрешение на выезд за границу. Войков не мог скрыть своего волнения. В письме С. И. Аралову от 5 апреля 1925 года он писал: «Мы не имели мужества, не имели сил сказать им сразу всю правду. Но ее нужно было сказать. Что-то застыло, что-то остановилось в гла-

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, стр. 255.

зах, в лице, сковало лица этих женщин, когда, побеждая себя, спустя несколько часов садились они в поезд, чтобы ехать к своим мужьям...»

Коммунистическая партия Польши прошла тяжелый путь борьбы и воспитала тысячи бесстрашных героев, отдавших жизнь за свободу своего народа. Такими мужественными борцами были и коммунисты В. Гибнер, В. Кневский, Г. Рутковский. Они были арестованы полицией, избиты и брошены в тюрьму. Но ни пытки, ни угроза смертной казни не сломили их воли. Против жестокой расправы выступили с протестами трудящиеся Польши, Советского Союза, других стран, представители передовой интеллигенции Франции — Анри Барбюс, Жан Ришар Блок, Луи Арагон.

Военно-полевой суд вынес смертный приговор.

Утром 20 августа 1925 года Войков узнал, что революционеры отказались подать просьбу о помиловании. Петр Лазаревич был очень взволнован. Дожидаясь назначенного накануне приема у министра иностранных дел Польши, он долго ходил по кабинету и думал, можно ли спасти их жизни. Войков решил во время беседы с министром сообщить ему о массовых демонстрациях протеста, проходивших во многих городах Советского Союза, против смертного приговора и о возможной реакции общественно-го мнения, если он будет приведен в исполнение.

Министр уклонился от встречи. Было уже около двенадцати часов, когда его личный секретарь ответил Войкову, что Залесский еще не возвратился из Бельведерского дворца. После настойчивых напоминаний полпреда секретарь сказал, что господин посланник может получить аудиенцию только на следующий день вечером.

На рассвете 21 августа Гибнер, Кневский и Рутковский были расстреляны...*

Уже третий год Войков работал полномочным представителем СССР в Варшаве. В советско-польских отношениях за это время произошли заметные изменения. Почти прекратились нарушения советской границы со стороны вооруженных отрядов польской армии и белогвардейских банд, начались переговоры о подписании политического договора, расширились экономические и культурные связи.

После вступления в силу консульской конвенции были открыты консульства Польши в Ленинграде, Киеве, Тифлисе; Советского Союза — во Львове и генеральное консульство — в Гданьске.

Несмотря на противодействие польской реакции, широкие круги общественности Польши выступали за развитие дружественных отношений с Советским Союзом.

* 21 августа 1950 года, в день 25-й годовщины со дня гибели славных революционеров, им был воздвигнут памятник у стены Варшавской цитадели.

В январе 1926 года при содействии П. Л. Войкова была организована поездка делегации польского сейма в СССР. Она посетила Москву, Ленинград, Минск, Харьков, Одессу, Киев, где знакомилась с жизнью рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, побывала на заводах, фабриках, в учебных заведениях, больницах. Целый день делегация провела на заводе «Красный путиловец». Ее глава, один из деятелей крестьянского движения Я. Брыль, поблагодарил рабочих и заявил, что мировой капитал не дает Стране Советов кредитов на развитие народного хозяйства. «Нам же капиталисты готовы открыть кредит под условием нашего выступления против СССР. Однако трудящиеся Польши на это никогда не пойдут. Ваша сила в том, что вы привлекаете к хозяйственному строительству все новые и новые народные низы. Ваша непоколебимая сила заключается в союзе труда и науки». Покидая территорию СССР, Брыль от имени делегации направил Чичерину телеграмму, в которой благодарил «за неоценимое гостеприимство и полную возможность воочию убедиться в колоссальных достижениях СССР»*.

В феврале 1926 года Польшу посетила советская торговая делегация. Она побывала в Варшаве, Люблине, Катовицах, Сосновцах, Лодзи, Кракове.

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, стр. 434—435.

Важное место в советско-польских отношениях занимали культурные связи. В Польше переводились многие произведения русской и советской художественной литературы, работы ученых Советского Союза. Произведения польских авторов издавались в СССР. Академии наук СССР и Польши обменивались новыми изданиями и публикациями. В польских кинотеатрах демонстрировались советские фильмы «Броненосец «Потемкин», «Мать», «Дворец и крепость», «Медвежья свадьба», «Процесс о трех миллионах».

...14 ноября 1926 года Варшава принимала гостей, прибывших из всех польских городов и многих стран мира на торжественное открытие памятника Фредерику Шопену.

Неподалеку от Бельведерского дворца, окруженная многочисленной толпой, на гранитном пьедестале возвышалась большая скульптура, затянутая белым полотном. В 11 часов собрались министры, депутаты сейма, видные деятели польской и зарубежной музыкальной культуры, члены дипломатического корпуса. В 12 часов прозвучал национальный гимн. Оркестр филармонии вместе с хором сыграл полонез А-дур Шопена. Спало полотно. Открылась бронзовая фигура сидящего под старой ивой композитора. Овация длилась долго. Она снова вспыхнула, когда П. Л. Войков, композиторы Н. Я. Мясковский и В. Л. Яворский возложили у подножья памятника венок из живых цветов с надписью на ленте: «Фредерику Шопену — СССР».

В Первом Международном конкурсе молодых пианистов имени Шопена, проходившем в Варшаве с 22 по 30 января 1927 года, участвовали советские музыканты Ю. Брюшков, Г. Гинзбург, Л. Оборин, Д. Шостакович. Их выступления сопровождались бурными аплодисментами. В антракте член жюри конкурса композитор А. Винявский тепло поздравил Войкова с успехом его соотечественников:

— Господин посланник, ваши юноши играли превосходно, искренне, спокойно. Я восхищен трудом профессора Московской консерватории Игумнова.

Советские пианисты завоевали на конкурсе высокие награды. Оборин получил первую премию, Гинзбург — четвертую, Брюшкову и Шостаковичу были присуждены почетные дипломы.

П. Л. Войков принимал большое участие в организации Международного конгресса этнографов и географов славянских стран, открывшегося в Варшаве 2 июня 1927 года. В его работе участвовали советские ученые — академик А. П. Павлов, профессора Н. Н. Баранский, А. А. Борзов, В. П. Волгин, М. В. Павлова, Б. М. Соколов, Ю. М. Шокальский. На конгресс было представлено 11 докладов советских ученых.

П. Л. Войков знал лично многих видных польских деятелей науки и искусства, был желанным гостем на литературных вечерах, концертах, в салонах. Он пользовался авторитетом в деловых кругах.

Однажды Войков получил приглашение на

ужин к видному польскому промышленнику, депутату сейма Анджею Вежбицкому.

А. Вежбицкий был поклонником русской литературы и живописи. Он любил говорить, что считает Польшу старшей дочерью России. В его библиотеке имелись полные собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Некрасова, Льва Толстого, энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Рядом с картинами польских художников на видном месте висели «Старые сосны» А. К. Саврасова. Вежбицкий рассказывал Войкову, что он на днях беседовал с министром промышленности и торговли о возможности оживления польско-советских экономических отношений.

— Мы, промышленники,— заявил Вежбицкий,— заинтересованы в русской пшенице, железной руде, угле.

П. Л. Войков ответил, что, к сожалению, с польской стороны не проявляется стремления к развитию взаимовыгодных торговых отношений.

— Мое правительство,— говорил он,— было бы готово рассмотреть просьбу о продаже этих товаров Польше в большем количестве. А такие польские товары, как сельскохозяйственные машины, различное оборудование, ткани, могли бы найти сбыт на нашем рынке.

П. Л. Войков внимательно отнесся к сообщению Вежбицкого о его беседе с министром промышленности и торговли.

— Я обдумываю мысль,— сказал Вежбицкий,— об организации поездки делегации

польских промышленников в СССР. Об этом мечтают и некоторые мои коллеги*.

Хозяин, знакомя Войкова со своими старыми друзьями, представил ему известного артиста Александра Вертинского.

Между Войковым и Вертинским завязалась долгая беседа. Вертинский рассказывал о своей жизни в эмиграции, о тяжелых переживаниях, сомнениях, мечте о возвращении на Родину. В Севастополе, говорил он, еще можно было опомниться, но этого он не сделал. Тогда белая армия держалась за клочок русской земли. Под натиском Красной Армии она докатилась до Перекопа. Измученные, усталые солдаты, уже не верившие в своих офицеров, не хотели воевать. Армия разлагалась. Многие бросали оружие, снимали шинели. Но в ресторанах еще гремела музыка, выступали артисты, пел цыганский хор, за столиками сидели генералы и офицеры.

* Делегация польских промышленников во главе с А. Вежбицким прибыла в Москву в апреле 1931 г. Она находилась в СССР около месяца, посетила ряд промышленных и культурных центров на Украине, Кавказе, в Крыму.

Польский посланник в Москве С. Патек в своем рапорте на имя министра иностранных дел А. Залесского от 18 мая 1931 г. сообщил: «Как правительственные, так и неофициальные круги Советов приняли делегацию очень хорошо». И далее: «Вообще следует констатировать, что пребывание польской делегации на территории СССР прошло удачно и, должным образом использованное нами, может привести нас к желаемым результатам». (См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V. М., 1967, стр. 484.)

— Бывшие князья, княгини, графини, баронессы,— говорил он,— обивая пороги консульств иностранных государств, покупали паспорта, визы, билеты на пароходы. На черном рынке продавались бриллианты, фамильное золото и серебро. Деньги уже ничего не стоили. За ведро воды приходилось платить сто тысяч рублей. Но все это не остановило безумных людей. Безумным стал и я, когда покинул родной край.

— Александр Николаевич,— спросил Войков,— кто же заставил вас покинуть Родину?

— Этот вопрос вы могли бы, Петр Лазаревич, задать многим русским эмигрантам, оказавшимся в тяжелом положении. Конечно, никто нас не гнал. Страх перед революцией, как перед чем-то неведомым... Как-то недалеко от советской границы я услышал колокольный звон, доносившийся с родного берега в Молдавии. Как я был счастлив тогда! Здесь же я встретил босого мальчугана, крепко державшего в руке орленка, и спросил, откуда он взялся. «Наверное, с того берега залетел»,— ответил мальчишка.

Я купил орленка и выпустил его.

В Париже я встречал Бунина, Куприна, Мережковского. Они тоскуют по Родине.

После ужина Войков и другие гости попросили Вертинского спеть. «Пел я охотно,— вспоминает А. Н. Вертинский,— мне было приятно спеть своему, русскому человеку—оттуда, с Родины. Так приятно, как будто я пел «дома», для своих русских, на своей земле.

Когда я кончил петь, он подошел ко мне.

— Почему, Вертинский, вы не возвращаетесь на Родину?

Кое-как, довольно жалко, беспомощно, страшно волнуясь, я начал что-то сбивчиво и путано объяснять ему. Объяснять, собственно говоря, было нечего. И без слов все было ясно.

И Войков понял меня.

— Приходите ко мне, поговорим обо всем и сделаем все, что можно,— сказал он.

У меня сразу стало легче на душе. Заполнив соответствующие анкеты, я обратился с просьбой разрешить мне вернуться на Родину*.

О разносторонности Войкова в Варшаве говорили с уважением и восхищением. Все знали, что он увлекается высшей математикой, делает опыты по физике и биологии. Войков продолжал изучать историю своей страны и Польши, внимательно следил за новинками художественной литературы, любил поэзию, хорошо знал польских поэтов и даже пробовал их переводить на русский язык. С каждой дипломатической почтой он просил выслать ему книги по самым различным вопросам. В письмах к своему другу Н. З. Кириашу Петр Лазаревич спрашивал, какие вышли в свет новые учебники по химии, математике, уголовному праву. У профессора Н. Н. Любимова, участника Генуэзской конференции, сохранилось письмо

* «Москва» № 4, 1962, стр. 213.

Войкова от 6 февраля 1925 года: «Милый Николай Николаевич! Очень прошу указать через моего секретаря материал (печатный и непечатный), характеризующий в цифрах наш бюджет за этот год... Очень обяжете по старой памяти вашего покорного слугу».

П. А. Войков обладал исключительной работоспособностью. Он проводил за работой многие бессонные ночи. Его кабинет напоминал лабораторию ученого, в которой решаются сложные вопросы. Войков подчеркивал, что труд дипломата — труд тяжелый, требующий большого напряжения сил, сознания огромной ответственности за свое дело.

Петр Лазаревич говорил, что опыт работы одного дипломата, как бы он ни был совершенен, должен постоянно обогащаться опытом других дипломатических работников. Он внимательно прислушивался к советам и замечаниям товарищей. Для повышения деловой квалификации сотрудников полпредства Войков проводил совещания по различным политическим проблемам на русском, польском и французском языках. Готовясь к переговорам и беседам с государственными, общественными деятелями, дипломатическими представителями иностранных государств, Петр Лазаревич просматривал документы, архивы, историческую литературу. Переговоры по вопросам государственного значения он считал вершиной дипломатической деятельности. Записи бесед Войков делал сам и обычно в тот же день.

Обладея хорошей памятью, он старался точно изложить мысли своего собеседника. Но это была не стенографическая запись, а анализ беседы, начинавшийся с изложения наиболее важного вопроса. Некоторым сотрудникам, жаловавшимся, что им приходится заниматься и технической, «неинтересной» работой, он говорил: «Нет дипломатической работы в чистом виде. Надо не чураться технической работы, а уметь делать и ее».

Жизнь небольшой советской колонии можно было бы сравнить с жизнью команды какого-нибудь парохода или корабля, находившегося в открытом море вдали от родных берегов; тоска по Родине, ожидание писем, газет, возвращения домой.

Два раза в неделю в белом зале полномочного представительства демонстрировались кинофильмы. Устраивались семейные вечера, концерты самодеятельности. Любительский драматический кружок ставил «Моцарта и Сальери» Пушкина, «Женитьбу» Гоголя, «Таланты и поклонники» А. Н. Островского.

Сотрудники полпредства вместе ходили в музеи, театры, на шопеновские концерты, катались по Висле, совершали туристские походы, экскурсии по древним польским городам.

По субботам проводились лекции и беседы, с которыми выступали Войков, другие сотрудники полпредства, гости из Советского Союза. 8 ноября все собирались на семейный обед.

Любил Войков участвовать в подготовке празднования Нового года, помогал устраивать елку с подарками. Дружно и весело встретили новый, 1927 год. Вместе со своими семьями все собрались в белом зале за тремя, поставленными буквой «П», столами. В 12 часов Войков поздравил соотечественников с наступившим Новым годом, поднял бокал за их здоровье, пожелал личного счастья. После ужина началось представление. Дети, одетые в нарядные белые, голубые, красные костюмчики, взявшись за руки, пели и танцевали вокруг елки, сверкавшей разноцветными огоньками.

Петр Лазаревич любил детей. Он часто сидел вместе с ними в саду, рассказывал интересные истории, дарил книжки, тетради, альбомы для рисования.

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ

21 января 1927 года Войков выступил перед советской колонией с докладом о Владимире Ильиче Ленине.

Вечером он просматривал у себя в кабинете свежие газеты и журналы. На каждой из восьми страниц «Правды» — статьи, воспоминания о В. И. Ленине, его редкие фотографии. Вдоль первой полосы — несколько крупных строк с волнующими словами. «Уже идут под знаменами Ленина миллионы угнетенных Запада. Крепнет оплот рабочей диктатуры, родина Советов, страна пролетариев и крестьян, страна великой пролетарской партии, детище Ленина. Бушует революционный Восток, подымающий миллионные массы против поработителей. В траурный день печали о вожде пусть громче звучит призыв к великой борьбе, к великим победам!» *

Петр Лазаревич, перевернув страницу, начал читать отрывок из письма М. Горького:

* «Правда» № 17 (3549), 21 января 1927 г.

«Нечеловеческая воля его не исчезла, она остается на земле, воплощенной в людях. Работа, вдохновенная и начатая им, не может быть остановлена навсегда и едва ли даже ее можно прервать на время. Мир ждал этого человека, человек явился, указал путь, и этим путем люди пойдут до конца, имея впереди светлый образ бессмертного вождя» *.

В 7 часов вечера Войкову сообщили, что в полномочное представительство СССР пришел польский поэт Владислав Броневский. Услышав это имя, Петр Лазаревич спустился на первый этаж. Броневский, в черном пальто с котиковым воротником, чуть потертым по краям, стоял перед картиной Куинджи «Вечер на Украине» и задумчиво смотрел на нее. Открытое, приветливое лицо поэта располагало к себе.

— Здравствуйте, господин посланник,— сказал он, протягивая руку.— Мои друзья, польские писатели и художники, поручили мне посетить ваше полномочное представительство сегодня, в день третьей годовщины со дня кончины великого Ленина, и выразить чувство глубокого уважения к народам Страны Советов.

Петр Лазаревич был тронут этими словами. Он сердечно поблагодарил Броневского и пригласил его к себе домой.

Владислав Броневский, участник первой мировой войны, получил философское обра-

зование, изучал историю польского революционного движения, сотрудничал в прогрессивных журналах. Он по праву считался одним из наследников революционных традиций польского романтизма. Знакомство с молодыми поэтами-коммунистами С. Р. Станде и В. Вандурским привело его к сближению с Коммунистической партией Польши. Я «перевел стрелку своего мировоззрения», говорил Броневский.

«Поэт Броневский. Выпустил только что книгу стихов. Названия его стихов говорят за себя: «На смерть революционера», «Пионерам», «Кабала» и т. д.

У него есть стихи «Провокатор» — это о жизни сегодняшней Польши. Он читал эти стихи в рабочем собрании. Когда он произнес строку: «Провокаторы ходят меж нами», какие-то субъекты испуганно поднялись и начали улепетывать из зала, на ходу разъясняя, что они-де не по своей воле. Это стихотворение хорошо рисует и Польшу, и Броневского, и рабочий быт», — писал В. В. Маяковский в 1927 году.

Броневский активно выступал за развитие дружественных отношений между народами Польши и Советского Союза, высоко ценил русскую классическую литературу, изучал русский язык. Он был одним из тех польских поэтов, которые не боялись переступить порог полномочного представительства СССР.

Петр Лазаревич, познакомив гостя с женой и сыном, провел его к себе. В небольшой комнате на письменном столе лежала

* «Правда» № 17 (3349), 21 января 1927 г.

стопка книг, а рядом с ними стоял микроскоп.

— Извините, что я так, без предупреждения, явился к вам,— сказал Броневский.

— Очень хорошо сделали. Всегда буду рад вас видеть.

Расположившись на диване, гость вынул из кармана пиджака белый конверт, раскрыл его и сказал:

— У меня сохранилась газета «Глос коммунистичны», вышедшая нелегально в Варшаве 13 февраля 1924 года. Как видите, она полностью посвящена Ленину. Позвольте, господин посланник, подарить ее вам.

Петр Лазаревич, бережно развернув газету, поблагодарил за ценный подарок и сказал, что отправит его с ближайшей почтой в Москву.

— Помню,— сказал Броневский,— как в тот январский день дошла до нас печальная весть. Жители Варшавы долго не верили сообщениям, поступившим тогда поздно вечером. Толпы людей осаждали газетные киоски, почту, телеграф. Звонили по телефону в полномочное представительство СССР, редакции газет. Однако официального сообщения не было. Когда 22 января над зданием вашего полномочного представительства был приспущен государственный флаг, на многих заводах, фабриках, железнодорожных узлах начались траурные митинги и собрания. Рабочие собирались группами, передавали друг другу воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Польши. В нем говорилось о Ленине как об исполине, от-

давшем свою жизнь за свободу людей всего мира. 23 января многие польские газеты опубликовали статьи о жизни и государственной деятельности Ленина, о пребывании его в Кракове, Поронино, о дружеском отношении к польским рабочим и крестьянам. В Польше хорошо знали Ленина и глубоко уважали его. Освобождение от царизма было связано с его именем. Печальная весть потрясла наш народ. Недавно один из политических заключенных, более трех лет просидевший в тюрьме,— продолжал Броневский,— рассказал мне, что 22 января 1924 года они, узнав о кончине Ленина, провели траурный митинг во дворе, во время своей прогулки. Угрозы надзирателей не смогли помешать им. Митинг закончился пением «Интернационала».

Ленин живет в сердцах людей моей страны. И сегодня по всей стране проходят траурные собрания.

Броневский немного помолчал и затем добавил:

— Вы, господин посланник, лично знали Ленина, работали под его руководством. Это большое счастье.

— Да, это большое счастье,— повторил Войков.— Более пятнадцати лет прошло с тех пор, как я познакомился с Владимиром Ильичем. Это было в Женеве, в библиотеке «Société de Lecture». Мне посчастливилось там видеть Ленина за работой. Он любил стоять у окна с раскрытой книгой в руке. Перелистывал несколько страниц, садился за стол и начинал делать какие-то записи в

тетрадь. Или поднимался по небольшой лестнице, стоявшей у книжного шкафа, снимал с одной из верхних полок книгу и тут же ее просматривал. Поставив книгу на место, Ленин вынимал из жилета часы, держивал на них взгляд, что-то обдумывал, чуть покачивал головой и снова направлялся к своему столу.

— Было бы интересно,— заметил Броневский,— все это записать. Да, записать жизнь Ленина день за днем. Мы, к сожалению, очень мало знаем о его жизни, характере, взглядах. Писателю и художнику, создающему правдивый образ великого человека, необходимо знать о нем как можно больше, даже об отдельных черточках, которые другим могут показаться незначительными.

— Я знал вашего соотечественника, политического эмигранта Мечислава Бронского*. Мы встречались с ним в Женеве. Он был первым человеком, который сообщил Ленину о Февральской революции в России.

Броневский внимательно слушал.

* Бронский М. Г. (1888—1941) — польский социал-демократ, затем член партии большевиков. В 1917 г. приехал в Россию и работал агитатором при Петроградском РСДРП(б). После Октябрьской революции был на хозяйственной и дипломатической работе. Автор книги «Кто должен военные долги? К хозяйственной политике капиталистического банкротства», изданной в Лейпциге под псевдонимом М. И. Браун. Об этой книге упоминается в докладе В. И. Ленина на II конгрессе Коммунистического Интернационала.

— Это было в Цюрихе 2 марта 1917 года. Бронский, едва переступив порог небольшой квартиры сапожника Каммерера на Шпигельгассе, 14, где жили Ленин и Крупская, воскликнул: «Революция в России!» Задышавшись от волнения, он поздоровался и снова повторил: «Да, революция».

— Революция в России?— спросил Ленин, устремив свой взгляд на гостя.

Накинув на плечи легкое пальто, Ленин вместе с Крупской вышел на улицу и, сокращая путь, переулками, направился к озеру. На набережной они остановились у витрины газеты «Нейе Цюрихер цейтунг» и начали читать последние сообщения из России. Об этом нам, политическим эмигрантам, рассказывала Надежда Константиновна Крупская.

27 марта на городском вокзале Ленин тепло попрощался со своими друзьями и товарищами. 3 апреля Ленин возвратился на Родину.

— Я читал,— сказал Броневский,— что Ленин принимал Фридриха Платтена в Кремле. Конечно, человек, выполнивший столь благородную миссию, достоин глубокого уважения.

— Да, этот человек достоин глубокого уважения,— ответил Войков.— Он проявил много энергии, чтобы подготовить возвращение русских эмигрантов из Швейцарии в Россию.

Не знаю, известно ли вам, что Платтен совершил еще один подвиг. 1 января 1919 года автомобиль, в котором Ленин возвращал-

ся с митинга в Михайловском манеже, неожиданно был обстрелян контрреволюционерами. Платтен, находившийся в автомобиле вместе с Лениным, инстинктивно прикрыл его голову рукой и склонил ее к себе. В эту секунду раздался второй выстрел. Пуля скользнула по руке Платтена и ранила его, к счастью, легко.

В 1909—1910 годах,— продолжал Петр Лазаревич,— Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская жили в Париже вначале на улице Бонье, потом на тихой улочке Мари-Роз. Утром Владимир Ильич обычно уезжал на велосипеде в Национальную библиотеку и работал там до обеда.

Однажды он решил навестить Поля Лафарга и его жену Лауру, дочь Карла Маркса, живших тогда в Дравиле. Владимир Ильич волновался, когда встретился с Лаурой. Он очень пристально и подолгу вглядывался в ее лицо, словно стараясь отыскать на нем знакомые черты ее отца, великого человека.

На минуту Петр Лазаревич остановился, как бы припоминая детали.

С Владимиром Ильичем,— продолжал Войков,— я познакомился ближе в Москве. Мне приходилось выступать на заседаниях Совета Народных Комиссаров по различным вопросам. Ленин слушал спокойно и внимательно. Если докладчик, волнуясь, не совсем ясно высказывал свои мысли или сбивался, он обычно приподнимал правую руку и говорил: «Товарищ, не беспокойтесь. У вас еще предостаточно времени». Но длинных речей на заседаниях не любил. Ленин был

ПРИКАЗ

По Народному Комиссариату по Иностранным Дела
№ 80.

7-го Июня 1927 г.

г. Москва.

§ 1.

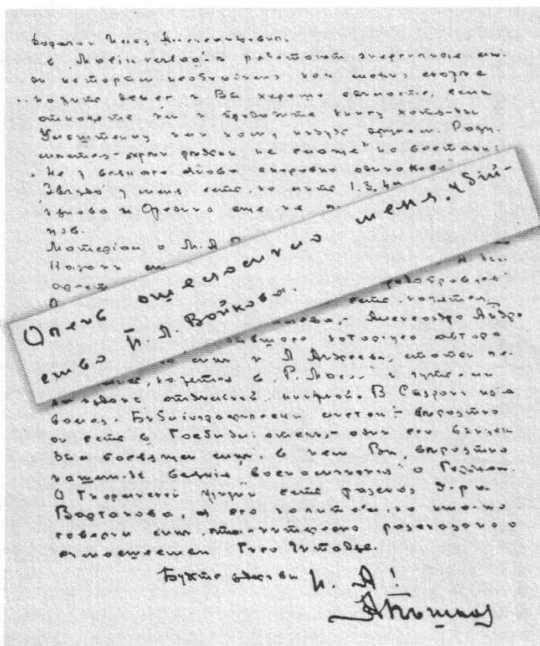
Сегодня в 10 часов утра на вокзале в Варшаве при встрече тов. Розенгольца совершено новое злодеяние со стороны врагов Рабоче-Крестьянского Государства—убийство нашего Полномочного Представителя в Польше тов. Войкова, Петра Лазаревича, учиненное монархистом Борисом Каверда. Тов. Войков отстреливавшийся при нападении, тяжело раненый четырьмя пулями в грудь, умер через час от полученных ран. Смерть тов. Войкова—новое тяжелое испытание нашей выдержки, новая брешь в рядах работников Народного Комиссариата по Иностранным Дела.

Особые заслуги Петра Лазаревича, его преданность делу Рабоче-Крестьянского Государства и исполнение долга до самой смерти на посту Полномочного Представителя Союза Советских Социалистических Республик в Польше, будут служить примером для всех работников Советского Государства. Скорбя со всеми работниками Народного Комиссариата о преждевременной кончине Петра Лазаревича, Коллегия выражает твердую уверенность, в том, что новое предательское нападение не внесет в ряды работников Народного Комиссариата по Иностранным Дела смятение и что перед лицом новой тяжелой утраты, работники Комиссариата удвоят свою энергию и самоотверженность при выполнении ответственной и тяжелой работы, возложенной на Комиссариат нашей Страной.

§ 2.

Коллегия в связи со смертью тов. Войкова объявляет 2-х недельный траур по всем учреждениям Комиссариата, как на территории Союза, так и за границей.

Заместитель Народного Комиссара
по Иностранным Дела *Литвинов.*



Письмо А. М.
Горького из Сор-
ренто (Италия)
И. А. Груздеву.
1927 г.

Памятник П. Л.
Войкову в Керчи

тверд, когда требовалось точное соблюдение закона, дисциплины. В то же время он оставался гуманным, внимательным и заботливым человеком.

Не скрою от вас,—продолжал Петр Лазаревич,—что 23 апреля 1921 года я в числе других работников различных народных комиссариатов и ведомств получил от Владимира Ильича Ленина, как Председателя Совета Народных Комиссаров, строгий выговор с предупреждением за неявку на одно из заседаний Комиссии Совета Труда и Оборона. Я допустил ошибку и за нее получил должное*.

П. Л. Войков задумался и некоторое время молчал.

— Три года тому назад, в этот день,—сказал он,—я был в Москве. Около четырех часов дня Чичерин пригласил к себе ряд сотрудников Народного комиссариата иностранных дел. Он был очень бледен и взволнован. Чичерин сказал, что состояние здоровья Владимира Ильича за последние часы резко ухудшилось. В 7 часов вечера Чичерин снова пригласил нас к себе и сообщил о большом горе.

В 11 часов вечера Войков и Броневский вышли из полпредства и, продолжая беседовать, медленно пошли по левой стороне Познаньской улицы.

* См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 161.

— Господин Броневский,— обратился к нему Войков,— скажите, пожалуйста, над чем вы работаете сейчас?

В. Броневский ответил, что он серьезно увлекся переводами стихотворений Блока, Есенина, Маяковского на польский язык. Думает начать переводить произведения Гоголя, Достоевского. Его собраты по перу Вандурский, Тувим, Стане тоже работают над переводами произведений русской и советской литературы.

— Переводя Блока, моего сердечного друга,— сказал Броневский,— я еще более полюбил русскую поэзию.

Творчество Маяковского привлекает меня своей глубокой верой в великое будущее человечества, ясностью цели. Это сильный голос в мировой литературе. Волнует меня и Есенин. До чего же крепко пахнет в его стихах земля, до чего же глубоки и зеркальны ручьи и небо, в которых отражается его мысль!

Я слышал,— добавил он;— что Владимир Маяковский собирается по пути во Францию заехать в Варшаву. Очень хотелось бы встретиться с ним.

Варшава уже погружалась в глубокий сон, когда Войков и Броневский, сердечно пожав друг другу руки, разошлись. На многих пустынных улицах погасли электрические и газовые фонари. Но кое-где еще скользили по снегу легкие сани извозчиков.

П. Л. Войков возвращался в приподнятом настроении. Жена дожидалась его и не ложилась спать. Заглянув на кухню, он увидел в поддувале самовара красные угольки.

— Вот,— сказал Петр Лазаревич, входя в комнату,— познакомился еще с одним хорошим человеком.

ВЛАДИМИР
МАЯКОВСКИЙ
В ВАРШАВЕ

12 апреля 1927 года П. Л. Войков пригласил к себе М. П. Аркадьева, первого секретаря полномочного представительства СССР, и, улыбаясь, поздравил его.

— С чем, Петр Лазаревич, поздравляете?

— Наш любимый поэт Владимир Маяковский скоро будет в Варшаве. Едет он в Чехословакию, Германию и Францию. Прошу вас, Михаил Павлович, сообщите председателю Пен-клуба о том, что Маяковский выразил желание встретиться с польскими писателями.

М. П. Аркадьев посетил председателя Пен-клуба и сообщил ему об этом. Тот поблагодарил за приятную новость, но сказал, что затрудняется дать окончательный ответ, не посоветовавшись со своими коллегами. Подумав немного, он сообщил, что после пасхальных праздников польские писатели принимают у себя русского поэта Константина Бальмонта. Впрочем, это, как ему кажется, не помешает принять и пана Маяковского.

Узнав, что Пен-клуб готовит торжественную встречу Бальмонту, вокруг которой началась газетная шумиха, Войков стал опа-

саться, как бы случайное совпадение встречи за границей двух русских поэтов разных направлений не было бы использовано реакцией во враждебных целях против СССР. И он решил лично переговорить об этом в Варшаве с Владимиром Владимировичем Маяковским.

15 апреля Маяковский прибыл в Варшаву. Петр Лазаревич тепло встретил его на вокзале и в доверительной беседе посоветовал ему вначале совершить поездку в страны Западной Европы, а в Варшаве остановиться на обратном пути, если будет получено официальное приглашение. Маяковский согласился. На следующий день он выехал в Прагу, оставив в полномочном представительстве СССР письмо на имя председателя Пен-клуба.

«Уважаемые коллеги!

Мне бы очень хотелось встретиться с польскими писателями и работниками польского искусства для взаимной культурной информации, которая, несомненно, должна интересовать и вас, и меня.

Я был бы очень рад, если бы вы нашли возможным использовать для этого мое пребывание в Варшаве проездом из Парижа в Москву (первые числа мая).

В случае вашего желания благоволите сообщить представителю Всесоюзного общества культурной связи в Варшаве Мих[аилу] Павловичу Аркадьеву (Познанская, 15). С приветом Владимир Маяковский» *.

* АВП СССР, ф. 188, оп. 12, д. 14, л. 78.

К этому письму он приложил конспект своих выступлений под заголовком: «10 лет — 10-ти поэтов».

12 мая Маяковский, закончив поездку по странам Западной Европы, снова прибыл в польскую столицу. «Я попал в Варшаву,— писал он,— в разгар политической борьбы: выборы. Список коммунистов аннулирован. Направо от нашего полпредства — полицейский участок. Налево — клуб монархистов»*.

13 мая газета «Курьер польский» сообщила, что в Варшаву прибыл «Владимир Маяковский, которого считают одним из главных поэтов большевистской России и основателем футуризма».

В течение 10 дней Маяковский знакомился с Варшавой, встречался с известными польскими поэтами В. Броневским, Ю. Тувимом. С докладами о советской литературе и с чтением своих стихов он не выступал. «Мысль о публичном выступлении пришлось оставить». Политическая борьба, развернувшаяся во время подготовки к выборам в городское самоуправление, часто сопровождалась грубыми выпадами буржуазной печати против СССР.

Поселившись в гостинице, Маяковский не мог работать из-за потока посетителей. Узнав об этом, Войков предложил ему переехать в полномочное представительство СССР. Маяковский согласился. Несколько

дней они провели вместе. Катались по Висле, посетили университетскую библиотеку, музей изящных искусств. Прогуливаясь в Краковском предместье, они подошли к памятнику Адаму Мицкевичу, сняли шляпы и долго стояли перед ним.

— Как на Тверском бульваре, у памятника Пушкину,— сказал Маяковский,— много народу, дети щебечут...

На Саксонской площади Войков и Маяковский остановились у памятника Юзефу Понятовскому. Войков рассказал, что польское буржуазное правительство, получив этот памятник из России, куда он был эвакуирован в годы мировой войны, поставило его так, что княжеская рука с мечом указывает на восток.

— Верно,— сказал Маяковский,— угрожает. Жаль.

Видимо, это впечатление оставило свой след в его известном стихотворении «Чугунные штаны», в котором поэт гневно обличает реакционную польскую военщину.

Штанов нет.

Жупан с плеч,

Конь

с медным хвостом.

В правой руке

у пана

меч,

направленный на восток.

Восток — это мы...

В музее Маяковский и Войков долго рассматривали картины известного итальянского живописца Каналетто Младшего (Анто-

* Владимир Маяковский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1958, стр. 336.

нию Канале), на которых были запечатлены многие уголки Варшавы XVIII века. Глубоко чувствуя природу и национальный колорит, художник создал живые картины древней польской столицы.

После посещения музея Петр Лазаревич повел своего гостя в один из уголков старого города, чтобы сравнить его с картинами Каналетто. Мало изменились эти места с тех пор. Вот знакомая площадь, заполненная народом, церковь, освещенная мягкими лучами заходящего солнца, брусчатые мостовые...

На базарной площади Войков и Маяковский подошли к толпе людей, окружившей колонку водопровода. Какой-то хорошо одетый человек в сером кепи качал воду в ведро. Наполнив ведро, он передал его стоявшей неподалеку женщине и стал расспрашивать, здорова ли она и как учатся ее дети. Затем поднялся на камень и начал предвыборную речь, призывая голосовать за «социалистическую» партию Пилсудского.

— От Лёвы британского несет,— сказал Маяковский, кивнув головой в сторону оратора.

Вечером в белом зале полномочного представительства СССР собралась вся колония. Петр Лазаревич подошел к круглому столу, покрытому красной бархатной скатертью.

— Наш дорогой гость обещал выступить у нас на вечере с чтением своих произведений. Позвольте предоставить ему слово.

Маяковского встретили аплодисментами.

Владимир Владимирович сказал, что он рад случаю познакомиться с дорогими соотечественниками, поделиться с ними впечатлениями о своей поездке по странам Европы и прочитать свои стихи. Говорил он тихо, спокойно, смотрел открыто и, казалось, хорошо видел всех присутствующих. Маяковский рассказал, что в Чехословакии и во Франции он выступал с докладами о развитии советской литературы, о жизни и литературной деятельности Демьяна Бедного, Николая Асеева, Алексея Толстого, Николая Тихонова, Александра Безыменского, Семена Кирсанова...

Вынув из кармана пиджака небольшую книжку с потрепанными страничками, Владимир Владимирович сказал, что прочитает отрывки из своей поэмы «Владимир Ильич Ленин». Начал он читать вначале тихо, но потом, с каждой строкой, его голос звучал сильнее, хотя ни малейшего напряжения не было заметно на лице поэта. Зал замер, очарованный чеканными, неотразимо волнующими строками. Перелистав еще несколько страниц, он спрятал книгу в карман и начал читать лирические стихотворения А. С. Пушкина. Читал Маяковский в этот вечер много. И вдруг после слов «И Терек могучий вал остановил» он замолчал, словно оборвался его голос, постоял немного, улыбнулся — забыл... махнул рукой и раскланялся.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА ОСЛОЖНЯЕТСЯ

6 апреля 1927 года полиция и солдаты ворвались в здание полпредства СССР в Пекине, произвели там обыск и арестовали некоторых дипломатических сотрудников. Налет был организован с ведома и одобрения империалистических сил Великобритании и США с целью разжечь серьезный конфликт между пекинским правительством и СССР.

12 мая 1927 года более ста полицейских и тайных агентов, ворвавшись в помещения торгового представительства СССР в Лондоне, взломали бетонные стены, несгораемые шкафы и захватили секретные документы, шифрованные телеграммы, коды. Для оправдания вероломного нападения была пущена в ход версия об исчезновении из сейфа одного из английских министерств какого-то таинственного документа.

Отношения между Великобританией и СССР осложнились. Правительство Болдуина, желая еще более накалить обстановку, выпустило в свет так называемую «Белую

книгу», состоявшую из грубо сфабрикованных фальшивок, которые выдавались за советские документы.

27 мая министр иностранных дел Остин Чемберлен заявил о разрыве дипломатических отношений с СССР и об аннулировании англо-советского торгового соглашения. Британский министр пытался обвинить СССР в организации антибританской пропаганды.

Правительство СССР отвергло все необоснованные обвинения. Оно заявило, что возлагает на правительство Великобритании всю ответственность за разрыв дипломатических отношений.

Было ясно: английское правительство активизирует свою политику изоляции и окружения СССР, провоцирования войны между Советским Союзом и его соседями.

Поздно вечером 29 мая 1927 года в советском полпредстве в Варшаве раздался телефонный звонок. После короткого разговора Войков перевернул листок календаря и сделал запись: «В 9 часов утра к Залескому».

30 мая в 8 часов 40 минут утра Войков подошел к автомобилю, стоявшему у парадного входа, и уже хотел открыть дверцу, как вдруг с балкона послышался голос Аркадьева:

— Петр Лазаревич! Визит отменяется.
Личный секретарь министра сообщил, что Залеского в Варшаве нет.

П. А. Войков знал тактические приемы министра и сразу понял, что побудило его отменить визит: Залесский чего-то выжидал.

1 июня Залесский пригласил к себе Войкова и извинился, что не мог встретиться раньше. Он сказал, что хотел бы сообщить господину посланнику мнение своего правительства в связи с разрывом дипломатических отношений между Великобританией и Советским Союзом.

— Несколько дней тому назад,— продолжал министр,— я дал указание посланнику в Лондоне довести до сведения английского правительства особое заявление о том, что правительство Польши не может присоединиться к той позиции правительства Великобритании, которую оно заняло по отношению к СССР. Польское правительство будет по-прежнему проводить политику установления дружественных отношений со своим великим восточным соседом. И вот как раз сегодня получена телеграмма из Лондона, в которой сообщается о выполнении этого указания.

Министр иностранных дел Залесский обманивал Войкова. Такого указания он не давал. Он дал директиву, противоречившую интересам польского народа. В строго секретной телеграмме, посланной в Лондон, министр писал: «Я прошу вас, господин посланник, в беседе с Чемберленом подчеркнуть следующие моменты: 1. С нашей точки зрения, разрыв англо-советских дипломатических отношений наносит тяжелый удар коммунистической пропаганде не только в

Англии, но и во всей Европе, что польское правительство, учитывая задачу умиротворения Европы, расценивает, как явление весьма положительное...»

В телеграмме говорилось, что польское правительство и «впредь намеревается вести переговоры по поводу заключения договора о ненападении, не ускоряя, однако, их темпа. Ведь вполне вероятно, что Советы со своей стороны будут оказывать на нас давление в целях более быстрого подписания договора. Во всяком случае мы не собираемся никоим образом отступать от прежней программы, известной Foreign Office» *.

В конце беседы Войков заметил, что он хочет воспользоваться случаем и задать вопрос, имеющий непосредственную связь с проблемами советско-польских отношений.

— Верны ли сообщения польских газет,— спросил он,— о созыве в ближайшее время в Кракове съезда петлюровской организации?

— Да, что-то промелькнуло в газетах об этом,— ответил министр,— но я не обратил на это внимания.

— Я позволю себе,— продолжал Войков,— высказать по этому вопросу свое личное мнение. Сборище петлюровцев на территории Польши, если бы оно имело место, безусловно, вызвало бы недовольство общественного мнения наших стран. В этом я глубоко убежден.

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 142.

— Вполне разделяю ваше мнение, господин посланник.

— Мне известно содержание приветственной телеграммы, которую петлюровцы собираются направить маршалу Пилсудскому. Можно выразить сожаление, что многие петлюровцы, сражавшиеся с оружием в руках против Советской власти, получили у вас приют.

— Могу заверить вас, господин посланник, в том, что пан маршал не разрешит созыв такого съезда на польской территории*.

— Между прочим,— сказал Войков,— один из ваших предшественников уверял меня, что слухи об установлении государственных пенсий Махно и Петлюре лишены всяких оснований. К сожалению, это подтвердилось. Говорят, что решающее слово сказал господин маршал, более того, что он принимал Махно в своей резиденции и беседовал с ним.

— Но я уверен, что господин маршал не вел с Махно политических переговоров, которые были бы направлены против СССР. Это была скорее встреча двух старых воинов, один из которых оказался в бедственном положении на чужой территории.

* Давая такое заверение, министр иностранных дел, как видно, пытался ввести в заблуждение полномочного представителя СССР. Съезд петлюровцев состоялся 18 июня 1927 года в Кракове. В приветственной телеграмме, которую направил этот съезд президенту Польши Мосьцицкому и председателю Совета министров Пилсудскому, выражалась благодарность за оказанное петлюровцам гостеприимство.

С обострением международной обстановки белогвардейские организации активизировали свою деятельность, участились случаи антисоветских провокационных и террористических актов.

Возлагая надежды на новую интервенцию против Советской России, значительная часть белоэмигрантов оседала в странах Восточной Европы. Многие из них попадали в зависимость от местных властей и нередко становились орудием в руках полиции или разведывательных органов. Белогвардейцы, объединившись в политические организации и вооруженные банды, принимали активное участие во враждебной деятельности против СССР. Польские буржуазно-помещичьи правительственные круги поощряли их антисоветские действия.

Еще в 1926 году Войков получил из достоверных источников сведения о подготовке на него покушения. «Уже месяц,— сообщал он об этом в своем письме от 15 июня 1926 года в НКВД СССР,— как меня предупреждают о возможном на меня покушении».

Правительство Пилсудского было осведомлено о подготовке такого покушения. Оно имело в своем распоряжении обширную секретную информацию от органов государственной безопасности, среди которой были и донесения о подготовке убийства Войкова. В одном из совершенно секретных писем полковника пограничной охраны Ю. Ольшины-Вальчиньского от 18 июня 1926 года командованию корпуса пограничной охраны говорилось: «В Луцке существует «Русский

комитет благотворительности»... Его председателем является некий Смирнов, проживающий в Луцке по улице Сенкевича. Кроме того, членами руководящего комитета общества являются: генерал русской армии Волховский и бывший полковник русской армии Эльберт, служивший в царское время офицером разведки Петроградского военного округа...

Под прикрытием благотворительности комитет по поручению Николая Николаевича осуществляет деятельность в пользу русских монархистов.

Спустя несколько дней после майских событий в Варшаве Волховский получил от Николая Николаевича приказ, предписывающий выбрать из местной организации русских монархистов лицо, которое бы взялось за организацию покушения на представителя СССР в Польше Войкова.

Внутренний комитет избрал некоего студента из Луцка, русского, фамилии которого до сих пор установить не удалось.

Согласно полученным сведениям, приказ Николая Николаевича интерпретируется этим комитетом следующим образом:

Покушение имеет целью вызвать усиление напряженности в польско-советских отношениях, что могло бы привести к конфликту, которым хочет воспользоваться организация русских монархистов; она якобы уже имеет наготове диверсионные отряды на границе СССР с Турцией, Болгарией и Румынией.

Для покрытия расходов, связанных с ор-

ганизацией покушения, комитет собрал деньги среди доверенных людей.

Вышеизложенное дело я не могу передать политической полиции, так как существуют данные, свидетельствующие о том, что воеводские круги в Луцке поддерживают внутренний комитет, а именно: собственное расследование доказало, что как Волховский, так и Эльберт часто бывают у начальника воеводского управления политической полиции Зёловского, а также у начальника отдела безопасности Рутковского» *.

Вокруг полпредства СССР умышленно создавалась накаленная обстановка. При попустительстве властей действия белогвардейцев и реакционных милитаристских элементов становились особенно вызывающими. В одном из соседних с полпредством домов разместилась белогвардейская организация. Отсюда за Войковым вели слежку. Газета «Курьер поранны» открыто призывала к расправе над советскими дипломатами. Войков продолжал получать письма с угрозами, но он не изменил обычного образа жизни, продолжал спокойно прогуливаться по варшавским улицам, ходить с женой в театр, музеи, кино, а с сыном Павликом — в зоологический сад, заниматься повседневными делами, встречаться с польскими государственными и общественными деятелями.

Он как бесстрашный часовой стоял на своем посту.

* «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. V, М., 1967, стр. 17—18.

ЗЛОДЕЙСКИЙ ВЫСТРЕЛ

2 июня 1927 года в консульский отдел полномочного представительства СССР явился человек на вид лет двадцати пяти, выше среднего роста, с длинными растрепанными волосами. Назвав себя Борисом Ковердой, польским гражданином, он заявил о своем желании возвратиться в Россию, где когда-то жил со своими родными. В Польше, по его словам, он много страдал и не мог получить образования и работы. Коверда попросил ознакомить его с правилами приема в советское гражданство.

5 июня Коверда явился снова. На нем был новый костюм и белая рубашка с темной «бабочкой». Он уже не говорил о своих материальных затруднениях и о возвращении в СССР, а только обратился с просьбой о выдаче ему визы на временный въезд в Советский Союз «с целью ознакомления с жизнью в России». Получив для заполнения соответствующие бланки-анкеты, Коверда ушел.

7 июня 1927 года Петр Лазаревич встал рано. Выпив стакан чая, он зашел к себе в кабинет и еще раз прочитал телеграмму

временного поверенного в делах СССР в Великобритании А. П. Розенгольца. Поверенный в делах сообщал о возвращении на родину сотрудников дипломатической миссии СССР в Лондоне и просил Войкова встретить их на Главном вокзале в Варшаве. В тот же день в 9 часов утра Петр Лазаревич приехал на вокзал вместе с сотрудником полпредства Ю. Н. Григоровичем и начал просматривать газету. Когда показался берлинский экспресс, Петр Лазаревич свернул газету, положил ее в карман и подошел ближе к краю платформы. Заметив в окне вагона знакомых, он помахал им шляпой. Узнав, что все доехали благополучно, Войков решил Григоровичу уйти по служебным делам в город.

В вокзальном буфете Войков и Розенгольц выпили по чашечке кофе и вышли на перрон. Было 9 часов 40 минут. Петр Лазаревич рассказывал о своей работе. «Чтобы узнать страну,— говорил Войков,— надо прожить в ней несколько лет...» Когда он произносил последние слова, неожиданно раздался выстрел. Войков оглянулся. Человек в сером плаще и серой шляпе, надвинутой на лоб, направил на него револьвер и пять раз подряд выстрелил. Петр Лазаревич пошатнулся и левой рукой схватился за грудь. Превозмогая боль, он сумел вынуть из кармана револьвер и дважды выстрелить в сторону нападающего. Подбежавший к Войкову полицейский успел подхватить его на руки. Человек в сером плаще отбежал в сторону и пытался снова зарядить револьвер. Уви-

дев двух полицейских, он бросил его на землю и поднял руки. Это был Коверда.

На вокзале Петру Лазаревичу оказали первую медицинскую помощь. Окровавленный, он лежал на спине и тяжело стонал. Его слегка приподняли, чтобы он мог вздохнуть, но тогда началось сильное кровотечение из раны в груди. С каждой минутой Войкову становилось все хуже. В тяжелом состоянии его доставили в военный госпиталь, куда вскоре прибыл министр иностранных дел Залесский. Когда в госпиталь приехал М. П. Аркадьев, Петр Лазаревич лежал на операционном столе в полном сознании. Врачи безуспешно пытались остановить кровь.

— Петр Лазаревич,— спросил Аркадьев, склонившись над его головой,— желаете сказать что-нибудь?

— Да. Желаю...

Эти слова Войков произнес тихо. Указав рукой на дверь, открытую в соседнюю комнату, он попросил взять там из кармана его пиджака ключи от сейфа, документы и револьвер. Михаил Павлович, кивнув головой, ответил, что он все понял и все сделает. Петр Лазаревич, казалось, успокоился. Но через минуту он снова приподнял голову.

— В представительстве все живы, что там?

— Все благополучно, не беспокойтесь, Петр Лазаревич,— ответил Аркадьев.

— Сообщите в Москву, Чичерину...

И снова Петр Лазаревич беспокойно приподнял голову, словно искал кого-то. Может

быть, он хотел увидеть жену и сына, но их не было здесь: они еще ничего не знали о покушении. На вопрос Михаила Павловича, сколько человек стреляло в него, Петр Лазаревич уже не мог ответить, а только пошевелил правой рукой и указал пальцем. Склонив голову набок, он чуть слышно произнес:

— Хочу уснуть.

Это были его последние слова.

Печальное известие о злодейском убийстве полномочного представителя СССР в Польше Петра Лазаревича Войкова было воспринято с гневом и болью трудящимися Советского Союза, вызвало глубокое возмущение прогрессивных людей в самых различных странах мира. На многих предприятиях Польши рабочие прекратили работу.

«Очень ошеломило меня убийство П. Л. Войкова»,— писал в те дни Максим Горький из Италии.

Потрясенный трагической гибелью друга, В. В. Маяковский писал:

Вот с этим

виделся,

чуть не за час.

Смеялся,

Снимался около...

И падает Войков,

кровью сочась,—

И кровью

газета

намокла.

По всей Советской стране проходили траурные митинги и массовые демонстрации. В те тревожные дни на происки империали-

стов трудящиеся ответили массовой кампанией по сбору средств в фонд строительства эскадрильи «Наш ответ Чемберлену».

В адрес правительства СССР поступали телеграммы с выражением глубокого соболезнования из многих стран.

Много таких телеграмм получила и Александра Филипповна, мать Петра Лазаревича. В небольшом деревянном доме на окраине Москвы она, убитая горем, не заметила, как в комнату вошел высокий человек с добрыми черными глазами. Это был Владимир Маяковский. Он присел около нее, сердечно обнял. Вынув из кармана часы, Маяковский положил их на стол.

— Это подарок Петра Лазаревича. Он дорог мне как память о славном товарище, но будет еще дороже для вас.

Лазарь Петрович в это время лежал в больнице в тяжелом состоянии. Александра Филипповна, навестив мужа, ничего ему не сказала. Не говорили об этом и врачи. Но 8 июня Лазарь Петрович, повернувшись к соседу, увидел у него в руках газету «Известия». Невольно бросились в глаза слова в черной рамке: «Вчера в Варшаве убит полномочный представитель СССР товарищ П. Л. Войков». А ниже — портрет сына.

— Это мой Петрусь...

Ничего больше Лазарь Петрович не смог сказать. После тяжелого сердечного удара он уже не вернулся домой.

7 июня правительство СССР направило правительству Польши ноту протеста. В ней говорилось, что Советское правительство ставит это неслыханное злодеяние в связи с целой серией актов, создающих угрозу миру. «Налеты на пекинское Посольство СССР, осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на Торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии — весь этот ряд актов развязал деятельность террористических групп реакционеров, в своей бессильной и слепой ненависти к рабочему классу хватающихся за оружие политических убийств.

Союзное Правительство усматривает в убийстве своего Посланника также и результат непринятия Польским Правительством всех необходимых мер против преступной деятельности на территории Польши русских контрреволюционных террористических организаций, особенно опасных для дела мира в теперешней международной обстановке»^{*}.

Правительство СССР заявило, что польское правительство не может уклониться от ответственности за это убийство. Английские правящие круги старались разжечь возникший конфликт. Однако правительство Пилсудского вынуждено было считаться с возмущением польского народа этим убийством.

^{*} «Документы внешней политики СССР», т. X. М., 1965, стр. 289.

Польские трудящиеся расценили убийство Войкова как попытку спровоцировать войну с Советским Союзом. ЦК Коммунистической партии Польши в телеграмме на имя ЦК ВКП(б) заверял, что этот преступный акт «усилит в пролетарских массах Польши чувство глубокой любви к отечеству пролетариев всего мира — Советскому Союзу и борьбу против угрозы империалистической войны и против фашистской диктатуры Пилсудского» *.

В Бельведерском дворце, вокруг которого была расставлена усиленная охрана, Пилсудский провел секретное совещание с министрами. Вскоре после этого министр иностранных дел Залесский пригласил к себе посланников Англии и Франции и подробно информировал их о положении в стране, возникшем после убийства полномочного представителя СССР. Полиция была вынуждена произвести аресты среди белогвардейцев, конфисковать экстренный выпуск газеты «Новая Россия», в котором содержались призывы к белоэмигрантам о сборе средств на оплату адвокатов убийцы. Правительство Пилсудского официально заявило, что оно осуждает убийство полномочного представителя СССР и выразило в связи с этим свое соболезнование Советскому правительству. Однако политика правительства Пилсудского по отношению к СССР не изменилась. Вскоре все белогвардейцы, арестованные по

* «Документы внешней политики СССР», т. X, М., 1965, стр. 640.

делу убийства, были освобождены без следствия. Некоторые польские газеты опубликовали статьи с заявлением о том, что польское правительство не несет ответственности за убийство П. Л. Войкова, квалифицируя это преступление как «поступок безумца», «индивидуальный акт».

9 июня в советской печати было опубликовано правительственное сообщение, в котором приводились неопровержимые факты, свидетельствовавшие, что подлинными организаторами этого преступления были западные империалисты.

Правительство СССР 11 июня заявило, что оно рассматривает «убийство своего Представителя в Варшаве не как индивидуальный поступок безумца, а как одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны темных сил мировой реакции и противников мира» *. В ноте говорилось, что убийца является польским гражданином, сыном контрреволюционного деятеля, принятого в польское гражданство.

Правительство СССР потребовало всестороннего расследования преступления, быстрого и сурового наказания виновных, а также ликвидации на польской территории деятельности белогвардейских организаций, направленной против СССР.

16 июня Чрезвычайный суд Польской Республики, признав Бориса Коверду виновным

* «Документы внешней политики СССР», т. X, М., 1965, стр. 295.

в убийстве полномочного представителя СССР, приговорил его к бессрочным каторжным работам. Однако наряду с этим суд обратился через министра юстиции к президенту страны с ходатайством о замене бессрочных каторжных работ каторжными работами сроком на 15 лет*.

Правительство Пилсудского, под сильным влиянием польского и мирового общественного мнения, было вынуждено пойти на переговоры с правительством СССР об урегулировании конфликта, вызванного убийством П. Л. Войкова. В ноте от 25 июля оно еще раз выразило сожаление и надежду, что «несчастный случай, совершенный преступной рукою, не задержит нормального и искреннего стремления соседних государств и народов к постоянному улучшению отношений между ними...»

26 августа посланник Патек посетил Чичерина и снова заверил его в том, что польское правительство стремится к улучшению отношений между Польшей и СССР.

Приняв во внимание эти заявления, правительство СССР сообщило польскому правительству о своем согласии принять возможные меры к устранению напряженности в советско-польских отношениях, возникшей в связи с убийством полномочного представителя СССР.

* После непродолжительного пребывания в тюрьме, в которой ему были предоставлены особые льготы, убийца был выпущен на свободу; вскоре он уехал в США.

31 августа Народный комиссариат иностранных дел СССР опубликовал об этом официальное сообщение в печати.

Правительство СССР постаралось не допустить дальнейшего обострения советско-польских отношений. Оно решило вопрос о ликвидации конфликта без угроз и применения силы. Это был миролюбивый акт социалистического государства.

Большую роль в срыве антисоветских империалистических планов сыграло движение польских трудящихся, руководимых Коммунистической партией, против войны, за развитие дружественных отношений с СССР.

Три дня над парадным входом полномочного представительства СССР был приспущен государственный флаг СССР. С утра и до глубокой ночи тянулась длинная цепь людей, которой, казалось, не было конца. Жители столицы, среди которых были рабочие, представители интеллигенции, студенты, ремесленники, шли проститься с Войковым. Почти у каждого из них был в руках букет цветов или цветок гвоздики. Склонив головы, они входили в белый зал полномочного представительства СССР медленно и молча, словно боясь нарушить покой человека, жизнь которого трагически оборвалась. Скорбно звучал траурный марш Шопена. В те дни полномочное представительство СССР посетили многочисленные делегации рабочих заводов, фабрик, учащиеся учебных заведений, представители Центрального

Комитета Коммунистической партии Польши и возложили венки. Каждую минуту сменялся почетный караул. Более ста венков было возложено к гробу П. Л. Войкова. На многих из них были надписи: «Борцу пролетарской революции», «Герою борьбы с империализмом», «Бойцу победоносного пролетариата СССР».

Познаньская улица, на которой находилось полномочное представительство СССР, охранялась нарядами полиции и воинских частей.

10 июня в 8 часов утра началась траурная процессия. Орудийный лафет, на котором был установлен гроб, сопровождал почетный военный караул. За караулом рядом с вдовой Войкова и его сыном шли сотрудники полномочного представительства СССР, члены польского правительства, депутаты сейма, политические и общественные деятели, члены дипломатического корпуса, жители Варшавы. В почетном эскorte участвовали части всех родов польских войск.

Одновременно в Варшаве началась мирная демонстрация трудящихся в знак солидарности с СССР. Демонстранты прорывали наряды полиции и войск, выстроившись в две шеренги вдоль улиц до Главного вокзала, и присоединялись к траурной процессии.

В 8 часов 45 минут специальный поезд под звуки траурного марша отправился по пути, по которому Войков когда-то прибыл в Варшаву.

11 июня на Белорусском вокзале в Москве собрались тысячи трудящихся, руководи-

тели партии и правительства, дипломатический корпус, представители советской и иностранной прессы. Траурная процессия, следовавшая по Тверской улице, в 6 часов 30 минут прибыла на Красную площадь. Члены правительственной комиссии сняли с орудийного лафета гроб и установили его на постамент около Мавзолея Ленина. После траурного митинга прах Войкова был захоронен у Кремлевской стены рядом с могилой В. В. Воровского.

Петр Лазаревич Войков отдал свою жизнь в борьбе «за мир, которую приходится вести Советскому правительству и его дипломатам с величайшим напряжением и беспримерным терпением»*. Он занял видное место в истории советской дипломатии. Имя Войкова увековечено в названиях заводов, школ, улиц, одной из станций Московского метрополитена. В Керчи П. Л. Войкову воздвигнут памятник.

* «Правда», 12 июня 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Детские и юношеские годы	12
Под чужим именем	21
Полиция ищет Войкова	26
В Женеве	32
Возвращение на Родину	40
На Урале	45
Власть народа	50
Встреча с бывшим царем	57
В кольцо фронтов	65
В Москве	72
Совместная работа с А. М. Горьким	76
На дипломатической службе	81
У русского богатыря	91
Новое назначение	95
Встречи с министром	104
Визит Г. В. Чичерина	115
Государственный переворот	124
Мечты о водном пути	152
Полномочный представитель трудового народа	162
Воспоминания друзей	177
Владимир Маяковский в Варшаве	188
Международная обстановка осложняется	194
Злодейский выстрел	202

Жуковский Николай (Галичий Николай Павлович).

**Ж86 Полномочный представитель СССР.
М., Политиздат, 1968.**

214 с. с илл.

В книге рассказывается о жизненном пути революционера, политического деятеля, видного советского дипломата Петра Лазаревича Войкова (1888—1927).

1-11-1
273-67

9(С)2+3КП1(092)

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

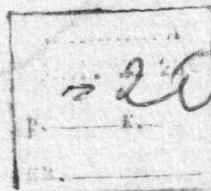
Технический редактор *Н. Е. Трояновская*

Сдано в набор 12 марта 1968 г. Подписано в печать 3 июня 1968 г. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Услови. печ. л. 8,34. Учетно-изд. л. 7,24. Тираж 100 тыс. экз. А 05863. Заказ № 2322. Цена 23 коп.

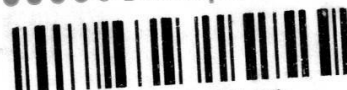
Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.

23 коп.



OZON.ru
..... выберите



1042446749